

Катя Вереск

НАМ НЕЛЬЗЯ

И снова мы остаемся одни.

Наедине, в большом доме, в сумрачной комнате. За окном стрекочут цикады, шумит ветер в старых яблонях, тихо накрапывает дождь, а мы сидим близко-близко. Смотрим друг другу в глаза — безотрывно, жадно — и никак не можем решиться.

Наконец Женька склоняется ко мне и впивается в мои губы. Раздвигает их языком. Я отвечаю не менее страстно. Не хочу, чтобы он останавливался, одни поцелуи меня заводят похлеще любого порно. Его руки ложатся на мою талию, притягивают к себе. Я сажусь на него верхом, задрав тонкую юбку. Вечерняя прохлада холодит оголившийся зад, а в трусиках все горит.

Я прижимаюсь всем телом, а Женька хрипло и низко стонет, расстегивает ширинку. Я сползаю на пол между его колен, заглядываю в его лицо. Женин взгляд темен от возбуждения, глаза блестят, губы приоткрыты, и с них срывается хриплый вздох...

Будильник заверещал, выдернув меня из сна. Я разлепила глаза, зашарила рукой по тумбочке, не желая покидать горячих объятий и сумеречной комнаты десятилетней давности.

Тогда до дела у нас так и не дошло, ограничилось жестким бесстыжим петтингом. Но в моих мечтах мы дошли до самого конца.

Напряжение так и не отпускало, в трусиках было влажно. Не выдержав, я запустила в них два пальца. Широко расставив ноги, ласкала себя все быстрее и содрогнулась от короткой слепящей разрядки. Не успела толком прийти в себя, как телефон затрезвонил снова.

— Д-да? — я промямлила в трубку.

— Але, дорогая, ты где? Я уже у твоего подъезда, — заявил голос сестры.

Я села на кровати, отняла мобильник от уха и посмотрела на время. Черт, проспала! Будильник не перевела, а ведь договорились, что Галка заедет за мной на час раньше!

— Галюш, я сейчас, пару минут, — затараторила я, одновременно влезая в джинсы и причесываясь.

— Понятно, — недовольно ответила Галка. — Я у подъезда припарковалась, короче.

Я быстро оделась, сунула в рот запретный (диета!), но такой желанный бутерброд, покидала необходимые вещи в рюкзак, захватила подарок в яркой обертке, и кубарем скатилась по лестнице, не дожидаясь лифта.

— Вот сейчас в пробке стоять будем три часа, — выговаривала мне Галка, когда мы доехали до МКАДа и встряли. — А все почему? Раньше надо было выезжать.

— Да, Галюш, извини, — тихонько вздыхала я. — Сейчас-то что?.. Едем уже.

Машины двигались медленно, друг за дружкой, как слепые в выхлопном тумане. В итоге ехали мы не три запланированных часа, а пять. Но явиться нам следовало обязательно, нас с Галей ждали.

Наша бабка выходила замуж в третий раз. Все семейство было радо: нет ничего страшнее, чем гиперактивная и очень волевая женщина в годах, которой нечем (и некем) заняться. После инфаркта второго мужа она не вылезала из гостей, постоянно висела на телефоне, рассказывая маме и тете Люде как правильно убирать дом, тратить деньги и вообще жить. И спасло нас лишь появление дяди Саши. Мужчина он был спокойный, тоже в годах, обращался с бабулей виртуозно — всегда слушал так, будто впитывал каждое изреченное ею слово. Благодарнейший зритель, который, конечно же, потом все делал по-своему.

В общем, свадьбу они подгадали к началу майских праздников, и теперь все наше семейство собиралось в загородном доме отмечать, шашлычить и пить. Хотя я подозревала, что вместо отдыха и шашлыков мы все будем косить, красить и чинить.

Галка припарковала свой потрепанный «рено» напротив ворот. Я вышла, с наслаждением потянулась на свежем и теплом ветру. Пахло хвоей и смолой.

Участок у нас большой, еще в советское время дедушке выделили за выслугу лет или что-то в этом роде. Дом стоял почти что в лесу — половина участка поросла соснами и переходила в лес, на второй половине росли яблони. Поэтому осенью крыша дома оказывалась присыпана хвоей, а земля — чуть забродившими яблоками. Сам дом подмигивал из-за листвы красным, два этажа, выложенные кирпичом.

Много комнат, все для большой семьи.

Бабушка крепко меня обняла, чмокнула в обе щеки.

— Линочка, — велела, — поднимайся наверх, будете с Галочкой в ее комнате.

— А моя как же?.. — я жалобно подала голос, но бабушка только отмахнулась.

— Я уже все распланировала, народу будет много, придется потесниться, мои дорогие.

И она убежала, раздавая указания направо и налево.

Мы поднялись наверх, кинули вещи в тесную Галкину комнату с видом на сад. Я переоделась, влезла в старое платье, которое висело на плечиках в кладовке. Пачкать джинсы не хотела, да и вообще я не люблю, когда одежда воняет дымом и шашлыками. Галке кто-то позвонил, и я спустилась вниз, чтобы не мешать ей говорить. Вышла в сад, наслаждаясь теплым весенним деньком. Подошла к клумбе с высокими цветами, то ли гладиолусами, то ли еще как-то их называли. Склонилась стряхнуть жука с одного цветка, как сзади меня окликнули:

— Лина, привет!

Не знаю, что я узнала быстрее: его голос или лицо. Наверное, все же голос, хоть я и не слышала его столько времени. Сколько мы не виделись? Десять лет? Девять? А сердце снова застучало, как тогда, будто только вчера расстались. Я даже замуж сходилa. За год совместной жизни поняла, что человек вообще не мой, не нужно терзать ни себя, ни его, благополучно развелась и забыла, как забывала многих. Единственным, кого забыть не смогла, был Женька.

И вот, пожалуйста, он стоит передо мной и улыбается. Кривенько так, неуверенно. Наверное, ему неловко, как и мне.

Выглядит он хорошо, я бы даже сказала, замечательно. Раздался в плечах, да и вообще превратился из подростка в сильного мужчину. На лице аккуратная щетина — из разряда тех, которые специально ровняют в барбершопах, — под модным пиджаком белая, будто жеваная майка с какой-то надписью. За забором остывает новый мерседес черного цвета.

Чувствуя, как горят уши, я махнула в ответ рукой и отвернулась к

гладиолусам. Стояла, изображая интерес к бутонам и клумбе в целом, а в голове крутилось всякое. Что он здесь забыл? Ни на одном семейном торжестве не был, а тут явился. И я хороша — в дачном платье: на подоле пятно, мягое все и полнит. Я даже не накрашилась... Черт, черт, черт!

Как назло вспомнился тот сон: в душной темноте он гладит мое обнаженное тело, я прижимаюсь мокрыми трусами к его вздыбленному члену, мечтаю, чтобы он наконец вошел в меня, вбился толчками, растянул и заполнил...

Но нет, нам нельзя. Мне нельзя.

Нехорошо фантазировать о сексе с двоюродным братом.

2 (обновление от 27.06)

Женька зашел в дом, и тут же донеслись восторженные крики. Я глянула в окно, через которое была видна часть прихожей. Бабушка расцеловывала Женьку. Папа и дядя Саша жали ему руку, Галка выглянула из кухни с улыбкой. Наверное, было невежливо вот так стоять отдельно, стоило тоже зайти. Но я будто вросла в землю, как еще один цветок на проклятой клумбе.

Я сделала глубокий вдох. Спокойно, Лина Николавна, ты сможешь. Он уже не помнит о том, что было. И ты не помнишь. Улыбайся. Будь мила и весела, ведь этого от тебя ждут.

Глубокий вдох — и я направилась в дом.

Большую часть времени я провела на кухне, помогала Галке готовить обед. Накрыв на стол под чутким руководством бабушки, мы с мамой, папой и Галкой сели по одну сторону, спиной к окну. Тетя Люда, дядя Андрей по другую, молодожены — во главе стола.

Женька сел напротив меня.

Пиджак он снял, оставшись в белой футболке. Короткие рукава, казалось, вот-вот лопнут на мускулистых руках, по предплечью правой вилась до ужаса реалистичная татуировка — будто под кожей находится механизм с винтами и прочими железками. Интересно, почему он набил именно это? Иногда мне тоже хотелось татуировку, но на работе не оценили бы, приди я вдруг с бабочкой на ключице.

Шея у Женьки стала крепкой, мужской, как и грудь, натягивавшая белую ткань. Темные волосы были коротко выстрижены, а у глаз —

тоже темных — залегли небольшие морщинки. Наверное, он часто улыбался.

Женька тоже меня разглядывал.

— Я помню это платье, — сказал он совсем не в тему и указал вилкой на мой наряд. Я пожала плечами, делая вид, что вообще мало что помню, а уж тем более какое-то платье в дурацкий горох. Но щеки предательски вспыхнули.

Я была именно в этом платье, когда мы... Когда он...

Неважно, лучше об этом не думать.

Уткнувшись в тарелку, я ковырнула оливье. Надеюсь, что никто не заметил, как я покраснела. Если семейство поймет, особенно мама или тетя Люда, то будет просто катастрофа. Стыду не оберусь. А уж если поймет Женька...

— Ты лучше овощной положи, — посоветовала мама под руку и указала на таз с крупно настроганными огурцами и помидорами. С луком, ну конечно же. Для свежего дыхания. — Раз уж села на диету, то не ешь майонез.

Нет, все-таки помереть от стыда я могла не только из-за Женьки.

— Хорошо, — сказала еле слышно, отставляя проклятый оливье в сторону. Есть расхотелось совсем и надолго. Выпрямившись на стуле, я поймала на себе веселый взгляд Женьки.

— Худеешь? — спросил он.

Я пожала плечом, даже не зная, что ответить. Худею, ага. С того самого дня, как не влезла в прошлогодние джинсы. Фигура у меня такая — верх худенький, талия тонкая, а попа отъедается на раз-два.

— По-моему, у тебя все отлично, — заявил Женька.

— По-моему, тоже, — ледяным голосом отозвалась вездесущая мама.

— Но это не повод есть майонез ложками.

Я подняла брови и улыбнулась, мол, что с ней поделаешь? Женька подмигнул и сунул в рот здоровенную ложку салата. Того самого оливье.

Нужно было что-то у него спросить, чтобы поддержать беседу — у Женьки, не у его оливье, — но я никак не могла улучшить момент. Сперва бабушка говорила про яблони, на которых развелась парша.

Затем дядя Саша рассказывал про работу. Потом все чокнулись бокалами и выпили за здоровье наших пожилых «молодых».

А потом мама с тетей Людой начали свое извечное состязание, кто лучше воспитал детей. Конечно, делали они это скрытно, с обменом улыбками и восхищенными ахами и охами, но всем было понятно, что происходит на самом деле. Битва за звание «лучшей мамы» случалась каждый раз, как наша семья собиралась вместе.

И хоть нас с Галкой у мамы было двое, побеждала всегда тетя Люда.

— А ты, Жень, — мама оперлась подбородком на ладонь. — Так давно тебя не видела, совсем взрослый стал. Как Лондон?

— Хорошо, — ответил Женька с набитым ртом.

— Он на отлично закончил университет, — встряла тетя Люда.

— Мам, не на отлично. Средние оценки, нормально.

— Но для русского, который учится в Англии, это как на отлично, — не уступала тетя Люда.

— А что, русские тупее англичан? — тихо поинтересовалась я, не ожидая, что меня все услышат. После секундной заминки Женька расплылся в шkodливой улыбке, Галка фыркнула, мама рассмеялась и тронула мое колено, словно я сказала что-то невероятно смешное. Дядя Андрей и папа вообще нас не слышали, говорили о чем-то своем. Одна тетя Люда помрачнела. Казалось, она сейчас кинет в меня салфеткой.

— Что? — прокричала бабушка с другого конца стола. — Вы над чем там смеетесь?

— Да ни над чем. Женя рассказывает о своей учебе в Лондоне, — ответила мама.

— Что учеба... Пускай работу хорошую найдет, чтоб зарплата большая.

— А он и нашел, — тетя Люда воспряла духом. — Он у нас начальник отдела в крупной компании.

— И где? — поинтересовалась бабушка. — В Англии?

— Нет, в России, бабуль. — Выразительно глянув на тетю Люду, Женька наконец взял рассказ о себе в свои же руки. — В Москве.

То есть, теперь мы с ним живем в одном городе. Я не знала, хорошо это или плохо. С другой стороны, случайно встретиться в Москве очень тяжело, она большая. Да что там, можно даже жить на соседних улицах и никогда, никогда не видаться, все время проходить мимо.

Почему-то от осознания этого стало грустно.

Грусть я запила вином. Обычно оно помогало, но не сегодня. Женька все рассказывал о своей работе в одной из башен “Москва-сити”. О командировках в Гонконг и Пекин, о друзьях, которые звали покататься летом на яхте по Средиземному морю. И чем больше я слушала, тем больше понимала, какими разными мы стали. У него не жизнь, а сказка, глянцева картинка из журнала. Что-то нереально далекое. И как при всем при этом он умудрялся оставаться своим, родным? Не распустился, не стал гламурным и брезгливым?

Хотя, это же Женька. Душа компании, свой парень. Он ко всем подход знает.

Закончив рассказ, он из вежливости спросил, где работаем мы с Галей. Галя пахала (в буквальном смысле пахала, иначе ее ударный труд с девяти до девяти назвать было нельзя) маркетологом в немецкой компании по производству лампочек. Название было известное, и услышав его, Женька покивал, подняв брови. Затем перешли ко мне. Ничем выдающимся я за свою жизнь отличиться не успела. Работала учителем литературы в средней школе, выскочила замуж и так же скоропостижно развелась, оставшись одна и даже без кошек, на которых у меня аллергия.

— А ты? — спросила мама у Женьки. — В Лондоне не нашел себе невесту?

Мое сердце сделало прыжок. Поддрагивающими пальцами я снова придвинула к себе оливье и сунула в рот немного. Вкуса я не чувствовала.

— Нет, там все страшные. — Женька едва заметно поморщился. — Русские девушки красивее.

— Так найди русскую. Тебе сколько уже, двадцать шесть? Пора бы, — заметила мама.

— Для мужчины двадцать шесть — это не срок, — снова встряла тетя Люда. — Это девочкам надо поскорее, а то чем ближе к тридцати,

тем меньше желающих. Новое, молодое поколение девчонок подрастает, вот, восемнадцати-двадцатилетние какие сейчас ходят.

Она покачала головой с таким видом, будто восемнадцатилетние ходили перед ней прямо сейчас, виляя подтянутыми задницами. Камень в мой огород, понятно. Галка, младшая сестра, уже успела обручиться, свадьбу назначила на конец июля. А я все оставалась одна.

Но тыкать меня носом в мое одиночество не стоило.

— По-моему, торопиться не стоит никому. Надо найти своего человека, — ответила я. — Того, кого действительно любишь, и неважно, сколько лет тебе исполнилось.

— Так можно и всю жизнь прождать, — ехидно заметила тетя Люда. Я пожалала плечами и глянула на бабушку. Она улыбалась, все время держала дядю Сашу за руку. Давно я не видела ее такой счастливой.

— Можно и всю жизнь... — рассеянно проговорила я. Поняв, что есть больше не хочется, а сидеть с теткой за одним столом и терпеть, пока меня унижают на глазах у Женьки, — тем более, я отодвинула стул.

— Спасибо, было очень вкусно, — сказала и вышла из-за стола, попутно поймав взгляд Галки. «Нашла на кого обращать внимание», — читалось на ее лице. Потом поговорим и перемоем тете Люде кости, решила я и подмигнула ей в ответ.

Совсем как подмигнул мне Женька с полчаса назад.

На кухне я заварила чай — какой-то травяной из пакетиков, первое, что нашла в бабушкиных залежах. Запахло мятой. Прихватив пару сушек из шкафа рядом с плитой, я вышла в сад.

Моим излюбленным местом всегда был колодец. Высокий, обложенный потемневшими кольцами сруба, он стоял в дальнем углу, среди яблонь и высокой, по колено травы. Деревянная крышка нагрелась на солнце, и я с удовольствием на нее села, как на лавочку, спиной к дому. Кружку с чаем поставила рядышком и сделала глубокий вдох. Солнечные пятна приятно скользили по моему лицу, и я прикрыла глаза.

Ничего, нужно как-то перетерпеть эти девять дней. Тетя Люда наверняка уедет уже послезавтра и захватит Женьку с собой.

Тогда, в Лондон, он тоже уезжал отсюда. Стоял жаркий июль, джип дяди Андрея скрывался в клубах поднятой пыли, белоснежной на солнце. Все наши — бабушка, мама, папа, Галка, — стояли и махали вслед, а я не могла. Просто руки онемели, сердце онемело. Я медленно рассыпалась, смешивалась с дорожной пылью...

Так что сейчас ему тоже надо уехать. Как в поговорке, с глаз долой...

— По-моему, что-то было лишним, то ли оливье, то ли третья куриная нога, — раздался за моей спиной голос, и рядом со мной уселся Женька.

3 (обновление от 28.06)

Скачано с сайта knigomania.org

Пришел поддержать меня? Я была очень благодарна, что он не извиняется за тетю Люду напрямую. Да и сама хороша... Обычно я не реагирую так остро, ведь обижаться — значит показать обидчику, что его слова достигли цели. Но сегодня как с цепи сорвалась.

Довольный, как кот после сметаны, Женька откинулся на локтях и сощурился на солнце. Футболка немного задралась, обнажив загорелую, поросшую редкими волосами кожу над штанами.

Я отвернулась. Что отвечать про куриные ноги и оливье не знала, в голове крутились только торсы, длинные мужские пальцы и какие-то многочлены.

— То есть, ты у нас учительница. Как и собиралась, — Женька прервал затянувшееся молчание. Кивнув, я отпила чай.

— Если я что-то решила...

— То не отступишь, ага, — закончил он за меня. Надо же, помнил мою любимую присказку. Когда я так заявляла лет в четырнадцать, то представляла себя какой-то одинокой волевой героиней, Жанной Д'арк или Кларой Цеткин, не меньше. Одна против целого мира.

В последние годы желания волевого одиночества у меня поубавилось.

— И как оно? Работать с детьми. — Женька нагло присвоил мою кружку и сделал из нее большой глоток. Вздыхнув, я протянула ему оставшуюся сушку, которую он с удовольствием проглотил.

— Так же, как со взрослыми, — ответила я. — Иногда сложно,

иногда весело. Недавно были с Галкой в клубе...

Женька округлил глаза.

— А вот это интересно. Часть педагогической работы?

— Не перебивай. Так вот, были в клубе, я в мини и на каблуках, с каким-то безумным макияжем...

— Не надо, тебе не идет.

Я посмотрела на него с укором.

— А тебе откуда знать, что мне идет, а что — нет? Ты меня на каблуках не видел.

Женька кивнул.

— Не видел, но посмотрел бы. И заставил переодеться.

Фыркнув, я легонько стукнула его по макушке. Рука сама поднялась, по старой привычке, и сперва я испугалась — как он отреагирует сейчас? Понравится ли взрослому мужику, что его щелкают по затылку? Но Женька, весело сощурившись, отпрянул в деланном испуге, и я немного расслабилась. Все-таки некоторые вещи не меняются.

— Так вот, — продолжила. — выходим мы на свежий воздух, Галка закуривает, я рядом стою. И тут у соседнего дома останавливается машина, и выходит девочка из моего класса, вместе с родителями. Видимо, только с дачи приехали, в пробке стояли... Знаешь, иногда до самой ночи простоять можно!

— Знаю, еще как.

— Ну вот. Я и сделать ничего не успела, как она меня заметила. Машет и такая, на всю улицу: «Элина Николаевна, добрый вечер! У нас завтра литература или русский?»

— Русский. Матерный.

— Да ну тебя, она же ребенок. И на матерном я не умею...

— Это будешь кому-нибудь другому рассказывать. Помнишь Лесную улицу?

Я усмехнулась. Нам тогда было лет по девять или десять, и мы часто играли рядом с дальним проулком деревни. Администрация почему-то нарекла его Лесной улицей, хотя улицей там и не пахло: между

шестью домами кривилась узкая дорога, западая в глубокие, наполненные водой ямы. В последнем доме — избе, выкрашенной в зеленый, — жили мальчишки-близнецы. Старше нас всего на год, но вредности и злости в них было на шестерых. И развлечения под стать: то дворняг камнями гоняют, то стреляют по нам из рогатки, то с велосипеда толкнут, когда мимо проезжаешь.

Однажды один из близнецов забросил наш велик в канаву, в самую крапиву. Тогда Женька не выдержал и полез на него с кулаками. Ну а где первый, там и второй, и вскоре они катались по земле уже втроем, отчаянно пыхтя и лягая друг дружку в живот. Я возмутилась — как же так, моего брата, моего друга бьют?! Подскочив, я по-девчачьи вцепилась в светлые вихры одного из мальчишек и оттащила, выкрикивая все матерные словечки, когда-либо услышанные от родителей. А когда тот взвыл и принялся выкручиваться, укусила его за ухо, совсем как Майк Тайсон. Такого безобразия мальчишка не ожидал и, завопив, сбежал к себе во двор. За ним скрылся и второй, пообещав рассказать все маме. А мы с Женькой, гордые и растрепанные, вытащили велосипед из канавы. Он сел за руль, я — на багажник, и мы покатали дальше.

— А помнишь, ты забралась вон туда, — сказал Женька, указав на кряжистую, замшелую яблоню, росшую у забора. «Мама-яблоня», прародительница остальных яблонь в саду. — Сказала, что лазаешь не хуже меня, а сама свалилась вместе с веткой.

— Я и лазила лучше, — фыркнула я. — Просто дерево старое.

— Ага, ну да, — поддразнил меня Женька и чуть снова не получил подзатыльник.

— Сначала сандалия упала, прямо тебе в лоб. А потом и я сама...

— И нас в угол поставили.

— В углы, — поправила я. — Тебя на кухне, а меня в бабушкиной спальне. А ты ко мне пришел.

— Я помню, — сказал Женька, задержавшись взглядом на моем лице.

Я тоже помнила. Наступили сумерки, страшно было до чертиков. Дом скрипел и дышал, по углам все мерещились какие-то монстры. В семь лет чего только не чудится во тьме. Помню, я стала плакать, а Женька пробрался ко мне и обнял. И велел не плакать. «Плакса-вакса», так назвал.

Так же он сказал десять лет назад, когда его увозили в Лондон.

Что-то внутри меня болезненно сжалось, стало нестерпимо горько.

— Пойду в дом. Может, чем помочь надо, — торопливо сказала я. Женька кивнул и залпом допил мой чай.

— А я сгоняю в магазин, — сказал, вручив мне пустую кружку. — Надо мяса для шашлыков купить.

И он вразвалочку пошел к воротам, приминая газон и переступая аккуратные бабушкины клумбы.

Галку я нашла в нашей комнате. Она лежала на кровати и листала глянцевого журнала с какой-то звездой на обложке. Звезда была в купальнике и призывно улыбалась, напоминая о запущенной диете.

— Куда Женю дела? — поинтересовалась Галка. — Тетя Люда вся испереживалась.

Я пожала плечами.

— Он сам делся. В магазин, за мясом. А тетя Люда... Скажи лучше, из-за чего она не переживает.

Галка закатила глаза к скату потолка.

— Из-за своей жопы, например? — Она махнула на меня рукой. — А ты еще на свою что-то гонишь.

Я села к ней на кровать. Так хотелось поделиться с Галкой наболевшим, всеми своими страхами... Но не могла. Сказать об этом — сразу в психушку отправят.

— Слушай, а ты помнишь, как я с яблони упала?

Галка зевнула, прикрыв рот рукой.

— Неа. Зато теперь понятно, почему ты косолапишь.

Я хотела было ответить, но зазвонил мобильник. Галка бросилась на него, как коршун на добычу. Глянув на экран, она растеряла весь энтузиазм и забросила телефон в конец кровати. Накрыла ладонями лицо, будто от чего-то смертельно устала.

— Опять реклама.

— Ждешь звонка?

— Не могу Пашку поймать, — сказала она.

— Он приедет?

— Вряд ли. Ему надо маме помогать, он срочно в Тулу сорвался. А сейчас вообще недоступен.

Последнее время Паша слишком часто пропадал. Но это замечание я решила оставить при себе. У Гали с ее женихом были странные отношения. Вместе они трещали, как сороки, не отлипали друг от друга. Но без Пашки Галя позволяла себе ходить по клубам, встречаться с друзьями, большая часть которых была парнями. У некоторых из них она ночевала, я это знала.

Обычно невесты так себя не вели. Что-то мне подсказывало: либо Гале Паша не больно-то нужен, либо у них проблемы. Мне она ничего не говорила, молчала как рыба... Хотя, может оно и правильно. С серьезными отношениями у меня по жизни как-то не сложилось, и посоветовать что-нибудь дельное я не могла.

Вечером были шашлыки. Папа с дядей Сашей колдовали над мангалом: дули, махали на него картонкой, ворошили угли палкой и поливали водой. Настоящий языческий обряд, не хватало лишь бубнов. Дядя Андрей, как водилось, в готовке шашлыков не участвовал и постоянно говорил с кем-то по мобильному телефону, расхаживая взад-вперед по лужайке. Галка подливала себе и мне вина, мы постоянно чокались с бабушкой, выдумывая все новые и новые тосты: за здоровье, счастье, радость, хорошую погоду на майские праздники и ёжиков — в тот момент Женька поймал в саду ежа и принес его, держа в рабочих рукавицах. В отношении Женьки я даже немного расслабилась. Перестала на него коситься, а когда он со мной заговаривал, отвечала, не задумываясь и не смущаясь.

Плотный запах жареного мяса разнесся в голубоватых сумерках. Лес за забором шумел, сосны качали темными верхушками, словно не одобряли шашлычного веселья. Бабушка с дядей Сашей ушли спать, остальные расселись по лавочкам у костра. Налив себе еще вина, я подсела к Жене. Тот неистово чесался — комары зудели в темноте. Себя-то я обрызгала спреем, а вот ему предложить забыла.

— Вино будешь?

Женька мотнул головой и качнул бутылкой пива.

— Я по темному.

— А спрей от комаров?

Он усмехнулся, но снова отказался.

— Нормально, не сильно жрут.

Ну да конечно, видела я это «не сильно». Казалось, комары сейчас соберутся в стаю и просто унесут Женьку в лес целиком. И зачем терпеть?

Похолодало, и я придвинулась к нему ближе. Наши тела соприкоснулись боками. Стало так хорошо... Одновременно это прикосновение обжигало. Одно оно было чувственнее некоторых ночей с парнями, с которыми я встречалась. Интимнее. Я тихонько улыбнулась, пьяно млея от Женькиного звериного тепла. Это же так безобидно — просто греюсь рядом с братом. Ничего особенного, правда?

Я не сразу поняла, что он напрягся всем телом. Как-то странно на меня покосился и резко встал.

— Дядь Коль, давайте послежу. — Перехватив у папы шампуры с почти готовым мясом, он уселся у костра, спиной ко мне. Я же допила залпом вино, ничего не понимая.

Хотя чего уж там. Всё я поняла отлично.

4. (обновление от 29.06)

Той ночью мне плохо спалось. Снилось какая-то седая муть, и что я бегу в ней, пытаюсь поймать кого-то. А он все уходит, и виден лишь расплывчатый силуэт. Но остаться одна я боюсь и потому ускоряю шаг.

А с утра было тоже плохо, и даже не столько от выпитого накануне вина, сколько из-за стыда. Как я могла так ошибиться? Перепутать вежливость с чем-то большим и начать прижиматься к Женьке... А он, наверное, испугался, что сейчас при всех полезу к нему. Позорище.

Значит, сегодня мне нужно вести себя как ни в чем не бывало. Сделать вид, что все нормально.

Да, именно так.

Я оделась — тихонько, чтобы не разбудить Галку. Немного подкрасилась: чтобы было естественно и не создавалось впечатление, что я очень старалась. Отыскала льняные штаны и чистую, без дачных пятен, футболку. Спустившись, приготовила на всех завтрак.

Когда все проснулись, я уже пила чай на веранде и читала книгу из бабушкиной библиотеки. Пальцы переворачивали желтые страницы, взгляд скользил по строчкам, но смысл прочитанного никак не доходил. Я то и дело отвлекалась: то на дядю Сашу с граблями, то на бабушкино мурлыканье на кухне («как упоительны в России вечера» и далее по тексту), то на звон тарелок, Галкин смех и голос Женьки из гостиной.

Затем, пока не стало совсем жарко, мы отправились гулять. Гуляли мы обычно в лесу и паре окрестных деревень, но этого треугольника бабуле хватало для сотен различных маршрутов. Гулять пешком она любила. Вот и в тот день она шла впереди: вылитый гид, только вместо флажка солнечно-желтая панама. Остальные разбились по парам, как послушные школьники на экскурсии. Я шла рядом с Галкой, Женька и дядя Андрей замыкали процессию.

— А вот здесь живут Потанины, — объявила бабушка, махнув на кирпичный дом слева. — Помнишь Потаниных, Люда? Марью Петровну. Она к нам в гости заходила, когда вы со Светой маленькие были.

— Помню, мам, — вяло отозвалась тетя Люда.

— Умерла Марья Петровна, прошлой осенью схоронили. Народу было — уйма! Какие-то родственники приехали из Воронежа...

Галка на ходу что-то строчила в телефоне. Лицо у нее было сосредоточенное, брови сошлись к переносице. Я заглянула через ее плечо и увидела зеленый чат «ватсапа». Над чатом было написано «Сергей».

— Что там, Галь? — тихо спросила я, но она лишь отмахнулась.

— А вот здесь Литовские живут, у них дед молдованин, — донесся неизменно бодрый голос бабули. — Помнишь, Светочка?

— Помню, мам.

— Помер дед-то. А эти, внуки его, никак не могут участок поделить. Говорят, судятся даже...

Так, в рассказах о том, кто помер, а кто еще остался жив, мы дошли до конца деревни. Дальше дорога раздваивалась. Одна тропа вела в лес, бугрясь древесными корнями. Другая шла вдоль поля. Бабуля остановилась и что-то деловито поправляла у дяди Саши на груди.

Я обернулась и, поймав на себе взгляд Женьки, улыбнулась. Женька отвел глаза, что-то тихо сказал дяде Андрею. Указал на строящийся дом за полем. По стенам, излинованным лесами, двигались рабочие — совсем как жуки на дереве.

— Чего случилось? — поинтересовалась Галка. Я пожала плечом. Тоже посмотрела вдаль, на поле и кружащих стрижей.

— Ничего.

Галка больно толкнула меня локтем.

— Эй. Не кисни.

Действительно, что это я? Расстроилась, как малое дите, причем, на пустом месте. «Пустом», — повторила я про себя, взяла Галку под руку и указала на дорогу, уходящую вбок, по границе некошеного поля и леса.

— Давай туда прогуляемся?

Пожав плечами, Галка двинулась в указанном направлении.

— Девочки, вы куда? — тут же окликнула нас бабушка.

— Вдоль поля прогуляемся немного, — крикнула я в ответ, стараясь не смотреть на Женьку. Который как раз глядел на меня, молча и настороженно, совсем как суслик в степи. — Вы идите, дома встретимся.

Родичи двинулись дальше с бабушкой впереди, которая громко что-то рассказывала, помахивая в такт желтой панамой. Женька шел последним, немного сутулясь и держа руки в карманах.

Пускай идет, подумала я. Не хочу находиться с ним рядом.

Он не хочет, и я тоже не хочу.

Галка шла неторопливо, по-женски покачивая бедрами. Она была эффектной. Может, черты ее лица казались грубоватыми, но она с лихвой перекрывала это абсолютной уверенностью в себе. Одна походка неизменно притягивала взгляды, плавная, но сильная. Вот как сейчас, когда ветер трепал ее каштановые волосы и задувал их на плечо.

Легко склонившись, как в танце, Галя сорвала травинку.

— Звонил тебе тот кекс из «Шестнадцати тонн»? — спросила,

рассеянно водя ею по подбородку.

— Кто? — сперва не поняла я, а потом вспомнила. Алик. Светлые волосы, выбритые виски, зачес на один бок, жилистый пресс. Длинный, но тонкий член и любовь совать его мне в рот.

С Аликом я продержалась месяц.

— А... Нет, мы расстались. И слава богу.

Конечно, парни у меня были, в конце концов, в двадцать шесть имела право. Не то, чтобы я гуляла направо и налево — в клубах я бывала нечасто, к молодым людям долго присматривалась, подходила сама и только к тем, кто мне действительно нравился. Но чувствовала себя рядом с ними раскованно, в отличие от Женьки, рядом с которым я превращалась в тупую мямлю. Мне нравились не столько они, сколько процесс флирта. Утверждение своего «я», что я могу. Но в итоге с моим «я» получалось как с ведром без дна — лить воду в него можно, но бесполезно, все равно не наполнится.

Я не могла ни к кому привязаться, хоть и очень хотела. Никто из них мне не подходил.

Была пара моментов, про которые не хотелось вспоминать. Не надо было им даже оставлять телефон. Понимала же, что ни с кем из них второй раз встречаться не хочу, а почему-то уступала. Потом извинялась, объяснила, что «мне было хорошо, но больше это не повторится, спасибо», чем ввела мальчиков в ступор. Видимо, в головах у мужчин сидит крепкое убеждение, что женщин на территории нашей страны гораздо больше, потому за любой пенис они должны держаться и вообще всячески за него бороться. И, разумеется, не отказываться, если благородный пенис звонит в десять вечера и приглашает к себе на дачу в Электроугли.

Также у меня имелись табу. Например, никаких интрижек на работе. Школа для меня — святое место, где я отдыхала душой, и пачкать ее светлый образ любовными переживаниями я не собиралась. Плюс, это непрофессионально, а я считала себя профессионалом. Да, я ходила по клубам, но на территории учебного заведения никогда не позволяла себе лишнего. Даже юбка всегда прикрывала колени.

— Дозвонилась до Пашки?

Галка кивнула, но без особой радости на лице.

— В Туле, не знает, когда вернется.

— А что за Сергей?

Она глянула на меня, затем на телефон в своей руке.

— Друг, — ответила и тут же перевела тему на последние сплетни ее офиса.

Спать мы пошли рано. У Галки болела голова, а я просто падала на ходу. Ощущение было, словно я разгружала вагоны, хотя день прошел довольно-таки лениво. Мы тихо обсуждали готовящуюся свадьбу, затем Галка уткнулась в телефон, снова строга кому-то сообщения. Я уже была готова уснуть, как поняла, что очень хочу пить.

И, как назло, поняла я это именно тогда, когда переоделась в ночную рубашку.

Внизу было тихо, все уже спали. Не включая свет, я прокралась на кухню и налила себе стакан воды. За окном цвели сумерки, какие бывают только в поздний майский час. Сад светился в мягком свете луны. Почти полной, заметила я. Еще три дня, и она станет совсем круглой.

Мне вдруг захотелось ненадолго выйти и подышать. Я любила ночной воздух. Тяжелый от запахов, он пробуждал во мне что-то животное.

Я тихонько открыла дверь и едва не влетела в Женьку. Он сидел на верхней ступени крыльца. Рядом лежала початая пачка сигарет, у ног две пустые бутылки, третью Женька держал в руке.

Он обернулся, и я проследила за его взглядом.

Шелк рубашки струился по моему телу, ни капли не грея, и под ним горошинами проступили соски. Одну бесконечную секунду Женька смотрел на них, затем отвернулся и сделал большую затяжку.

— Ты чего... здесь? — спросила я.

— Ничего. Думаю, — коротко и глухо ответил он. Его широкие плечи мерно вздымались от дыхания, дым обвивал шею.

— Все в порядке?

Этот вопрос грозил стать лозунгом майских выходных.

— Да.

Ясно, говорить не хотел. Хотел остаться один, чтобы никто не донимал.

И снова без видимой на то причины во мне поднялась бурлящая злость, как тогда, с тетей Людой.

— Так в порядке, что сидишь один и уже третью бутылку глушишь. Если что, спрей от комаров на полке под зеркалом, — сказала я и вернулась в дом. Перед тем, как закрыть дверь, я успела поймать Женькин потрясенный взгляд.

Вот и подышала, называется. Опять оказалась рядом, как влюбленная дура! Как будто я за ним следила. И разве он поверит, что наша встреча — совпадение?

Все, решила я для себя, хватит. Мне уже не шестнадцать, в конце концов. Пора посмотреть правде в глаза: это он уехал, он меня бросил и даже ни разу не звонил. Брат, сестра — это все отговорки, расстаться все равно можно было по-человечески. А то, что со мной творится сейчас, — эмоциональная западня, выдуманный навязчивый образ, не имеющий ничего общего с оригиналом. Эхо подростковой травмы. Нужно просто как-то пережить майские праздники.

Нужно усвоить раз и навсегда, что мы с Женькой вместе быть не можем. Никогда. Принять и отпустить, всё.

— От тебя куревом пахнет, — лениво протянула Галка, отвлекшись от книги — той самой, которую я безуспешно пыталась читать с утра.

— Да внизу Женька сидит.

— Воздухом дышит. Поня-ятно. — Она смерила меня быстрым взглядом из-под ресниц и вновь погрузилась в чтение. Я выключила свет со своей стороны, натянула одеяло до самого носа и уставилась на ясное звездное небо в мансардном окне.

Где-то внизу на эти же звезды смотрел Женька и думал о чем-то своем. О чем-то в своей жизни, частью которой я давно не являлась.

5 (обновление от 2.07)

Уже с утра я поняла, что заболеваю.

Горло саднило, нос немного закладывало. Видимо, зря я спала с открытой форточкой: ночью все время было душно.

И, как назло, позвонили с работы.

— Лина, ты занесешь сегодня материалы? — поинтересовалась коллега, которая должна была меня замещать в три дня моего отгула. Похолодев, я вспомнила про тексты и проверенные сочинения, которые обещалась занести. И забыла!

— Конечно, занесу, — ответила я, шаря в тумбочке в поисках расписания электричек. Проследила пальцем ближайшую, на которую успевала. — Зайду к вам в час, хорошо?

Я слишком долго ее уговаривала меня заменить, чтобы взять и вот так подвести. Испорчу отношения — и все, без отгулов. Больше учителей литературы у нас в школе не было.

— Ты в Москву? — Галка оторвала голову от подушки. Волосы сбились на макушке в большое гнездо, на щеке алело пятно. Только глаза смотрели внимательно, будто Галя не спала уже давно.

— Зайди ко мне, захвати крем для загара, — попросила она. — Он в ванной стоит.

Крем от загара?

— Пашка ничего не скажет, что я вот так появлюсь?

Галины губы странно скривились.

— Его там нет, он в Туле. Наверное.

Я хотела было предложить купить все, что надо, в местном магазине, чтобы не делать крюк, но закрыла рот, поняв, что меня совсем не за кремом посылают. Поэтому кивнула, сунула протянутые ключи в сумку и на цыпочках спустилась вниз.

Остальное семейство все еще спало, только дядя Саша одиноко косил траву вокруг колодца. Похоже, это был его особый метод релаксации.

Народу в электричке сидело немного, утром третьего мая все предпочитали отсыпаться, а не тащиться в Москву. Я хотела почитать книгу, но голова не соображала, мысли плыли медленно, как ленивые рыбы. Очень хотелось пить, и бутылку воды, купленную на вокзале, я выдула залпом.

Сперва я забежала к себе,хватила нужные папки и отнесла их коллеге. Та жила на соседней улице, но это расстояние мне показалось бесконечным. Ноги будто утопали в асфальте, дышать

было тяжело. Я словно растекалась. Сунув папки коллеге в руки и получив холодное «спасибо», я отправилась к Гале.

Галка и Пашка снимали двухкомнатную квартиру в старом доме на Белорусской. Небольшую, но безумно дорогую, с высокими потолками и стильной мебелью. В подъезде было прохладно, и я даже привалилась к выкрашенной зеленым стене, впитывая эту прохладу. Перед тем, как вставить ключ, я задержалась и прислушалась. Ничего не было слышно. Меньше всего я бы хотела наткнуться на Пашку в одних труселях. Или без них.

Квартира пустовала. Скинув кеды в просторной прихожей, я заглянула в гостиную. Никого, вещи аккуратно разложены по местам, только Галкино рабочее место завалено какими-то бумагами. В спальне тоже было пусто, кровать застелена, пыль ровным слоем лежала на комоде. Похоже, Пашка здесь давно не появлялся.

«Интересно, что между ними не так?» — гадала я, разыскивая нужный крем в батарее тюбиков на ванной полке. Ведь что-то в их отношениях абсолютно точно было не так, это чувствовалось, как скрип в сбоем механизме. Поссорились? Решили разойтись? Пашка загулял? Хотя, гадать было бесполезно, и я решила помучить Галку по возвращении на дачу.

В электричке я поняла, что вся горю. И не в сексуальном плане, а в том, что поднялась нештучная температура. Воздух превратился в жидкий металл, вязко вливавшийся в ноздри. Тело ломило, и я еле высидела до нужной станции, ерзая на деревянной лавке.

Электричка прибыла, когда уже начало смеркаться. Снаружи дышать легче не стало. Сердце тяжело и часто колотилось, и я присела на станционную лавку, решив немного переждать. Дорога со станции уходила под арку деревьев, вдоль магазина. Там уже звенели бутылками подростки; рычали мопеды, доносился смех. Воздух становился сизым, а небо над верхушками деревьев пылало закатным розовым.

Я все сидела.

Еще немножко, и еще немножко. Но легче не становилось, только в сон клонило.

Наконец, когда я уже собралась подняться и закинула сумку на плечо, у магазина возникла крепкая фигура в белой майке. Высмотрев меня, Женька направился в мою сторону, чеканя шаг. Вид у него был

сосредоточенный, совсем непривычный.

— Ты в порядке? — спросил с высоты своего роста. Я кивнула и едва не рухнула, попытавшись встать. Женька вовремя ухватил меня под локоть. Приложил ладонь ко лбу и качнул головой.

— Понятно, — сказал, отобрал у меня сумку и потащил через железнодорожный переход. Его «мерседес» был припаркован у магазина. Стайка подростков, успевшая собраться вокруг, прыснула в стороны, фары мигнули, и Женька распахнул дверь с пассажирской стороны.

— Я с-сама... — Я попыталась отстраниться, но он просто сгреб меня в охапку и затолкал в машину. Пристегиваться я тоже не желала, поэтому ему пришлось перегнуться через меня и сделать все самому. Я бы наслаждалась тяжестью и близостью его тела, но так мутило, что никакой Женька не был нужен. Или нужен — хотелось отстегнуть ремень, поднять разделявший нас подлокотник и положить голову Женьке на колени.

Что я и сделала.

— Ты как маленькая, честное слово, — сказал он растерянно, но усаживать обратно не стал. Завел машину и медленно стронулся.

Спустя минуту я снова почувствовала осторожное прикосновение ко лбу. Женькина ладонь была божественно прохладной.

— Почему не позвонила? — донесся голос откуда-то издалека.

Я вяло отмахнулась. Даже думать было тяжело, не то, что говорить. И не ему же звонить, в самом-то деле.

— Я твоего телефона не знаю, — промямлила я.

— Узнаешь. Я тебе на руке напишу, — жестко ответил Женька. — И в следующий раз сразу наберешь мне.

— Хорошо, папочка, — выдохнула я и погрузилась в дрему.

Дальше сон перемежался с явью. Сперва я качалась поплавком на поверхности большого и кристально-ледяного озера. Подо мной проплывали рыбы, шевеля прозрачными плавниками, ниже путались темные нити водорослей. Затем мерное покачивание превратилось в объятия: меня кто-то нес. От него исходило ощущение силы, знакомого звериного тепла и безопасности.

Я прижалась к его груди и провалилась в цепкую трясиину следующего сна. Теперь я была птицей, летела над ночным лесом. Следила за летучими мышами, бесшумно кружащими под кронами деревьев, видела крадущихся лис, по спирали спустилась к присыпанной стылой хвоей крыше нашего дома. Окна тлели золотистым огнем, а за ними суетились мои родные. Что-то искали, кипятили, обсуждали, качали головами...

Затем я оказалась на кровати — не на своей, а на большой, в бабушкиной комнате. Горела лишь настольная лампа в углу, островок тусклого света в кофейной полутьме. Со стен укоризненно смотрели черно-белые родственники, обрамленные старыми рамками. Пахло книгами. Дверь в комнату была приоткрыта, за ней стоял Женька. Лицо его было укрыто тенью, только темные глаза тревожно блестели.

Он ушел, тихо прикрыв дверь.

В общем, лихорадило меня еще день. Мама взялась за лечение по полной программе. Кормила таблетками, поила бульонами и травяными настоями с медом, которые, по ее убеждению, должны были поставить меня на ноги. Они и поставили — надо было видеть, как я бегала в туалет, тут хочешь-не хочешь, а встанешь. Бабушка подкрадывалась с горчичниками и банками, а Галка тайком, через мамин кордон, проносила сладости и почему-то имела виноватый вид.

Потом, на следующее утро меня отпустило. Я просто проснулась и удивилась кристальной свежести погоды и своего сознания. Комнату заливал прохладный утренний свет, а я просто лежала, смотрела в потолок и кайфовала от наступившего облегчения. Похоже, со мной случился один из тех скоротечных вирусов, которые нападают внезапно и, вымотав больного, так же внезапно отступают. Температуры не было, и я решила прогуляться.

Озираясь, чтобы не натолкнуться на маму (тут же отправит обратно в постель, и не поспоришь), я налила кофе, сгребла печенье из вазочки и вышла в сад. Женька колол дрова на заднем дворе. Заметив меня, он коротко кивнул. Расценив это за приглашение, я села рядом на лавку и принялась бесстыже его разглядывать.

Работал он без майки. Потные волосы слиплись в иглы, щетина

отросла, черные глаза яростно сверкали, будто чурбак в чем-то провинился. Взмах топора (грудь блестит потом, мышцы перекачиваются), затем удар (мышцы спины не уступают грудным, тоже перекачиваются, блестят), и чурбак повержен, разлетелся щепками. Настоящий порно-дровосек. Хотелось поступить, как в дешевом фильме: снять трусики, задрать юбку и медленно раздвинуть ноги, открыв его взгляду все до мельчайших деталей. Потом начать себя ласкать, сперва медленно, потом быстрее, войти одним пальцем, приоткрыв рот и наблюдая за реакцией Женьки...

— Женья, у меня к тебе разговор, — крикнула тетя Люда с крыльца. Я сморгнула эротическое наваждение и отхлебнула кофе.

Женька обернулся, кивнул, но топора не положил. Поняв, что подойти придется самой, тетя Люда спустилась по ступеням и засемила по газону. Остановившись в паре шагов от нас, она уперла кулак в бок, приняв неувовимо-деловитую позу, которую я помнила с детства. Этакий невербальный приказ.

— Мы с папой поедem сегодня вечером. Завтра в гости к Никитиным зайдem, давно у них не были, — начала, поглядывая на меня. Я отвела взгляд к забору, делая вид, что тот интересуется меня куда больше, чем их разговоры.

— Езжайте, — невозмутимо ответил Женька. Бревнышко стукнуло о пенек, донесся новый «тюк» топора.

— А ты? — спросила тетя Люда, видимо, не ожидавшая такого поворота.

— Я до девятого останусь.

Конечно, моя рациональная сторона расстроилась — я прекрасно понимала, что теперь до девятого числа не будет мне покоя. Но другая половина захлебывалась от детского счастья. От надежды, что остается он ради меня, а не ради отдыха на природе в семейном кругу. Знаю, очень эгоистичные мысли.

Я отпила еще кофе, давая глупую улыбку.

Женька поставил на пенек еще один чурбак и точным ударом расколол его пополам. Затем посмотрел на меня и подмигнул.

Буду рада вашим комментариям!

Всем котика!:)

6. (обновление от 3.07)

Скачано с сайта knigomania.org

Я все еще помню день, когда пропала.

Мне только исполнилось четырнадцать, и мы — мама, папа, я и Галка — поехали в гости к тете Люде с дядей Андреем. Я ехать не хотела: уже договорилась с подругами пошататься по району, что, на мой взгляд, было гораздо приятнее тетя Людиного застолья. Семейные сборища меня уже не привлекали, как любого подростка. Оделась я тоже не слишком празднично — в облегающий, тогда очень модный топ, кеды и джинсовый комбинезон, свободный на бедрах. «Костюм маляра», как называла его мама.

Мы зашли в их большую, аляповато украшенную квартиру (привет, перестроечные девяностые). Родители еще в дверях принялись поздравлять, вручать цветы, громко восхищаться свежим ремонтом с фальшивыми гипсовыми колоннами и мебелью на львиных лапах. Чувствуя себя неловко, я обошла их вдоль стены и направилась по длинному, больше подходящему для езды на велосипеде, коридору в гостиную.

На тот момент мы с Женькой не виделись три года. Дядя какое-то время работал в Италии, и они жили там. Потому я сперва не узнала, что это за широкоплечий парень, который сидел ко мне спиной и с аппетитом поедал оливье прямо из салатницы. Услышав шаги, он обернулся. Загорелое, юношеское лицо с острым подбородком, начавшее крепнуть тело с ясно очерченными мышцами, короткая стрижка и диковатый, но очень уверенный взгляд. Почему-то от этого взгляда мне стало не по себе. В горле встал ком, а по животу и груди словно растеклось олово.

А Женька смотрел на меня, и по его растерянному виду я поняла — он испытывает то же.

Потом мы отдыхали вместе на даче. Гуляли теперь отдельно: у Женьки свои друзья, у меня свои. Вечерами болтали в саду, изредка, смущенно и неловко. Иногда, когда я читала, он вставал за моей спиной и заглядывал в книгу, цепляя мою шею колючим от первой щетины подбородком. Кожей я чувствовала его дыхание и, казалось,

вот-вот сгорю... Но не отстранялась. И он не спешил уходить, все что-то выискивал на страницах.

Еще мы ссорились и обижались. Всегда по каким-то странным поводам (или вообще без повода), но обидно всегда было до слез. Женька угрюмо молчал, а мне почему-то казалось, что он меня предал, хотя никаким предательством и не пахло. Но тогда (особенно когда я увидела белокурую девочку на сиденье его мотоцикла) я хотела убить его голыми руками.

А потом Женька дал в глаз парню, пытавшемуся меня поцеловать. Парень ушел, окинув нас очумелым взглядом, а мы так и остались смотреть друг на друга.

— Да что с тобой такое? — не выдержала я. Женька замер, сжимая и разжимая кулаки, и казалось, вот-вот что-то скажет... Но, передумав, развернулся и ушел домой.

Я знала ответ на свой вопрос. Уже тогда я все знала, просто не понимала, что с этим делать.

Провожали тетю Люду и дядю Андрея всей семьей. Снова пыль клубилась из-под колес, и джип исчезал в закатных лучах, а я улыбалась во все тридцать два зуба и отчаянно махала рукой. Очень не хватало белого платочка.

— Не радуйся так откровенно, — шепнула мне на ухо Галка. Смутившись, я покосилась на Женьку. Интересно, знает ли она истинную причину? Догадалась? Или просто думает, что я рада проводить вредную тетку восвояси?

Ночью, когда все пошли спать, я выбралась в сад. За сутки, которые я провела дома, у меня развилась своеобразная аллергия на замкнутое пространство. И мне хотелось побыть одной. У меня была передозировка Женей. Днем мы с ним и Галкой гуляли в полях, и мне казалось, что я вся им пропахла, пропиталась, и даже мои мысли плыли по единственному маршруту — как-он-где-он-что-он-делает. Это утомляло.

Луна спряталась за облака, и сад потемнел. Дома за деревьями видно не было, казалось, что я очутилась в лесу совсем одна. В отдалении что-то шумело и ухало, пел соловей. Стрекотали цикады. Ночь плыла в винной тишине.

За спиной прошуршала трава. Я затаила дыхание, боясь обернуться.

— Не замерзнешь? — поинтересовался знакомый голос. — Иди-ка ты в дом.

Я мотнула головой. Если честно, я подмерзла, но рядом с Женькой меня снова бросило в жар, и температура тела волшебным образом выровнялась.

Он сел рядом со мной и облокотился на колени. Даже вечером не накинул куртку, так и остался в майке.

— Скажи, я чем-то тебя обидел?

Я вскинула брови, удивленная вопросом. Обидел, да, но случилось это очень давно.

— Нет. С чего ты взял?

— Ты себя вела... — Он замялся, качнул головой. — Забей.

Ну вот, все-таки заметил. Теперь будет считать меня странной.

— Все в порядке. — Я улыбнулась одними губами и поднесла кружку ко рту. Вина в ней уже не осталось, пришлось отставить на край колодца. Я сцепила руки, не зная, чем еще их занять. — Все хорошо, правда.

Женька кивнул, глядя куда-то в сумрак перед собой.

— Я сейчас один, — сказал он тихо.

Меня тут же захлестнули вопросы. Почему он говорит это мне? И почему один? Никто не нужен? Ему нравится быть одному? Или не может кого-то забыть? Кольнула ревность, стоило представить другую девушку, в которую Женька безнадежно влюблен.

Не твое это дело, Элина Николавна... Просто сочувственно кивни и замни тему.

— Что так? — спросила я назло здравому смыслу.

Женька повернулся ко мне. Одну половину его лица залил голубоватый свет выглянувшей луны, обвел высокие скулы и глубоко посаженные глаза. Вторая половина тонула в чернильной тьме.

— Не знаю. Не встретил того самого человека, наверное. А ты?

— Тоже, — я ответила честно. — Нет, были, конечно, отношения...

Он как-то странно на меня посмотрел, и я увела взгляд к ночным яблоням. Не могла выдержать его лицо так близко.

— А что с бывшим мужем? Чего развелись?

Я глянула на звезды. Они холодно мигали, словно диктуя нужные слова. Жаль, я не знала их шифра.

— Не знаю. Не любила, наверное. Не мой человек.

— Понятно.

Глаза невыносимо щипало. Да что ему может быть понятно? Как я рыдала в подушку, когда его увезли в Лондон? Как проверяла почтовый ящик в поисках открыток, а электронный — в ожидании хоть одного письма? Как поняла, что осталась где-то позади, в отцепленном, ненужном вагоне? Частью прожитого этапа.

Одна слеза все-таки скатилась по щеке. Проклятое вино, от него я становлюсь такой сентиментальной...

Женька растерянно встrepенулся.

— Эй, ты чего?

Я мотнула головой и отвернулась.

— Мошка... в глаз...

Конечно же он не поверил. Накрыл мою ладонь своей, широкой и теплой.

— Плакса-вакса, — сказал, криво улыбаясь. Выражение его глаз было странным, до ужаса больным.

Все внутри меня перевернулось, барьеры вмиг оказались сметены. Я прижалась к Женькиным губам, отчаянно желая снова почувствовать его запах, его близость. Женька ответил — запустил пальцы в волосы на затылке, прижал, проникая языком в мой рот. Стер губами мои слезы, одну за другой. Телом я слышала, как колотится его сердце под майкой и клеткой ребер.

Мое колотилось так же. В унисон.

Не прерывая поцелуя, я поступила так, как давно мечтала — оседлала Женьку, задрав юбку. Он желал меня не меньше, я чувствовала это бедрами. Ухватил меня сзади, потянул мои трусики-танга наверх, так, что те сладко врезались в промежность. Ахнув, я выгнулась. Женька

перехватил меня за талию. Расстегнул пуговицы на моей кофте, освободил груди от лифчика и вобрал в рот сосок. Его язык был шершавым. Его рука спустилась между моих ног, и палец скользнул внутрь. Я подалась вперед, насаживаясь глубже, желая больше. Совсем как тогда, во сне.

Пальцев стало мало и мне, и ему. Почувствовав, что он потянулся к ремню, я приподнялась, давая место. Вжикнула ширинка. Я сдвинула трусики вбок, поймала твердый член ладонью и быстро провела вверх-вниз по всей длине. Женька сдавленно застонал. Я заглушила этот стон поцелуем, спустилась губами по его шее, накрыла ими часто пульсирующую жилку. Головка члена уперлась в мое влажное лоно. Женька медленно вошел, растягивая, заполняя до упора. Подхватил меня за бедра, приподнял и опустил снова. И снова, не прячась, смотря в лицо. Глаза в глаза.

Мы торопились и одновременно не могли насытиться. Где-то на грани сознания маячила мысль, что нас застукают, но я была не в силах покинуть его объятий, отстраниться от горячего тела. Не смотреть в черные от страсти глаза.

Я падала в глубокий колодец, откуда не было возврата.

Ну и пусть. Ну и пусть.

7. (обновление от 5.07)

Галя

«Абонент не отвечает или временно недоступен. Пожалуйста...»

Я отменила вызов и заблокировала телефон. Хотелось запустить им в стену, но я сдержалась. Я еще не столько зарабатываю, чтобы разбрасываться шестыми «айфонами».

Паша, ну где же ты, осел этакий?..

Да, мы с ним крепко поругались во время нашей последней встречи. Я тогда убегала на работу, вся на нервах — предстояла важная встреча с директором одного концерна. Я уже предвкушала изматывающие объяснения, одно и то же, сто раз по кругу, взвешивание «за» и «против», до скрежета зубного натужные улыбки. Улыбаться, конечно же, должна была я, а этот боров с безгловым выражением смотрел на мои сиськи и теребил чашечку

кофе.

Настроение было на нуле, в общем. А Пашка все время меня задерживал: то слишком долго мылся в ванной, когда мне самой нужно было в душ (да и вся косметика тоже лежала там). То сидел в туалете. То стоял в дверях на кухню, прямо на проходе.

— Может, мне вообще уехать? — с вызовом спросил, когда я сделала ему замечание. — Чтобы не мешать.

Злость у меня поугасла, но я ненавидела такой шантаж — знает же, что я этого не хочу. Но очень хотелось как-нибудь его уколоть.

— Если тебе так сильно этого хочется, — бросила, зашнуровала ботильоны, накинула плащ, ухватила ключи от машины и выскочила из квартиры, даже не поцеловав на прощание. Я была слишком зла.

Наверное, это было моей последней ошибкой.

Когда я вернулась, квартира пустовала. Меня это немного насторожило — обычно Пашка приходил немного раньше, часов в восемь вечера. А тут десять, а дома никого. Старательно не думая о нашей утренней ссоре, я переоделась, прошла на кухню и сделала ужин: рис с овощами и обжаренными креветками. Неспешно поела, косясь на часы. Половина двенадцатого. Ни звонка, ни смс, ни сообщения в «ватсап».

В двенадцать я позвонила ему на мобильный. Хотела невозмутимым тоном поинтересоваться, где он и оставить ли ему ужин. Но мне ответил автоответчик: «Телефон абонента выключен».

С тех пор я слышала это сотни раз. Сперва, пару дней до майских праздников, я просто злилась. Он хочет, чтобы я нервничала и его искала? Он этого не получит. Наверняка поехал к своему любимому другу Сереже и спит у него на диване. Пускай сам приходит и говорит по-человечески, что ему нужно и что не нравится. Я никогда не позволяла себе бегать за мужиками, и сейчас тоже не собиралась.

Но с дачи я тоже не смогла дозвониться. Наши общие друзья и тот самый Сережа тоже ничего не знали. Да и про Тулу я наврала. Я звонила Пашкиной матери (хотела найти Пашку и безапелляционным тоном заявить, что такого отношения терпеть не буду и свадьба переносится), но Марина Валентиновна ничего не знала. Просила передать Паше, чтобы он «срочно ей перезвонил». Я пообещала передать, а у самой сердце сжалось.

Да где же он? Что произошло?

А теперь я сидела на даче и все так же ничего не знала. Потом еще Лину зачем-то погнала к нам домой, проверить, не приехал ли. Всякое может быть, может, он потерял телефон, или сим-карту заблокировали, или деньги закончились? Если бы я знала, что Лина простужена, никогда б так не поступила, очень стыдно было.

Когда Женька куда-то сорвался на машине, я подумала, что он решил вернуться в Москву. Но через час, когда он пинком открыл дверь и внес Линку на руках, а она горела и шептала какой-то бред про птиц и лисиц, мы все обалдели. Мама копалась в таблетках, папа с дядей Сашей спрашивали, чем помочь, бабушка просто металась и всех накручивала. Умнее всех оказался Женька — сразу вызвал «скорую». Приехал врач, осмотрел, выписал все, что надо, успокоил бабушку, обезвредил маму с таблетками и ушел, оставив за собой шлейф лекарственной химии и бензина старого УАЗика. Линка спала, раскинув руки, будто хотела обнять небо. Казалось, ее по-детски остренькое лицо стало еще острее, на лбу капли пота, густые ресницы подрагивали. А Женька, верный Ленин пес, стоял в дверях и укоризненно смотрел мне в спину.

И я сорвалась. На следующее утро заперлась в комнате и принялась обзванивать все больницы и морги, изредка заливаясь слезами и умирая от стыда. Как я могла не догадаться? А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг он не обиделся, а просто попал в аварию, или заболел, или... Вариантов было море, и от каждого я леденела. Каждый раз, когда в очередной больнице поднимали трубку, в горле поднимался горький ком, я думала, меня стошнит прямо на кровать. Воображала дикие картины: бледный Пашка лежит на больничной койке, а к его руке тянется трубка капельницы. Или он, весь синий, лежит на стальной каталке, с биркой на большом пальце ноги и инеем на ресницах. Или он умирает где-то в лесу и...

Я думала, что сойду с ума.

Но везде мне сухо отказывали. «У нас нет такого». Это приносило короткое облегчение, после которого тревога накатывала с новой силой.

И я решила, что мне делать.

Я крутанула руль и вдавила газ, обгоняя едва ползущий «шевроле».

Проезжая мимо, ругнулась в открытое окно. Зачем лезть в самый левый ряд, если еле тащишься? Стрелка спидометра ползла к ста сорока. На камерах я старалась сбавлять скорость, но не всегда успевала. В Москве, слава богу, было свободно, и до дома я долетела быстро.

Квартира все еще была пуста, никаких признаков, что сюда кто-то приезжал. Я бросила сумку на пол, села на табуретку в коридоре и накрыла лицо руками. Ужасно хотелось разреветься, но сил не осталось.

Нужно было успокоиться, подумать.

Работа, вспомнила я. Отгул на эти дни он не брал, должен был появиться в офисе. Как сумасшедшая, я принялась шарить в ящике под телевизором, куда мы сбрасывали всю ненужную мелочь. Отыскав Пашкину визитку, я набрала номер его отдела. Вытерла нос и села прямо на пол, не беспокоясь о светлых брюках.

— Компания «Инекс-трейд», меня зовут Екатерина, здравствуйте. Чем я могу вам помочь? — поинтересовалась девушка на том конце линии.

— Здравствуйте, вы не могли бы соединить меня с Павлом Бахтияровым?

На миг девушка замялась.

— К сожалению его нет в офисе.

— Скажите, а он был сегодня? — я вцепилась в возможность. — Или, может, я могу позвонить чуть позже? Он еще будет?

— Не могу сказать. Сегодня его не было.

— Хорошо. — Мои мысли лихорадочно метались. — Я из компании «Ол Райт», — на ходу сочинила я. — Мы с Павлом должны были вчера встретиться, чтобы подписать доп соглашение к нашему договору. Но он не отвечал на мобильный телефон. Вы не могли бы тогда соединить меня с тем, кто его замещает?

— Да, конечно, — мяукнула девушка и включила мне какую-то бодрую музычку. Через минуту мне ответил мужчина.

— Вадим Котов, слушаю.

Я с облегчением выдохнула. Я знала этого парня, он с женой как-то

был на Пашкином дне рождения, приходил в ресторан.

— Вадим, привет, это Галья, невеста Паши Бахтиярова. Я никак не могу его найти. Ты можешь сказать, он был вчера или сегодня на работе?

— Привет, Галь, — голос Вадима заметно потеплел. — Нет, ни вчера, ни сегодня не было его.

— А он будет вообще? Может, звонил?

— Не могу сказать, и нет, мне не звонил. Его, кстати, начальство искало. Если объявится, скажи, чтобы со Степановым связался, дело срочное.

— Ясно, — мой голос надломился. — Конечно, Вадик. Спасибо.

— Не за что, Галь. Пока.

Телефон умолк. Я положила его рядом и замерла, не зная, что делать дальше. На всякий случай позвонила маме, но та сказала, что никто не приезжал. Паши нигде не было. Паша пропал.

В каком-то безумном порыве я стала проверять его верхнюю одежду. Вывернула карманы курток и пальто, перетрясла сумку, с которой он иногда ходил на работу. Внутри не было ничего интересного, только документы чернового договора с компанией «Маштехторг-интер», ручки, блокнот с какими-то подсчетами, горстка рублевых монет в переднем отделении. Затем я распахнула шкаф. В пиджаках тоже было пусто, а в кармане темных брюк пальцы коснулись чего-то небольшого. Просто клочок бумажки с номером мобильного телефона. Почерк не Пашкин, округлый и ровный.

Я перевела дыхание, глядя на записку. В этих штанах он был за день до того, как исчезнуть.

Подумав, я набрала номер из записки и нажала «вызов». Потекли длинные гудки, потом трубку сняли.

— Алло, — сказал высокий женский голос.

8 (обновление от 6.07)

Лина

Проснулась я, когда все уже позавтракали. Галка красилась,

собираясь куда-то. Мама с бабушкой сажали в саду цветы, дядя Саша с папой пилили доски, видимо, наконец решили заделать дыру в заборе за домом. Обычный дачный день.

Женькиной машины перед домом не было.

Заметив это, я на миг оцепенела. Вспомнилась наша ночь: Женины губы, его руки, скользящие по моей коже, жар его поцелуев... От одних воспоминаний об этих поцелуях мне стало жарко, воздух словно сгустился. Стыдно не было. Я слишком долго его ждала, чтобы стыдиться.

Но вот почему уехал Женька? Может, стыдно как раз ему?

Или он развлекся и забыл, поехал дальше по своим делам.

Эта мысль выстудила мне нутро. Утро сразу потеряло яркость, и настроение испортилось. Если так, то я больше никогда не влюблюсь. Ни в одного козла, пообещала я себе. Любовь только причиняет боль, а я не мазохистка, чтобы этим наслаждаться.

Мимо прошла Галка, утопая каблуками в гравии дорожки. Она направлялась к воротам, в светлых брюках, блузке и с сумочкой через плечо. Явно не гусей кормить.

— Ты надолго? — крикнула я вслед. Галка обернулась и развела руками.

— Надо на работу заехать, — крикнула в ответ. Работа, ну да, конечно. Наверняка поехала Павлика искать, уже два дня была вся на нервах, тронь — взорвется. Я качнула головой. Как же у нас все запутанно... Человеческие отношения — сущий лабиринт.

Без особого аппетита перекусив остывшей яичницей, я вооружилась грабельками, перчатками и пошла помогать осваивать клумбы. Прополка отвлекала от дурацких мыслей, да и мама с бабушкой не давали заскучать. Перемывали кости соседям, проклинали виноградных улиток, которые деловито ползали и поедали листья бабулиного салата. Потом углубились в геополитику, причем с таким жаром, будто что-то в ней понимали. Будто Ангела Меркель лично звонила бабуле вечерами и спрашивала ее совета.

Через часа два прополки у ворот с рыком остановился черный «мерседес», и в калитке показался Женька. В каждой руке он тащил по пакету из продуктового магазина.

— Женечка вернулся, — констатировала бабуля. — Молока взял?

— Да, бабуль, — ответил он.

— Привет! — я выпрямилась и махнула рукой. Но в ответ Женька просто кивнул и ушел в дом. Ничего в его лице не изменилось. Хотя чего я ждала? Что он подбежит и при всех глубоко поцелует?

Я вернулась к прополке с утроенной силой. Выдирала сорняки так, словно они были Женей, только земля в разные стороны летела.

— Смотри, как Линка старается, — услышала за спиной довольный бабушкин голос. — Вот молодец. Линк, поможешь еще огурцы высадить?

Я молча кивнула, готовая на что угодно, лишь бы не возвращаться в дом. Огурцы, помидоры, цветы, забор покрасить — что угодно.

Но вернуться пришлось — на обед. Ели мы тихо, смотря в телевизор или свою тарелку. Женька не отрывался от телефона, все время кому-то набирая. Даже словом со мной не перекинулся. Невыносимая обстановка. Побыстрее дожевав, я ушла обратно в сад, к огурцам. Они явно понимали меня лучше остальных. С ними я по крайней мере не чувствовала себя душой.

Остановилась лишь когда совсем выдохлась. Вернувшись в дом, смыла пот с лица и грязь с рук. Холодная вода выстудила лоб, работа прогнала лишние чувства, так, что я смогла трезво соображать.

Ничего. Никакой катастрофы не произошло. Теперь мы делаем вид, будто ничего не было? Ну и отлично. Тем лучше.

Устроившись в кресле, я раскрыла книгу. Буквы опять плясали перед глазами, никак не укладываясь в связный текст. Мысли все время плавали где-то около Женьки, вокруг его сильного тела, его крепких объятий... Я будто снова оказалась в ночном саду, отдавая всю себя...

— Лин, пойдешь до карьера?

Вздвогнув, я обернулась. В дверях гостиной стоял Женька собственной персоной. Он улыбнулся (впервые за день) и качнул головой на дверь.

— На закат посмотрим.

С одной стороны я очень хотела остаться с Женькой наедине, а с

другой страшно боялась того, что он скажет. А он совершенно точно хотел поговорить! О чем? О том, что мы совершили ошибку? Что нам было хорошо, но теперь надо бы это забыть? Что он не хочет портить отношения с семьей? Судя по тому, как старательно он целый день меня избегал, именно это он сказать и собирался. И нужны в словах на самом деле не было. Я не дура, я и так все поняла.

Но я закрыла книгу и поднялась. Будем вести себя как взрослые люди. Сразу расставим все точки над “и”.

Сначала мы шли молча, на пионерском расстоянии.

— Ты жалеешь? — неожиданно осипшим голосом спросил Женька. Правильно, чего тянуть? За прямоу я его и любила.

Я вымучила улыбку и качнула головой.

— Нет.

Могла соврать, конечно, но зачем? Я не жалела. Ни капли.

Женька хотел что-то ответить, но вдруг передумал и ускорил шаг.

— Ты куда?

Он улыбнулся через плечо. Знакомо, будто снова стал мальчишкой, с которым мы гоняли на велосипеде.

— Давай быстрее, закат пропустим.

Мы добежали до конца проулка — того самого, где когда-то жили вредные близнецы, — свернули с дороги, по заросшей, едва видной тропинке пересекли небольшую березовую рощу и вышли к карьеру. Земля у наших ног обрывалась, уходила вниз, в кустарники и ряску. Солнце закатывалось за противоположный берег, отражаясь в спокойной воде. Растекалось пурпурным пятном. Воздух стал мягким, как одеяло.

Я хотела сесть на край обрыва, свесив ноги, но замерла, почувствовав прикосновение к своей руке. Затем медленно повернулась, боясь поднять глаза и одновременно желая посмотреть. Сердце спустилось куда-то в живот и суматошно колотилось.

Женька смотрел мне в глаза, не улыбаясь. Потом склонился и поцеловал, на этот раз нежно, никуда не торопясь. Я запустила пальцы в ежик его волос, провела по колючей от щетины шее. Женькины руки скользнули под мою футболку, мягко огладили

спину. Я едва не застонала, когда в низу живота призывно заныло.

Поцеловав Женьку еще, я прижалась щекой к его груди. Она мерно, неторопливо вздымалась, как бок у большого зверя. Фланель рубашки грела кожу.

Солнце плавно тонуло за горизонтом.

— А куда ты уезжал? — спросила я.

Женька хмыкнул, полез в карман. Что-то зашуршало, и он извлек на свет пачку презервативов.

— Здесь нормальных не было, пришлось ехать в Раменское. — Он внимательно посмотрел на меня. — Ты не против? Если против, то мы остановимся, здесь и сейчас.

Я снова глянула на презервативы. Встала на цыпочки и поцеловала Женьку. Обвела языком его нижнюю губу и, почувствовав его нарастающее возбуждение, прижалась всем телом, чувствуя каждый изгиб.

— Я совсем не против, — шепнула я ему в губы.

9 (обновление от 7.07)

Лина

— А твоя комната не изменилась.

Я тронула потрепанный плакат «Депеш Мод», приклеенный к стене. С обоями в цветочек он совершенно не сочетался, а в центре, прямо на лбу солиста красовался засохший трупик убитого комара.

Сама комнатуха была маленькой, угловая на первом этаже, за гостиной, кухней и подсобкой. Утренний свет не проникал через плотно задернутые шторы. Я сидела на деревянной односпальной кровати с весьма жестким матрасиком. Женька раскинулся на стуле у противоположной стены. Не так далеко, если учитывать габариты комнаты.

— Да, — ответил он, лениво почесав живот над резинкой треников.

— Хочу сейчас сделать здесь косметику. Не только в этой комнате, а во всем доме.

— Если бабуля тебе даст, — хмыкнула я. Заметив на обоях за плакатом выцветший фломастер, я забралась на кровать с ногами и встала на колени, чтобы получше разглядеть. Зеленым было угловато написано «Женя», чуть ниже, более ровными буквами — «Лина». Мы написали это, когда нам было лет по семь. Вспомнив это, я тихо рассмеялась. Хотела сесть обратно, но голос Женьки меня остановил.

— Не двигайся, так хорошо.

Не поняв юмора, я обернулась через плечо. Женька тяжело смотрел на меня, глаза потемнели, грудь под потертой майкой вздымалась. Проследив за его взглядом, я поняла в чем дело — когда я встала на колени и потянулась, юбка сарафана немного задралась, обнажив край трусиков.

Женька не двигался. Смотрел безотрывно, и этот взгляд не на шутку заводил.

Медленно, будто в трансе, я потянула юбку на талию, оголив ягодицы полностью. Нитка трусиков не скрывала ровным счетом ничего. Она уже была влажной.

Не разгибаясь, я отвела трусики в сторону и сунула один пальчик между набухших губ.

— А, может, лучше так?

— Да, — тихим голосом ответил Женька. — Гораздо.

Я чуть присела, раздвинув колени, и ввела уже два пальца. Они тоже намокли до самой фаланги.

— А так?

Женька поднялся, в два шага пересек расстояние между нами. Встал на колени у кровати, взял меня за бедра и припал губами к моему лону. Требовательно проник в него языком, затем вошел пальцем. А я стояла на коленях, упершись руками в стену, и чувствовала, что улетаю.

У меня просто рвало рядом с ним крышу. Я была готова сделать для него все. Не хотела думать о том, что будет дальше, после майских праздников. Наверняка ничего хорошего. Нам нельзя быть вместе, никогда.

Но я желала насытиться им, пока могла.

Щелкнула резинка презерватива. Женька усадил меня себе на колени и медленно вошел, придерживая за бедра. Я откинулась назад, и мы ускорили темп. Бретельки моего сарафана скользнули с плеч, груди выпрыгнули из выреза, торча твердыми сосками. Женька сжал одну в ладони и сдавил.

Затем подхватил меня на руки, легко, как пушинку, встал и прижал спиной к стене. Теперь проникновение было полнее, а ощущения острее. Я тихонько стонала, не в силах сдержаться...

— Еще... — шептала ему на ухо. — Еще...

В коридоре слышались шаги. Женька остановился и приложил палец к моим губам, чтобы я молчала.

— Женя? — донесся окрик дяди Саши. — Жень, ты тут?

— Я сплю, — отозвался Женька. Я медленно облизала палец и вобрала его в рот. Он был солоноватый на вкус. Закусив губу, Женька и двинул бедрами, вызвав волну потрясающих ощущений.

— Когда проснешься, иди во двор. Помощь нужна.

Я покачала головой — нет, мол, не надо никуда идти, только не сейчас. Прикрыла глаза, продолжая посасывать палец. Станным образом это меня возбуждало еще больше.

Женьку, судя по учатившемуся дыханию, тоже.

— Хорошо. Через полчаса, — сказал он севшим голосом. Дядя Саша за дверью хмыкнул и ушел восвояси.

В следующее мгновение я уже лежала лицом вниз на кровати, а Женька вбивался в меня сзади, придерживая бедра. Он проникал на всю плотную длину, отчего я была готова сойти с ума, вцепилась в простыни так, что те затрещали. Женька намотал мои волосы на кулак и потянул наверх. Кровать жалобно застонала, и я вместе с ней. Еще никогда мне не было так сладко...

Мощный оргазм накрыл с головой. Женька кончил парой секунд позже, и мы замерли, прижавшись друг к другу разгоряченными телами.

— Какие мы плохие, — прошептала я.

Он поцеловал меня в шею. Его рука снова ласкала мою грудь, теребила сосок.

— А мне не стыдно, — ответил. — Давай еще?

Я повернулась к нему лицом, призывно развела бедра, и Женька опустился сверху. Прижал меня тяжестью своего тела.

Мы не могли насытиться.

Наверное, мы сходили с ума. На нас словно нашло помутнение. Мы трахались без конца: именно не занимались любовью, а трахались, исступленно и неистово. Везде и каждый раз, как выпадал удобный момент, как будто завтра наступит конец света. Будто хотели восполнить потерянные годы.

Женька словно был создан для меня, каждый изгиб его тела, каждое его движение — будто он чувствовал, чего именно я хочу и как я этого хочу. Даже размер его члена подходил идеально. Мои бедра пестрели следами его сильных пальцев, на горле темнел засос, который я прикрывала легким шарфиком и волосами.

Может, мы оба понимали, что времени мало.

Из комнаты мы вышли к обеду, довольные и растрепанные. Вернее, выходили по очереди — Сперва я, тайком в душ, а затем на цыпочках наверх, переодеваться. Уже наверху я услышала, как душ зашумел снова — теперь его занял Женька.

Затем я снова спустилась, держа под мышкой книгу и делая максимально заspanный и нейтральный вид. Мне наверное, удалось, слишком хорошо: завидев меня, мама поцокала языком и предложила таблеточку. Мне скорее был нужен бром, пара уколов, не меньше, но его у мамы наверняка не было. Потому я вежливо отказалась и вызвалась помогать с обедом.

Мне все еще было сладко и так спокойно. Наверное, я никогда не чувствовала себя так хорошо. Настолько любимой.

— Ты звонила сегодня Гале? — спросила мама, натирая морковь. Та разлеталась по доске и столу алой стружкой.

— Нет, — я ухватила щепотку и отправила в рот. Есть хотелось страшно. — А что?

Мама поджала губы.

— Да я третий день дозвониться не могу. Она трубку не берет.

Я задумалась. И правда, последний раз мы говорили с Галей, когда

она уезжала.

— Может, на работу вызвали? Завал? — предположила я. Но почему-то на душе стало нехорошо.

С Галей творилось что-то неладное.

10 (обновление от 10.07)

Галя

— Здравствуйте, — сказала я, едва сдерживая злость. — Скажите, с кем я говорю?

Девушка на том конце провода растерянно умолкла. Затем что-то щелкнуло, и звонок оборвался.

Я даже задохнулась! Повесила трубку, вот же сучка!

Я перезвонила, но теперь телефон был выключен. Узнать бы, где она находится... Сделав мысленную галочку, чтобы не забыть это выяснить, я переписала номер в свой телефон. Затем скинула одежду, прошла к холодильнику, хищно окинула содержимое взглядом, достала из морозилки брикет мороженого и стала его уминать. Нужно было как-то отвлечься, остудить голову.

Не успела я доесть, как телефон разразился трелью. Увидев неизвестный номер, я быстрохватила трубку липкими пальцами.

— Алло! — рыкнула, готовая разразиться самой нецензурной бранью.

Но звонил мне не Паша, и не та неизвестная девушка. Это был Михаил Юрьевич, в меру упитанный директор концерна, с которым у нашей конторы был проект. Я думала, что обсудила с ним все до майских, но видимо, зря.

— Галечка, добрый день, — сказал он тяжело, с одышкой. — Вы в Москве сегодня?

— Да, — с неохотой ответила я.

— Вы не могли бы через часик заехать ко мне в офис? Нужно обсудить кое-что.

Важному клиенту не стоило отказывать, успешный проект с ним означал мое немедленное повышение. Потому я согласилась. Решила

хоть как-то отвлечься от мыслей о Пашке. Надела винную юбку длиной чуть выше колена, простую белую рубашку. Подвернула манжеты, оголив запястья, и застегнула широкий серебряный браслет. Образ дополнила черными лодочками на шпильке. Это была моя униформа, в которой я чувствовала себя уверенно.

Перед офисом я заехала в полицию. Заявление о пропаже человека я, конечно, оставила, но приняли его, прохладно намекнув, что искать пока никто не будет. Слишком мало времени прошло. «Может, вам и не надо его искать, девушка? Сам найдется, если захочет», — сказал молодой полицейский и как-то странно улыбнулся. Я чуть не устроила скандал прямо в отделении. Что за намеки?

Девушка, ответившая на звонок, не шла у меня из головы. Какие у Паши могли быть с ней дела? Где-то познакомились или работали вместе? Он спал с ней? Или не успел?

А, может, спит сейчас? Живет с ней?

От одной этой мысли у меня в глазах почернело. Я стиснула руль и резко свернула влево, едва не проехав свой поворот и кого-то случайно подрезав. Загнав машину на подземную стоянку бизнес-центра, я поднялась на двадцатый этаж. Он пустовал — по праздникам не было никого, кроме дежурного секретаря и пары менеджеров в дальней переговорной.

— Михаил Юрьевич ждет вас, — сказала секретарь и повела меня куда-то вглубь, через оупенспейс, мимо десятков пустых столов. У кабинета, со всех сторон закупоренного жалюзи, она остановилась и указала на стеклянную дверь.

— Прошу.

Кивнув, я вошла.

Михаил сидел за столом и перебирал какие-то бумаги. Невысокий, лысеватый, в черном лоснящемся костюме. Лицо его тоже лоснилось, как у пресыщенного олигарха из девяностых. На самом деле, он таким и был. Я как-то читала про него в интернете: три брака, два развода, пять детей. Состояние, спрятанное где-то на Кипре.

Увидев меня, он сухо улыбнулся.

— Я хотел вам сказать, что меня не совсем устраивают цены, которые указаны в контракте, Галечка, — сказал, когда я села. К такому повороту событий я была готова и спокойно ответила:

— Это максимальная скидка, на которую мы можем пойти. Я могу поговорить с логистами, они могут рассчитать другой вариант транспортировки...

Михаил отмел мои слова мягким движением руки.

— Не сыграет роли.

— Тогда зачем же вы меня вызвали? — опешила я. Снова поймав взгляд на расстегнутой пуговице моей рубашки, я невольно поерзала в кресле.

Это тоже не ускользнуло от взгляда Михаила. Только сейчас я поняла, как тихо было в офисе и кабинете.

— Галина, подойдите.

Помедлив, я встала и подошла ближе. Он ухватил меня за руку и притянул к себе совсем близко, так, что мои колени коснулись его ноги.

— Галина, я мог бы уговорить наших акционеров вложиться в данный проект. И даже, может быть, с меньшей скидкой, чем вы сейчас мне предлагаете. Но вам для этого придется немного поработать.

Его ладонь скользнула вверх по моему бедру, тронула кружево чулка.

— Вы же понимаете, все в ваших руках, — сказал он, улыбаясь. — Чтобы я подумал.

Я стояла в каком-то оцепенении, чувствуя, как ярость накатывает холодными волнами. Не верила в происходящее.

Палец Михаила уверенно и быстро зацепил край кружевных танга, юрко скользнул за них, отыскал клитор и надавил. Глазки поблескивали в уверенности, что я ничего не сделаю. Что я соглашусь на все — я же простая девочка на побегушках. Вторая рука уже расстегнула ширинку на брюках и сжимала отвердевший бледно-розовый член. Из щели на головке уже показалась блестящая капля.

— Пососи мне, — велел он, облизнув тонкую губу.

В этот момент я его оттолкнула. Кресло откатилось на колесиках, покачнулось и опрокинулось на спинку. Михаил тоже завалился, раскинув толстые ноги. С побагровевшим лицом он пытался подняться, но то ли живот перевешивал, то ли застрял в кресле.

Казалось, его вот-вот хватит инфаркт.

— Тебя уволят! Ты больше нигде работать не будешь, сука! Сама приползешь, умолять будешь, чтобы трахнули, — зажимая нос, гнусаво завизжал он. Я смирила его взглядом и вышла, высекая каблуками искры из офисного псевдомрамора.

Плевать я хотела на него, на этот офис и вообще на целый мир. Пусть увольняют.

В тот момент я поняла, что действительно для меня важно. Я должна найти Пашку, чего бы мне это не стоило.

— Лелик, нужна помощь, срочно, — сказала, сбегая по ступеням бизнес-центра. На ходу попыталась застегнуть пальто — похолодало, и дул пронизывающий ветер. На парковку пока не шла — там телефон ловил плохо.

— Какая? — привычным, спокойным голосом отозвался Лелик.

Он был моим одноклассником. Всегда шарил в компьютерах — один раз на спор взломал банковскую систему. Потом ушел работать в органы, откуда переключился в ФСБ. Службе безопасности всегда были нужны талантливые кадры. Я никогда не просила его о помощи, не думала, что она вообще может мне понадобиться.

— Паша пропал. Есть один номер, надо его пробить.

11 (обновление от 12.07)

Скачано с сайта knigomania.org

Галя

Я чувствовала себя такой маленькой в нашей пустой и тихой квартире. Потерянной в трех комнатах, которые без Пашки вдруг оказались ненужными. Телевизор что-то бормотал, тусклая замена настоящему общению. Чашка чая грела пальцы, а я стояла, облокотившись на подоконник и смотрела, как солнце закатывается за соседние дома. Внизу, по тротуарам спешили люди. Мамочки толкали коляски, молодые парочки шли в кинотеатр через дорогу, нежно держась за руки. От них меня отделяла тонкая пленка одиночества и тишины. Даже звонить никому не хотелось. Мама выставит меня виноватой, подруги и Линка начнут жалеть, а я не хотела жалости.

Иначе точно почувствую себя брошенной. За два месяца до свадьбы, какая ирония.

Телефон зазвонил, и я бросилась к нему, как фурия. Это был Лелик.

— Да, — с надеждой выдохнула я.

— Галь, меня слышно? — спросил он. На заднем плане что-то гудело и шумели машины. Похоже, Лелик звонил с улицы.

— Да, да, — нетерпеливо подтвердила я. — Ты что-нибудь узнал?

— Слушай, он звонил на этот номер в пятницу. Абонент находится в Коньково. Паша был там в субботу, потом отключил телефон.

— Точный адрес скажи, пожалуйста. — Я села, готовая хоть сейчас соскочить с дивана, помчаться в Коньково и выдрать сучке все патлы.

Он назвал адрес, затем замялся, словно что-то сообразив.

— Только не езди туда, ладно? Давай я сам сгоняю, завтра.

— Лелик, сама разберусь.

— Галя, не надо скандалов...

— Скандалов не будет, — оборвала я его. — Спасибо, дорогой. С меня текила.

— Обещай, что не поедешь туда, — настаивал Лелик.

— Конечно, — кивнула я. Повесила трубку, положила мобильник в сумочку, влезла в туфли и вышла из дома.

Сидеть и ждать? Еще чего! Я поеду в Коньково, найду эту дрянь и выясню все-все. Раз и навсегда. Почему-то я чувствовала, что найду там все ответы.

Навигатор привел меня к облезлой от времени блочной многоэтажке, одной из многих, которые настроили до перестройки. Машин во дворе стояло море, поэтому пришлось изрядно поколесить в поисках места. Наконец приткнув машину в грязь рядом с бойлерной, я нашла нужный подъезд. Разумеется, на нем был домофон. Оставалось либо звонить в квартиру, куда я направлялась — но спугнуть Пашу я не хотела, что-то подсказывало, что лучше звонить прямо в дверь и увидеть своими глазами. Выходить из подъезда тоже никто не собирался, а начал накрапывать дождь. Поэтому я набрала первый попавшийся номер и, когда мне ответили, строгим голосом сказала:

— Милиция!

Сработало безотказно — дверь тут же открыли. Нужная мне квартира находилась на шестом этаже. Железная дверь, обитая коричневым дерматином, на полу чистый коврик. Небогато, но аккуратно, не похоже на какой-нибудь притон.

Поколебавшись, я нажала кнопку звонка. По ту сторону двери раздалась трель, имитация птичьего пения. Спустя несколько мгновений донеслись шаги, щелкнула защелка и дверь приоткрылась. На меня смотрела молодая женщина, моя ровесница. Светлые волосы были убраны в высокий хвост, шелковый халатик не прикрывал коленей. На красивом лице спокойное любопытство.

— Здравствуйте, — сказала она, и я узнала ее голос. Это она ответила на мой звонок!

Я подавила желание вцепиться ей в волосы.

— Здравствуйте, — кивнула в ответ и только хотела выдать сочиненную историю, как меня перебили.

— Это папа? — спросили звонко, и из комнаты показалась девочка лет четырех.

Мне даже не нужно было спрашивать. Она была маленькой женской копией Паши. Те же серые прозрачные глаза, слегка раскосые и обрамленные длинными ресницами.

Мне показалось, что я проваливаюсь в темноту. Я не могла говорить, забыла все слова, всё, что заготовила по пути сюда.

— Вы Павла ищете? — с участием спросила девушка. И как только поняла? Может, тоже узнала мой голос? — Он вернется вечером. Может, что-то ему передать?

Я кивнула, давя подступающие слезы.

— Скажите... Скажите, что заезжала Галя и просила забрать вещи.

Не помню, как добралась до дома. Все было как в тумане, сокрыто пеленой слез.

Я ведь знала, что что-то не так. Чувствовала — и все равно надеялась на лучшее. На то, что мне только кажется, что я сама себя накрутила.

Зря, интуицию не проведешь.

В квартире сидеть не хотелось, поэтому я пошла в ближайший бар. Народу там почти не было, все разъехались по дачам. Я заняла столик у окна, заказала бутылку вина, сырную тарелку и просто смотрела на проезжающие за окном машины. Желтые огни в темноте, размытые накрапывающим дождем.

Телефон завибрировал, неизвестный номер. Что еще, господи боже? Отвечать ужасно не хотелось, но трубку я все-таки взяла.

— Алло, — сказала и отпила еще вина.

Молчание в ответ. Кто-то меня слышал, это точно, просто молчал.

— Алло! — раздраженно повторила я, и на этот раз мне ответили.

— Галь, это я.

Услышав голос Паши, я на миг перестала дышать. Сжала ножку бокала до боли в пальцах.

— Привет, — я чувствовала горечь во рту. Казалось, меня вот-вот стошнит.

— Ты меня искала сегодня?

Вот это открытие! Пропасть на несколько дней, а потом вот так вот интересоваться!

— Да, и не только сегодня, — ответила я, еле сдерживаясь, чтобы не заорать.

Снова тяжелое молчание в трубке. Павлик всегда был тугодумом.

— Извини. Я просто не знал, как тебе сказать...

— О том, что у тебя дочь? Спасибо, я сама узнала.

— Галя, послушай, — в его голосе прозвучало отчаяние. — Я не знал о том, что она есть!..

— А теперь узнал и решил пропасть на неделю. Замечательное решение проблемы.

— Ну что ты опять начинаешь?.. У меня телефон украли...

Телефон украли! Гениально!

— Я начинаю?! — вскипела я. — То есть, ты завел с кем-то ребенка, пропал, а я начинаю?! Действительно, чего это я!

— Я не знал! — Теперь и Пашка орал. — Это было до тебя! А теперь там такая ситуация, мне позвонила сестра той девчонки...

Ситуация, сестра... Я стерла горячую каплю со щеки. Теперь уже какая разница?

— Мне плевать, — перебила я его. — Доверия уже нет, Паш. Если ты позволяешь себе скрывать такие вещи и оставлять меня одну, то доверия с моей стороны уже нет. Забери, пожалуйста, свои вещи.

— Галя, давай встретимся и поговорим. — Теперь в его голосе звучала мольба. — Давай я завтра приеду...

— Не надо приезжать домой. — Я боялась, что не выдержу, если окажусь с ним наедине.

— Хорошо, — согласился Паша. — Тогда на нашем месте, часов в двенадцать. Давай?

Я молчала. Встретиться все равно было нужно. Поговорить.

— Ладно, — ответила я и положила трубку.

12 (обновление от 13.07)

Лина

Галка позвонила мне сама.

По одному ее голосу я поняла — она плакала. Не сейчас, когда она выдохнула привычное «привет» в трубку, а за минуту до звонка. И вообще целый день до него, с редкими перерывами на сон.

— Галюш, что случилось? — сразу спросила я. Мои слова будто нажали какую-то кнопку, и Галка зарыдала, шмыгая носом.

— Галя! — Я поднялась из кресла и заходила по комнате. — Давай я приеду! Сейчас, хочешь?

— Да... — прорыдала Галя и засопела опять.

Это из-за Пашки, думала я, затапливая вещи в рюкзак. Вот же урод, расстроил сестру! Что можно было натворить или сказать, чтобы Галя, железобетонная Галя, так убивалась? Что-то очень страшное.

В поисках забытых вещей я пробежалась взглядом по тумбочке, выдернула зарядку из розетки и сунула ее во внешний карман. Замерла посреди комнаты, запустив пальцы в волосы. Что я еще забыла?..

— Куда едешь? — донесся голос от двери.

Я обернулась и встретилась взглядом с Женькой. Тот сощурился, опершись плечом на дверной косяк.

Женька. Точно. Вот про кого я забыла.

— Гале плохо, надо к ней ехать.

Женя нахмурился.

— В смысле — плохо? Заболела?

— Нет, — я нетерпеливо мотнула головой. — Она... Что-то с Пашей у них. Плачет и все такое.

Он с силой потер шею, будто что-то обдумывал. Его пальцы оставили на коже землистые полосы — похоже, опять работал во дворе.

— Я тебя отвезу, — сказал и стянул грязную майку через голову. Я

невольно залюбовалась мышцами его широкой груди, заигравшими от этого движения.

— Я могу и сама... — сказала не особо уверенно. Но Женька быстро глянул в коридор за его спиной, пересек расстояние между нами в два шага и запечатал мои губы долгим поцелуем.

— Никаких «сама». Подожди минут пятнадцать, — велел он и отправился в душ.

Через пятнадцать минут мы с ним уже качались на проселочной дороге, ведущей от нашей деревни к шоссе. «Мерседес» то нырял носом в яму, то проваливался в нее боком, и от этой качки меня начало подташнивать. Открыв окно на полную, я сунулась в него с головой.

Солнце мазнуло по лбу теплым лучом. Ветер набросил волосы на переносицу, отчего та зачесалась. Пахло свежей травой, и землей, и лесом. Хотелось закричать от восторга, выскочить из машины, завалиться в эту траву и лежать в ней, и целоваться... Как мы сделали днем раньше: ушли в поля, лежали на траве и целовались под высоким лазурным небом, по которому изредка катились серебряные горошины самолетов. Не отрывались друг от друга, пока не заболели губы.

Поймав мою довольную улыбку, Женя тоже улыбнулся и нежно тронул мою щеку.

Как хотелось заморозить этот момент навсегда. Поставить на паузу, остаться в нем навечно. Все это — руку Женьки на моей щеке, пахнувший кожей салон, теплую весну и даже раскисшую от короткого дождя дорогу.

Горло сжало. Я почувствовала, что вот-вот заплачу, как Галя, и отвернулась к окну. Женька включил радио, и повисшая тишина уже не казалась такой гнетущей.

До Галки мы добрались за два часа. Когда она открыла дверь, я даже сперва ее не узнала. Сальные волосы собраны в низкий хвост, под припухшими от слез глазами синяки, и даже тело, казалось, съежилось от горя.

— Ой, — сказала она слабым голосом, заметив Женьку. Похоже, она совсем не ожидала его увидеть. — Заходите.

Переглянувшись, мы зашли. Я, конечно, могла услать его домой, но

мне ужасно не хотелось. Душа умоляла — еще немного, еще чуть-чуть. Не торопи расставание. Я была уверена, я знала, что без дачи, вне дома, объединяющего нас, мы разбежимся в разные стороны. Он же не признавался мне любви. Быть его девушкой я тоже не могу по очевидным причинам. Как мы будем теперь?

На кухне нас ждал чай и три килограмма печенья. Обычно Галка себе не позволяла есть выпечку, но тут, похоже, пошла вразнос. Печенье лежало прямо в надорванных пакетах, сортов семь. Галка сунула одно в рот и указала нам на стулья.

— То есть, у него ничего не было с той девушкой, которая ответила на телефон? — уточнила я десятью минутами позже. Галка мотнула головой.

— Нет, это была сестра его бывшей. А сама бывшая, которая мама девочки, недавно умерла, от лейкемии. Вот сестра и связалась с Пашкой. Пока бывшая была жива, она о Пашке и слышать не хотела, а тут родственники решили, что ребенку нужен хотя бы отец.

— Проблемы-то и нет, получается, — бодро заявил Женька.

— Как это нет? — опешила Галка.

— Ну, о ребенке он не знал.

— Но он есть! Ребенок есть! И что теперь с этим делать?

— Ничего, — Женька пожал плечами. — Это Пашкины проблемы, не твои.

Мы с Галкой уставились на него во все глаза. Вот же... мужчина. Может, он так же воспринимал наше расставание, подумалось мне. Что это лишь мои проблемы, не его. Что дела оставшихся в России уже его не касались.

— Но я не смогу ему теперь верить, — тихо сказала Галка, и я мысленно с ней согласилась. — Откуда я знаю, может, он врет! Может, эта... — Галя помахала рукой, — никакая не сестра, а мать девочки? Может, он с ней спал всю дорогу, как мы встречались?

— Сколько ей? — спросил Женька.

— Сестре? — Галя шмыгнула носом и съела еще печеньку.

— Девочке

— Три. Родилась раньше, чем мы с Пашей встречаться начали. Но

почему он не сказал, что есть такая женщина, которая от него родила? Почему пропал?

— Испугался, — пожал плечами Женька.

— И ты туда же! Что значит испугался? Ему тридцать лет, а он с горя нажрался, якобы просрал телефон, но мне так и не звонил, потому что не знал, что сказать. Ты сам-то веришь в это?

Женька пожал плечами.

— Я бы поверил. Все зависит от того, хочешь ты быть с ним или нет.

Галя помолчала, отпила чая.

— С лгуном точно не хочу, — выдала наконец.

— Но ты бы с ним встретилась, поговорила, — попробовала я.

— Я встретилась, сегодня. Поняла, что нет, не могу. Не верю. — Она помотала головой, еще слеза скатилась по щеке. — Вот он и забрал вещи.

Только теперь я поняла, что не видела ни одной Пашкиной вещи с момента, как попала в квартиру. Галя была настроена серьезно. Черт, да она всегда была серьезна, как медвежий капкан, молодые люди ходили у нее по струнке.

Может, Паша и правда испугался? Будь я парнем, я бы не хотела попасть под ее горячую руку.

— Меня еще и с работы турнули. Сегодня директор звонил, — меланхолично бросила Галка, помешивая ложечкой чай.

— Почему? — ужаснулась я. Но она молча махнула рукой, давая понять, что не желает об этом говорить.

— Нам сейчас как раз нужны маркетологи в отдел, — сказал Женька.

— Я поговорю с директором после выходных.

— Спасибо, Жень, — слабо улыбнулась Галя. Она уставилась в окно, и я вдруг поняла, как сильно она хочет остаться наедине со мной. Поговорить о своем, о женском и без купюр. Женька, похоже, это тоже понял и поднялся.

— Ладно, поехал я. Надо еще к родителям заехать. Спасибо за чай, Галь.

Как мне не хотелось отпускать его — но и Галю оставить я тоже не

могла. Потому я нехотя кивнула.

— Галюш, подожди, сейчас закрою за Жекой, — я тронула ее плечо и проследовала за Женькой в коридор. Молча смотрела, как он обувается, как берет со столика ключи от машины и паспорт с правами. Приоткрыв дверь, он обернулся. Посмотрел мне прямо в глаза, и я снова почувствовала, как холодная паника накрывает меня с головой.

— Пока, — я махнула рукой и криво улыбнулась.

— Пока, — кивнул Женя.

Казалось, он хочет что-то добавить, но лишь коротко меня поцеловал и сбежал по подъездной лестнице. Звук его шагов утих, хлопнула подъездная дверь.

Вот и все? Последний поцелуй или будут еще?

Я закрыла дверь и прижалась лбом к прохладному дереву. Все равно бы это случилось, рано или поздно. Поиграли и хватит. Он твой двоюродный брат, Лина.

Ваши отношения были обречены с самого начала, и ты прекрасно об этом знала.

13 (обновление от 14.07)

Лина

Почему Женя попрощался так коротко?

Где он сейчас?

С кем он?

О чем думает?

Помнит ли обо мне?

Смеется надо мной?

Кем считает?

Хочет ли снова увидеть?

Столько вопросов и ни одного ответа, даже тошнило.

Рука дрогнула, и линия подводки резко ушла вверх кривой галочкой. Чертыхнувшись, я взяла ватную палочку и принялась вытирать неровную стрелку. Вытерла, но теперь в тених образовалось светлое пятно. Вздохнув, я взяла ватный тампон, смочила его жидкостью для снятия макияжа и промокнула глаз.

Опять все с начала.

А мысли снова кружились вокруг Женьки.

Не позвонит. Не объявится. Здесь у него другая жизнь.

Три дня прошло с момента нашей последней встречи. Он не звонил, а я делать первый шаг не собиралась. К тому же, он так и не дал мне свой номер.

Это тоже можно расценить, как знак.

А как он говорил о той девочке — что это Пашкины проблемы. Как же так? Если Галя и Паша вместе, то и проблемы у них общие... Или я уже ничего не понимаю в отношениях.

Хотя, в общем-то, я и правда ничегошеньки не смыслю в нормальных отношениях. У меня их никогда не было. Только любовь, невозможная, неизлечимая, растущая, как опухоль.

Я вывела стрелку. Теперь она была ровной.

В школу я пришла точно за пять минут до звонка. Дети с гомоном вбегали в класс, хохотали, хлопали учебниками и тетрадями по партам. При взгляде на них я впервые поняла, как хочу детей. Хочу семьи, и горелой каши по утрам, и семейных ужинов, и совместных поездок на дачу... Вот этого обыденного хочу.

А может ли быть это обыденное с Женькой?

Где-он-как-он-что-он-делает?..

Отработав положенные шесть уроков, я двинулась домой. То и дело смотрела на экран телефона, проверяла «ватсап». Ничего, пусто. Дома тоже кружила вокруг телефона. Нет-нет, да подойду и проверю. Глупо, конечно. Хотелось отвлечься, потому я включила какой-то фильм на ноутбуке. Прошла к холодильнику, вытащила брикет пломбира (специально заготовленного на очень печальные дни) и только раскрыла упаковку, как заверещал телефон.

Я кинулась к нему галопом, но, посмотрев на экран, слегка скисла.

— Привет, мам, — сказала я и облизала ложку из-под пломбира. Холодный, он выстудил язык и кипящие мысли.

— Что там с Галей, скажи пожалуйста? — Мама была как всегда деловой и лаконичной. — Она ничего мне не говорит.

— Да все у нее в порядке, — промямлила я.

— Ну как это — в порядке? Паши что-то давно не видно. Они поругались?

— Я не знаю, мам.

Галка строго-настрого запретила мне рассказывать маме о произошедшем. Та сразу бы вынесла вердикт (Гале или Паше) и стала бы давить, а Галка сейчас была не в том состоянии, чтобы вынести очередное промывание мозгов.

— Все хорошо, мам. Просто у него работы много, вот и не видно.

— Да? — Она мне не верила, это сквозило в ее тоне. — Ну ладно. Как твои дела? Хорошо с Женей доехали?

Замечательно. Он гладил мое колено и целовал на светофорах.

— Нормально.

— Он сейчас у тебя? — спросила мама после небольшой паузы.

Этот вопрос вверг меня в ступор. Я подошла к окну и посмотрела на темную детскую площадку у подъезда. На миг мне показалось, что там кто-то стоит, кто-то, похожий на Женьку. Но видение быстро пропало, слилось с ночным рисунком листвы и светом фонарей.

— Нет, конечно. — Мой язык одеревенел. Почему она спросила? Почему? — Что он будет у меня делать?

— Ясно. — Снова пауза. — Ну ладно, Линусь, созвонимся еще. У меня папа на второй линии.

— Давай. Пока-пока, — ответила я и положила трубку. Затем сунула в рот столько пломбира, что свело зубы.

Мама что-то подозревает?

Я похолодела от одной мысли об этом.

Если она узнает, если она поймет, это будет катастрофа. Она (они, вся семья) до конца жизни будут смотреть на меня, как на прокаженную. И самое ужасное, что я не знала, чего боюсь больше — этого или

потерять Женьку. Мне казалось, что я готова разругаться со всем миром ради того, чтобы быть с ним. Но готов ли он?

Снова затрезвонил телефон, резкий звук в тишине. Вздрогнув, я глянула на экран — неизвестный номер.

— Алло? — осторожно поинтересовалась.

— Привет, — донесся веселый голос Женьки. Я едва не выронила ложку. — Как насчет кино завтра вечером?

— Я... Я только за... — булькнула я, совсем растерявшись.

— Вот и отлично, — Женька бодро назвал какой-то фильм и время сеанса. Я со всем согласилась, толком даже не поняв, на что мы идем. Повесив трубку, я с минуту просто стояла и глупо улыбалась. Забыла про вопросы мамы. Слушала радостный стук сердца, которое, казалось, подпрыгивало в ликование.

И лишь потом почувствовала влажный след слезы на щеке.

14 (обновление от 17.07)

Лина

Весь день я была как на иголках. Все время поправляла макияж, следила за тем, чтобы не сломать наманикюренные в час ночи ногти, и допереживалась до того, что на лбу, прямо между бровей вылез прыщ. Вот как всегда, по закону подлости!

Я замазала его в туалете, на перемене. Из зеркала на меня смотрела до ужаса испуганная девушка: глаза вытаращены, взгляд затравленный. Можно подумать, я собиралась не на свидание, а на какое-то очень важное собеседование.

Хотя, вообще-то, эта встреча и правда была для меня очень важна.

В метро было как всегда людно. Меня внесли в вагон, затем, на кольцевой, вынесли и потащили в сторону перехода. Я не сопротивлялась — несли меня в нужном направлении. Еще пара остановок в сдавленном полуобморочном состоянии, и я оказалась на Павелецкой. Оглядев людей, ожидающих перед метро, и не обнаружив Женьку, я подошла к палатке с хотдогами и взяла яблочного сока. Отпила, разглядывая Садовое кольцо и здание вокзала на той стороне. Парочки стояли в обнимку и о чем-то

шептались, заглядывали друг дружке в глаза. Целовались у всех на виду. Я им завидовала.

Что будет делать Женька? Как станет вести себя на людях? И смогу ли я вот так, в открытую при всех держать его за руку? Мне казалось, это что-то из области фантастики. Я и Женя — как нормальная пара, он — мой парень, я — его девушка. Нет. Невозможно, я слишком долго скрывала свои чувства.

Вдруг стало темно — теплые ладони закрыли мне обзор.

— Угадай кто, — пробасил довольный голос.

— Ммм... — протянула я, улыбаясь. — Вадик?

— Нет, не Вадик, — ответили сзади.

— Тогда Петя.

— Неа.

— Тогда мускулистый блондин из клуба.

Меня крепко ухватили за плечи и развернули на сто восемьдесят. Женька смотрел строго, сверху вниз.

— Какой еще блондин? Ну-ка рассказывай.

Я рассмеялась и пожала плечами, не зная, что и делать. Хотелось его поцеловать, но согласится ли он вот так, на людях? Женька тоже замер, его взгляд остановился на моих губах.

— Пойдем, — сказал он и потащил меня через тенистые дворы на соседнюю улицу, где стоял кинотеатр.

Оказалось, мы пришли на комедию. Народу в зале было битком, нам достались места на средних рядах, но ближе к краю. Передо мной уселся высокий парень, макушка которого закрывала мне треть экрана. Я немного подалась к Жене, хотела видеть все, а Женька вдруг закинул руку мне на плечо и прижал к себе.

Я не сопротивлялась. Положила голову на его широкую грудь и просто наслаждалась теплом. По экрану носились, герои шутили, от чего по залу разносились волны смеха, а я даже не понимала, о чем там идет речь.

Я грелась. Впервые мне было тепло и спокойно.

После кино мы пошли в кафе неподалеку. Я заказала большой

капучино с ароматной корицей на белой подушке пены. Женька сел на диванчик рядом со мной. Заказал чай и какой-то гигантский сандвич.

— Я сегодня без обеда, — с виноватой улыбкой сказал он. Вновь поймал взглядом мои губы, замер. Быстро склонился и поцеловал, прикрыв темные глаза. Я робко ответила, тронув пальцами его колючий подбородок. В животе снова разлилось жидкое олово. Казалось бы, уже не первый день вместе, а у меня внутри все переворачивалось от каждого поцелуя, от каждого легкого прикосновения.

— Весь вечер хотел это сделать, — сказал Женька мне в губы.

И именно в тот момент, глядя в его глаза, я поняла, что люблю без памяти. Не хочу его, не влюблена, (хотя ладно, и хочу тоже), но на самом деле люблю: как мужчину, как друга, как личность. Люблю как себя, будто он — неотъемлемая часть моего тела. Половина моего сердца.

Женька положил руку мне на талию, притянул к себе, и я положила голову ему на плечо. А сама невольно смотрела на сидящих вокруг людей, словно те могли нас уличить. Вдруг среди них окажется кто-то знакомый? Казалось, посетители вот-вот обернутся, — синхронно, с негодованием и отвращением на лицах, — и станут тыкать в нас пальцами.

Мы долго болтали обо всем на свете. Оказалось, что у нас все так же много общего, будто все эти годы мы шли параллельными дорогами. Про прошедшие три дня я решила не спрашивать — не хотела показать, что завишу от него. Но я уже зависела. Целиком и полностью.

После кафе Женька отвез меня домой. Поставил машину во дворе, под тенью липы, и, несмотря на мои протесты, поднялся за мной на этаж. Он улыбался, что-то рассказывал о работе, а я дрожащими пальцами перебирала ключи и пыталась вспомнить, убрала ли трусы с сушки. Я же не ждала гостей! И немытая посуда осталась в раковине, вчера не успела помыть. И вообще бардак в доме...

Женька окинул взглядом коридор, старую вешалку, на которой гроздьями видели мои весенние куртки и пальто, и полочки для обуви. Лицом посерьезнел, свел брови к переносице.

— Ну слушай, это никуда не годится, — заявил наконец.

Я растерянно молчала. О господи, я так и знала, что ему не понравится моя квартирка. Маленькая, с видом на ТЭЦ, не Лондон и не Москва-сити. Велкам в Бирюлево.

— Что именно? — наконец пискнула я, пряча вспотевшие ладони за спину.

— Вот это, — он указал на кабель интернета, белой паучьей нитью повисшей над входом в комнату. Я давно хотела его приколотить, но все руки не доходили...

И вообще, это было обидно. Вкус прекрасного вечера был безнадежно испорчен.

— Ну извини, нам, учителям, не так уж много платят, — сказала я с обидой. — На евроремонт не хватает.

Женька строго посмотрел на меня сверху вниз.

— А женщина и не должна ремонтом заниматься. Это дело мужчины.

— Мужчины у меня в доме не водятся, увы.

— Теперь один водится, — парировал Женька и протянул руку, ладонью вверх. — Тащи молоток и гвозди. Все, что есть.

И вечер закончился романтичным забиванием гвоздей. Женька балансировал на старом табурете и ровненько вытягивал кабель над дверным косяком. А я переоделась в домашнее, уселась на диван, потурецки скрестив ноги, и просто тащила от осознания того, что наконец есть кому приколотить этот чертов провод.

— Переезжай ко мне, — сказал Женька между девятым и десятым гвоздем. Гвозди он держал во рту, отчего слова выходили неразборчивыми.

— Вот тетя Люда обрадуется, — пробормотала я, представив лицо тетки, когда та увидит меня в Женькиной квартире. В одних трусах, например. «Привет, тетя Люд, я забежала к брату в гости».

Женька глянул на меня через плечо.

— Это ее не касается, — сказал он.

— Уверен, что она считает так же?

Он вынул гвозди изо рта и подбоченился, опираясь одной рукой на стену — табурет предательски шатался. Его поза выглядела комично.

— Послушай, ничего не будет. Она даже ко мне не приезжает.

Она даже не узнает, верно? Это ты хочешь мне сказать? Предлагаешь жить у тебя тайком и прятаться по углам, когда тетя Люда вздумает явиться?

По сердцу как бритвой резанули.

— Нет, мне здесь хорошо, спасибо, — слабо улыbnулась я. — К тому же, теперь ты приколотил мой кабель.

Поймав пасмурный взгляд Женьки (расстроен моим отказом?), я встала с дивана, подошла и обняла его за талию. Прижалась щекой к животу.

— Ты мой геро-ой! — промурлыкала. — Мой рыцарь гвоздя и молотка!

— И топора, и дрели, — ухмыльнулся Женька. Он дождался, пока я отойду, и продолжил приколачивать кабель. — Это я только начал, Лин. Здесь у тебя работы года на два.

— Ты не слишком зарабатывайся, — попросила я и неспешно распустила пояс халата. — А то я совсем замерзну.

15 (обновление от 18.07)

Галя

Мне снился сон. Как будто я снова в кабинете Михаила, но теперь в его кресле сидит Пашка. В любимом мною черном костюме «бриони», который так подчеркивал разлет его плеч и узкую жилистую талию. Белая рубашка под пиджаком застегнута на все пуговицы, как Паша делал каждый раз, когда был зол. На бледных щеках легкий (тоже злой) румянец, синие глаза смотрят внимательно. Раздевают.

— Галина, присаживайтесь, — говорит он и между делом касается завитков светлых волос на шее. Я сажусь в кресло, но Паша хмурится.

— Нет, Галина, сюда.

Он указывает на пол у своих ног.

Я сажусь на пол, точнее, встаю на колени. Смотрю на Пашу снизу

вверх. Хочу попросить его не сердиться. Хочу сказать, как люблю его, но слова застревают в горле. Я не могу выдавить и слова, только приоткрываю губы.

Паша берет меня за подбородок, трогает пальцем нижнюю губу.

Второй рукой расстегивает ремень брюк. Достает член. Тот уже эрегирован, большой и напряженный.

— Соси, — велит он. Берет меня за волосы, направляет голову к члену, и я подчиняюсь. Облизываю соленую головку и вбираю ее в рот. Глубже, ниже. Давно отработанные движения. Давно изученный член, как и все Пашкино тело.

Пашка откидывается на спинку кресла, запрокидывает голову и с наслаждением стонет. Я двигаю рукой по всей длине, вторую запускаю под юбку и ласкаю себя.

— Павел Михайлович, к вам гости, — в кабинет заглядывает секретарша. Она держит за руку маленькую девочку. Лизу, Пашкину дочь. Обе смотрят на меня, но не видят.

Паша давит на затылок, велит продолжать.

— Пускай заходят, — говорит он.

На этом я проснулась. Возбуждения от сна не осталось, только горькое послевкусие унижения и какой-то нелюбви. Стало так страшно... словно я только сейчас осознала, что потеряла Пашку. Не хотела терять, а он не хотел уходить. Мы должны быть вместе, мы же прекрасная пара.

Может, он правда испугался?

Может, у нас все бы получилось.

Вот только что я буду делать, когда он испугается в следующий раз? Снова искать с ФСБ? Спасибо большое, одного раза хватило.

Стоял жаркий и душный июнь. Повсюду летали хлопья тополиного пуха, кружили в воздухе, забивались в углы, липли на подошвы туфель вместе с масляными липовыми почками. Москва прела под ярким солнцем. Из башни Федерация была видна пыльная дымка на горизонте, там, где рыжие жилые дома сливались в одно. Прибоем шумело Третье кольцо с тысячами одноликих машин. Муравейник, самый настоящий муравейник.

До даты моей несостоявшейся свадьбы осталось три недели.

Интересно, как там Паша? Думает обо мне? Наверняка сидит сейчас на даче под Дубной и работает оттуда. Он любит так делать. А я любила сидеть рядом с ним и, например, читать книгу. Тихо, спокойно, только пение птиц, клацанье клавиатуры и шорох страниц.

Больше мы так сидеть не будем, факт. Наверное, нам и правда лучше было разойтись, причем уже давно.

Вот только почему у меня внутри все болело, как открытая рана?

Почему я плакала каждую ночь, пока кожу на висках не начинало щипать от соли?

Такого со мной никогда не случалось.

Услышав за спиной шаги, я отошла от окна и вернулась на рабочее место. В кабинете я пока сидела одна, Женька сказал, что отдел только набирают, и я — первая из отобранных претенденток.

На меня надвигалась шикарная брюнетка с фарфоровой чашкой в руках. Высокая дива с гривой темных волос, осиной талией и подтянутой задницей, подчеркнутой платьем-бандажом. И ноги, стройные загорелые бесконечные ноги в «лабутенах».

Сразу вспомнился «Ленинград».

— Галина, здравствуйте! — улыбнулась эта мечта престарелого олигарха и оперлась на мой стол. Поставила рядом чашку, в которой дымилось кофе. — Вы же сестра Евгения Андреевича?

— Двоюродная, — поправила ее я и умолкла, ожидая, с чем же ко мне приплыли. Такие просто так с улыбками не подходят.

— Евгений Андреевич замечательный, — продолжила заливаться соловьем девушка. — Прекрасный начальник.

Я покивала головой, продолжая молчать и вежливо улыбаться.

— И красивый, — подмигнули мне. — У нас весь офис гадает, свободен ли он.

— У него есть девушка, — ответила я ровно, как на духу. — Он ее со старших классов любит.

Глаза моей собеседницы слегка округлились.

— Да-а?

Я кивнула с непрошибаемой уверенностью.

— Очень любит, — повторила, как контрольный выстрел.

Не то чтобы я была сучкой, готовой охранять брата от всех баб. Просто мне не нравился именно этот тип девушек: фигуристые хищницы в «гуччи» и «босс», сделавшие себя доступнее и дешевле с помощью подкачанных губ и выреза на аккуратных сиськах. Такие готовы сосать любому с пухлым кошельком, балуют наших Михаил Юрьевичей. Будь Женька обычным курьером, разве она стала бы к нему подкатывать?

Терпеть это не могу и не намерена.

— Понятно, — сказала девушка, без лишних слов подхватила свою чашку, развернулась и пошла по направлению к офисной кухне.

— А как вас зовут? — крикнула я ей в спину.

Брюнетка развернулась, чуть отставила длинную ножку в матовых тонких колготках. Теперь выражение ее лица не было столь дружелюбным.

— Анастасия, — сказала она. — Я буду вашим непосредственным начальником.

16 (обновление от 19.07)

Скачано с сайта knigomania.org

Галя

Очень было любопытно, кто же такая эта Анастасия. Не верилось, что она уже назначена начальником отдела, когда Женька русским языком говорил, что начальника выберут из нанятых людей по итогам первых месяцев и с учетом опыта работы. И я сильно сомневалась, что у фигуристой Анастасии опыт в маркетинге был больше моего.

Свой красный диплом я не купила и не насосала, а честно заслужила потом, кровью и бессонными ночами. А затем полгода стажировалась в «Пепсико», после чего перешла из аутсорса к ним в штат. Потом стала главой отдела в немецкой конторе, откуда меня недавно благополучно уволили из-за озабоченного олигарха.

Но я решила не скандалить и дожждаться Женьку. Тот приехал на

работу поздно, в районе обеда, весь цветущий и румяный, как спелые яблоки в саду. Глаза блестят, улыбка сияет, дело кипит и спорится, я даже невольно позавидовала его энергии. Интересно, он всегда такой на работе, или кто-то его дома радует?

Вот будет прикол, если я окажусь права насчет любви и девушки...

Я открыла дверь в его кабинет и постучала костяшками пальцев о косяк.

— Можно?

Женька вскинул голову и заулыбался.

— Привет! Как на новом месте? Все хорошо?

Параллельно он споро запускал какие-то базы в ноутбуке, вводил логины, пароли, явки. Пальцы летали по клавиатуре.

— Да, все отлично.

Я прошла к креслу и села в него, закинув ногу на ногу. Осмотрела идеальный беспорядок на Женькином столе: договора, сертификаты, счета-фактуры, множество маленьких записочек, раскиданных цветастым конфетти.

Так не похоже на стол Пашки. У Паши минимализм, все разложено по местам, бумаги в ящиках, ручки — в стакане. И кто бы мог подумать, что именно Паша, мой спокойный, похожий на скалу Паша, окажется внезапным папой?

Галина, присаживайтесь.

Я будто снова услышала его голос.

— Точно все отлично?

Вздвигнув, я посмотрела на Женьку, который с подозрением щурил на меня глаза. И все равно выглядел довольным котом, который сожрал всю сметану в доме.

— Я хотела узнать насчет главы отдела... — сказала я. — Его уже назначили?

— Пока нет. — Женька улыбнулся еще шире. — И у тебя есть все шансы занять это место, между прочим. Генеральный заинтересовался твоим резюме.

Я медленно кивнула. Теперь ситуация стала понятнее. Мадам

Анастасия просто хочет сесть мне на шею, пользуясь тем, что я пока мало ориентируюсь в компании. Очень наглая особа, учитывая, что она знает, кто я. Я снова посмотрела на довольного Женьку. Кем же эта Настя ему приходится, если она даже не боится обидеть его кузину? Может, это она радует его по ночам? Если так, то Женя — полный идиот.

Вернувшись на место, я оглядела кабинет уже новым, хозяйским взглядом. Восемь столов, восемь потенциальных мест и работников. Хорошее число для старта. Потом, конечно, придется нанять еще персонал...

Телефон тренькнул. Прилетело сообщение в «ватсап» от неизвестного номера. Внутри было лишь вложение — фотография застеленной двуспальной кровати в небольшой, но уютной комнате с деревянными полами. Раньше в этой самой комнате стояла другая кровать, под ножки которой мы вечно подсовывали всякие бумажки — ушатали ее так, что та качалась от малейшего движения. Пашка все забывал ее починить, купить новую тоже руки не доходили, и мы так и жили на даче года два, с бумажками и газетками. Один раз газетку даже съели мыши, а потом сыто шуршали под обоями по ночам. Я все шутила, что мы так и состаримся на этой шатающейся скрипучей развалюхе.

А теперь в комнате красовалась новая кровать с металлическим каркасом белого цвета.

Что это? С новой кроватью в новую жизнь? Или он просто хочет поговорить и ищет повод?

Подумав, я написала: «Теперь тебе будет удобно спать». Заблокировала телефон, открыла почту на ноутбуке, а сама то и дело косилась на экран «айфона». Тот оставался темным.

Анастасию я услышала задолго до того, как она вошла в комнату. Снова в платье-бандаже, какая неожиданность. И плевать на деловой этикет, по которому такая одежда в офисе — это полная безвкусица и бессмыслица. Конечно, если ты не собираешься вечером на корпоратив.

Но у Насти, похоже, корпоративы были каждый день. Она вошла в комнату, картинно остановилась у входа и обозрела пустые столы. Затем ее взгляд замер на мне.

— Галь, у меня есть для тебя задание, — деловым тоном сообщила

она. Я выпрямилась с вежливым интересом. Было даже любопытно, как далеко она зайдет в своей игре в босса.

— Как ты знаешь, нам надо разработать новый сайт и презентацию промо-кампании. Я выслала тебе письмо, написала там все, что нужно сделать. Результат мне нужен во вторник. Успеешь?

Дала мне время до вторника, как мило.

Я неспешно поправила воротник пиджака. Качнула острым мысом черной «лодочки».

— Так ты поняла, что надо сделать? — с легким нетерпением переспросила Настя.

Теперь я тоже чувствовала себя кошкой, обожравшейся сметаны.

— Насколько я знаю, разработка сайта и промо в интернете — это твоя задача, — протянула я. — Моя задача — это разработка стратегии продвижения в печатных изданиях.

— Ты что думаешь, я прикалываюсь? — Она повысила тон и даже вскинула идеальную бровь. — Это распоряжение генерального, надо сделать.

— Вот ты и делай. Иначе за что тебе платят?

Настя побледнела. Казалось, ей в ее бандаже вдруг стало тяжело дышать.

— Я пожалуйу генеральному! — бросила она и вылетела из кабинета.

Улыбнувшись, я вернулась к работе. Пожалуется она, ну конечно. Пускай, я на это посмотрю.

Покосившись на телефон, я не выдержала и глянула в чат.

«Без тебя на ней спать не буду», — прилетело мне в ответ.

Я закусила губу, боясь, что сейчас расплачусь. Он все-таки хочет поговорить! Даже после того, как я его послала, святой человек! Как я хотела его увидеть... Как я соскучилась, невозможно, до дрожи в коленях...

Чат обновился, пополнившись новым сообщением от Паши.

«Давай встретимся».

Девочки, романов я планирую много (столько планов, столько планов, скоро треснет голова). Так что если вам интересен «Нам нельзя», нажимайте кнопочку «Отслеживать автора», и вам обязательно прилетят новости о моих новых книгах, когда те появятся :)

Всем котика!

17 (обновление от 21.07)

Лина

Валерий Алексеевич, учитель биологии, был мечтой всех старшеклассниц нашей школы. Стройный, темноволосый, с волевым подбородком и искрой в глазах — дивный мужчина.

И этот свой взгляд с искрой он частенько обращал на меня. Взаимностью я ему не отвечала (табу на служебные романы, помните?), избегала непрошенных объятий, которыми он так и норовил меня наградить. Но общаться я с ним общалась: собеседником Валера был интересным, хоть и нагловатым, он много путешествовал и повидал. Да и в школе больше не с кем было обедать, остальные преподаватели были прилично старше меня и звать в свой междусобойчик не спешили. А Валера развлекал меня, как мог. Старался.

Сегодня, например, он мне рассказывал про мадагаскарских тараканов. Я слушала, пытаюсь абстрагироваться от тараканов и сосредоточиться на еде, но выходило плохо. Когда на зубах хрустело, на ум невольно приходили хитиновые крылышки и лапки. Хотя перебить аппетит Валере все равно не удалось.

— ...И вот, я смотрю на ногу, а он сидит на моем ботинке. Хочу стряхнуть, а он ни туда, ни сюда. У них на лапах такие крючочки...

Я снова кивнула, старательно не думая о крючочках и лапках. Сунула в рот еще вилку жирного плова (к черту диету, последнее время меня мучил дикий голод), посмотрела на часы.

Валера что-то у меня спросил и теперь смотрел выжидающе. Смутившись, я проглотила плов.

— Что?

— Пошли в кино. Вышел «Призрак в доспехах», обязательно надо посмотреть.

Ой как неловко. Теперь мне придется его отшить — как-то, чтобы он не обиделся.

— На этой неделе я даже не знаю, у меня столько дел последнее время... — промямлила я. И очень зря, потому что Валера ухватился за возможность.

— А на следующей неделе как?

Я слабо улыбнулась.

— На следующей тоже никак, извини.

— Чем-то занята? — по-детски непринужденно поинтересовался Валера.

Я была всецело занята Женькой, но, черт возьми, никак и никому не могла об этом сказать. Хорошо, меня спас подошедший к нашему столу директор. Я пригласила ее к нам присоединиться и забыла про вопрос Валеры, как страшный сон.

Но сегодня был Валерин день: после того, как летняя продленка подошла к концу и детей забрали родители, я натолкнулась на Валеру в холле. Он очень внимательно изучал объявления на доске у выхода, как будто видел их впервые. Заметив меня, он взбодрился.

— Домой? Я тоже только закончил.

Похоже, вознамерился пойти со мной до дома. Не сказать, чтобы я была этому рада...

Вяло улыбнувшись в ответ, я вышла на крыльцо. Навалилась духота и жара, захотелось расстегнуть блузку.

А у основания лестницы меня ждал Женька.

Одет он был по-рабочему, в черном костюме, который сидел на нем как влитой. Аккуратная белая рубашка, дорогие часы на левой руке, начищенные ботинки. Таким собранным я видела его впервые.

Настоящая голливудская звезда, которая случайно очутилась на нашем школьном дворе. Девочки из старших классов сворачивали шеи в его сторону, о чем-то шушукались и хихикали. Женька их упорно не замечал.

Он видел лишь меня. И Валеру, который увязался за мной, как

слепень.

А мне еще сильнее захотелось расстегнуть блузку.

— Привет! — сказала я радостно и остановилась в шаге от Женьки, не решаясь поцеловать его при всех. Валера тоже подошел, словно не видел моего брата в упор.

— Ты сейчас куда? — спросил снова. Я чуть не взвыла. Валера, конечно, не отличался тактичностью, но видеть парня, который ко мне пришел, и продолжать клеиться — это что-то.

— Домой, — пробасил Женька, отбрасывая на невысокого Валеру тень. Валера дернулся, будто только его заметил, нахохлился, как драчливый воробей.

— А вы кто? — поинтересовался с вызовом.

Взгляд Женьки был убийственно холоден.

— Муж, — отрезал он таким тоном, что продолжать разговор не захотелось никому.

Валера слегка поблек и стушевался.

— Прощу прощения. Не знал, что Элина Николавна замужем...

— Теперь знаешь, — рыкнул Женька, без лишних слов ухватил меня за руку и повел со школьного двора. Я спешила рядом, раздираемая противоречивыми чувствами. С одной стороны мне было страшно — вот так, в открытую, и вдруг муж! А с другой, не буду скрывать, мне было восхитительно приятно.

Моя детская мечта.

— Это что за дрищ? — спросил Женя, когда мы подошли к пешеходному переходу. Он был зол, но эта его злость меня почему-то тоже радовала. Надо же — ревнует! Женька меня ревнует...

— Коллега, учитель биологии, — ответила я, безуспешно пытаюсь скрыть улыбку.

— Решил тебе про пестики-тычинки рассказать?

Светофор все еще горел красным, стоять оставалось двадцать секунд. Улучив момент, я встала на цыпочки и шепнула Женьке на ухо:

— А ты мне нравишься в роли мужа. Мой Отелло.

Он смотрел перед собой, желваки играли на щеках. Улыбки на его

лице не было.

— Ты — единственная, на ком бы я хотел жениться, — сказал он негромко. — Я серьезно, Лина.

Мое сердце сбилось с ритма.

Светофор загорелся зеленым, и мы зашагали дальше, рука об руку.

Восхитительный день клонился к закату.

Оказавшись дома, я тут же скинула надоевшие туфли. В квартире было прохладнее, чем на улице, и я с наслаждением распустила пучок, тряхнув головой и разметав волосы по спине.

Лишь после я заметила, как Женька на меня смотрит. Его глаза стали темными, как два омуты.

— Что? — я смущенно улыбнулась.

— Лина Николавна, — хрипло проговорил он. — Я не сделал домашнее задание.

— Тогда, Соколов, — ответила я и неторопливо расстегнула блузку.

— Придется остаться на дополнительные занятия.

Блузка скользнула по плечам и упала на пол, открыв кружевное боди. Я толкнула Женьку на диван, ухватила шелковый пояс от халата и завязала им Женьке глаза. Увернулась от цепких волосатых лап.

— Ты очень, очень плохой мальчик, Соколов, — сказала ему на ухо, касаясь мочки губами.

— Лина...

— Элина Николаевна, — строго поправила я его.

Женька запрокинул голову, повернулся ко мне, но повязку снимать не стал. Его руки покоились на спинке дивана.

— Элина Николаевна, у меня сейчас от одного твоего голоса яйца лопнут. Иди сюда...

— Только если ты не будешь меня трогать.

— Не знаю, не знаю, смогу ли... — сказал Женька и умолк, когда я коснулась его груди языком. Его дыхание стало глубоким, губы приоткрылись, напрашиваясь на поцелуй. Его запах вьелся в мою

кожу.

Мой любимый. Мой желанный. Мой единственный.

Ты — единственная, на ком бы я хотел жениться.

Эти слова крутились в моей голове заезженной пластинкой. А ведь правда, как было бы здорово нам пожениться! Жить вместе, ни от кого не прятаться. Вдруг это возможно? Интересно, есть ли такие пары?

Если это возможно... Я все бы отдала. Все.

Ночью, когда Женька ровно засопел, я выбралась из-под его тяжелой руки, влезла в майку и босиком пробежала к столу с ноутбуком. Включив его, набрала в «гугле»: «любовь брата и сестры». Немного подумав, добавила слово «двоюродных», щелкнула «энтер» и стала листать форумы.

На одном я нашла много похожих вопросов. Ответы были самыми разными, от воодушевляющих до отвратительных, полных злобы. И мне вдруг так захотелось с кем-нибудь — ну хоть с кем-нибудь! — поделиться... Я ведь даже с Галкой не могла поговорить откровенно. А все время молчать о своих чувствах и страхах — это же умереть можно. Просто лопнуть.

Подумав еще, я зарегистрировалась под ником Abby4355, добавила новую тему. Выдохнув, обернулась на спящего Женьку, и стала писать нашу историю.

18 (обновление от 24.07)

Друзья Жени ждали нас на шестидесятом этаже одной из башен Москва-сити. Где-то здесь работала Галка, это я знала, но и представить не могла, какого размаха этот комплекс. Со стороны он казался аккуратнее, но внутри, на бесконечной подземной парковке и в каменных холлах, у меня началась настоящая агорафобия. Такое все было огромным. Казалось, что мне здесь не место. Что сейчас ко мне подойдет консьерж — вон тот, в дорогом черном костюме — и выведет на улицу.

Но никто меня не вывел. Мы поднялись на нужный этаж, Женька позвонил в дверь и прислонился плечом к стене. Хорошо ему, он чувствовал себя в этом, как рыба в воде.

Нам открыл симпатичный блондин с нежными карими глазами. Умудрялся выглядеть ультрамодно даже в домашних трениках, небрежно заправленной футболке и сланцах. С чувством пожав Жене руку и поздоровавшись со мной, он пригласил нас внутрь.

Его квартира напоминала габаритами холл внизу. Огромный зал, переходящий в кухню, дальше виднелись проходы в другие комнаты и, по всей видимости, туалет. Вместо стен — стекла в пол, за которыми раскинулась ночная Москва, под потолком ярко горят лампы. На диване — еще какие-то парень с девушкой, видны лишь затылки и длинные ноги.

Блондин откатил гигантское зеркало, открыв встроенный за ним шкаф, помог мне снять куртку и повесил ее на плечики.

— Это Андрей, мой братюня, — представил его Женя. — Друган с какого там курса?..

— С первого, — ослепительно улыбнулся Андрей. — Весь Лондон на уши поставили.

Женька закивал, заухмылялся.

— А это Элина. Моя девушка.

Я замерла, как вкопанная.

Он с ума сошел? Опасно, опасно, как же опасно! Его друзья могут проговориться тете с дядей и...

Я глупо улыбнулась, чувствуя, как горят щеки, и протянула руку Андрею.

— Лиана, очень приятно.

— А уж мне-то как приятно. Женька редко приводит к нам девушек. Элина... — Андрей задумался. — У тебя вроде так сестру зовут, да?

— Да, мы с ней тезки, — поспешила ответить я и смущенно улыбнулась. Женька нахмурился, но промолчал.

— Это Леня, — он указал на татуированного модника с аккуратно постриженной бородой, выбритыми висками и тоннелями в ушах. Леня молча кивнул и снова уткнулся в телефон.

— А это Настя, мы с ней тоже учились в Лондоне.

Ко мне подошла настоящая модель: ноги от ушей, красивая фигура,

идеальное лицо и густые волосы цвета темного шоколада. У меня даже дыхание перехватило от смущения. Наверное, рядом с Настей я выглядела полной чушкой.

Интересно, Женя с ней спал? Наверняка спал, кто пройдет мимо такой красотишки?

— Привет, — сказала Настя. Даже голос у нее был томный, зовущий.
— Значит, ты и есть та девушка, о которой говорила Галина.

Галка рассказывала обо мне? Мы с Женей переглянулись, но пока это обсуждать не стали. И Настя как-то странно на меня смотрела. Нашла сходство с Галей? Или имеет виды на Женьку? Хотя, может, она накурилась — в пальцах Насти и Лени дымились самокрутки, источавшие сладковатый запах.

— Пить будешь? — живо сменил тему Андрей. Как истинный заботливый хозяин, он ухватил меня под руку и повел в кухонную зону. Размером она была с мою квартиру. В центре — кухонный островок, заставленный фруктами, чипсами и бутылками всех видов. Андрей стал перебирать бутылки и смотреть на этикетки.

— Есть вино, есть текила. Что будешь?

Я замялась.

— Вино. Красное, если можно.

— Можно, почему же нельзя? — ухмыльнувшись, Андрей откупорил бутылку, наполнил вином бокал и дал его мне. — Угощайся фруктами.

— Спасибо, — смущенно проговорила я и сделала маленький глоток. Вино было восхитительным, совсем не кислым.

Женька налил себе сока — он был за рулем, — и с размаха плюхнулся на диван. Я села рядом. Женя завел с Андреем долгий разговор об акциях и компании, которую, как я поняла, они открыли вдвоем. Сидящий напротив нас Леня сперва засыпал, заразительно зевая, а затем деловито высыпал из пакетика какой-то белый порошок и кредиткой выровнял его в линию. Попутно поджег еще одну самокрутку.

— Будешь? — заметив мой взгляд, он пьяно рассмеялся и сделал три дорожки. Богатенький мальчик, сразу видно — привык ни в чем себе не отказывать. Что это для него естественно.

— А, может, ты хочешь этого? — он протянул мне дымящийся косяк.

— Давай, курни.

— Нет, спасибо.

— Ну что ты, — влезла длинноногая Настя. Все время до этого она внимательно слушала и щурилась, как кошка. — Давай!

— Настя, она не хочет, — отрезал Женька.

— Тогда ты, — ослепительно улыбнулась она и протянула ему свой косяк со следами помады. Мотнув головой, Женька отстранился.

— Не надо.

Рассмеявшись, словно Женя сказал что-то невероятно смешное, Настя села рядом с ним на подлокотник дивана и коротко прижалась к его плечу.

Терпеть больше не было сил, и я вышла в зону кухни. Хотелось подышать воздухом. В горле стало солоно, слезы подкатили. Я не вписалась в их компанию. Чувствовала себя ботаником на тусовке популярных учеников класса.

Город под окнами гудел, перемигивался ночными огнями. Какой-то чужой и нереальный. Холодный. Вся эта гламурная жизнь казалась мне чужой и холодной, искусственной. А Женька является частью этого. Если я его люблю, я должна принять его образ жизни и друзей...

Должна ли? Или, может, это со мной что-то не так? Любая на моем месте пиццала бы от радости.

— Эй, все в порядке?

Голос Женьки раздался над ухом. Он обнял меня и положил подбородок мне на затылок.

— Все хорошо, — соврала я. Естественно, Женька мне не поверил.

— Поехали отсюда, — сказал он. — Я на твой комп фильм скачал, можем посмотреть.

— А твои друзья?..

Он заглянул в мои глаза.

— Они поймут. И все нужные вопросы мы с Андреем уже обсудили.

Вот так мы и сбежали из бетонно-стеклянного царства. С плеч будто

груз свалился. Пускай моя квартирка маленькая и обшарпанная, но я чувствую себя в ней комфортно и уверенно, а это дорогого стоит.

Может, потом я привыкну к Андрею, к Лене и даже к (бррр!) Насте. Может, когда-нибудь это случится, но не так скоро, как хочется Жене.

Я приготовила домашнюю пиццу (как всегда слепила из того, что было в холодильнике — лаваш, помидоры, колбаса, кетчуп, шампиньоны, тертый сыр, и все это в духовку), мы с аппетитом ее умяли под очередную комедию, которые так любил Женька. Я сама предпочитаю детективы, всякие сериалы про полицейских и расследования в больших городах, но и комедии меня не напрягали. В одно ухо залетали, из другого вылетали.

— Хочешь, помою посуду? — предложил Женька, когда по экрану побежали титры. Я поцеловала его в знак согласия, а сама села с ноутбуком — так, чтобы Жене не был виден экран — и открыла форум.

Ответов на мой вопрос за сутки скопилось уйма. И при взгляде на первые из них я оцепенела.

«Мутантов рожать собрались, уроды!»

«Извращенцы!»

«В браках двоюродных братьев и сестер чаще отмечаются аутосомные рецессивные болезни. При этом оба родителя являются носителями наследственной предрасположенности, а сами они этим расстройством не страдают. Если дефект переходит к ребенку как от отца, так и от матери, он получит двойную "порцию" и заболевает. У детей таких родителей вероятность развития заболевания составляет 25%».

«Я знаю дочь двоюродных брата и сестры - она психически нездорова, то ли болезнь Дауна, то ли что-то похожее. Насколько понял из-за того, что набор хромосом у близких родственников схож, вероятность уродства или психических отклонений у детей увеличивается в разы, так как при скрещивании нездоровые гены могут совпадать, а нужно, чтобы хотя бы у одного из родителей этот ген работал нормально. Нужна консультация генетика»

«Да, бывало. Всё было как в сказке! а теперь другой появился но это уже далеко не сказка.... У Вас тоже, думаю/надеюсь, это пройдет,

автор ;)»

«Не знаю. Это неправильно. Буду мучиться, но это пройдет, я уверен года через 3-4.»

«Ну, ну, ну.. Инцестик такой пошёл, прям как в анонсах порнороликов!»

«Это просто страшно, поверите. У меня есть такая близкая пара, тоже не смогли себя перебороть. В результате сейчас у них малышка-инвалид, никогда не будет нормальным человеком, даже кушать сама не может. Причина-генетическая, все из-за близкородственного брака. Такого я не пожелаю никому врагу! Даже со стороны смотрит жутко. Поверьте, запрет на близкородственные отношения-не блажь, не глупая выдумка! Вы даже не представляете на что обрекаете ваших потенциальных малышей и себя вместе с ними!»

«Не слушайте ее, берегите свою любовь...А если решите завести детей, то просто сделайте цитогенетический анализ...Я надеюсь у вас всё будет хорошо, ведь так сложно сохранить свою любовь) Я вот до сих пор люблю своего Мишу, а он ушёл от меня лишь потому, что испугался своих родителей...он младше меня, когда-нибудь пожалеет о своём поступке...я очень надеюсь на это)»

«А я полчаса назад узнала что в июне у моего брата свадьба.Так выговориться некому-я сразу сюда. Мы с ним полгода вместе прожили,в одной постели каждую ночь,слова обалденные говорил.А теперь видимо разлюбил.Мы и сейчас живем вместе все в той же квартире,только спим на разных диванах,и иногда обедаем вместе.Нам почти не о чем говорить,мы стали чужими. Я часто вспоминаю эти моменты,он научил меня счастью.А вот он похоже забыл...»*

Я закрыла ноутбук. Меня била крупная дрожь. Вот черт меня дернул написать на том форуме! Конечно, анонимно, но слова, адресованные Abby4355 ранили не меньше.

Столько искалеченных судеб... Двести сообщений, и все пропитаны болью, страхом или ядом. Мне стало жутко.

А ведь и правда, мы не сможем иметь детей. Точнее, сможем, но какие это будут дети? Это же наша ответственность...

— Что случилось?

Я вздрогнула и подняла взгляд на Женьку. Вода все еще текла, но он

стоял и встревоженно смотрел на меня.

— Ничего. Все хорошо.

Женя нахмурился.

— Лина, говори.

— Скажи, ты спал с Настей? — я поинтересовалась тихо.

Женька вздрогнул, изменился в лице. Теперь он смотрел на меня, как на что-то опасное. Будто я вот-вот могла рвануть, как бочка с нитроглицерином.

— Что?

— Ну... Ты встречался с ней?

— А даже если так, какое это имеет значение? — Он пожал плечами и усмехнулся. — Это было давно, еще в Лондоне.

Меня будто оглушили. Ну конечно, что такого? Это же было давно. Это же было в Лондоне.

А теперь она просто проводит время с Женей в одной компании. Присутствует на всех вечеринках. Работает с ним в офисе.

— Ну ты чего?.. — он попытался меня приобнять одной, менее мыльной рукой и поцеловать, но я увернулась. Меня обидел его тон. Как будто я спросила что-то смешное. Он что, не понимает, что мне не нравится его общение с бывшей? Она слишком много себе позволяет. Я там сидела, как... Как пустое место. Как посмешище. Никто из его друзей не воспринял меня всерьез. Бедная девочка не их круга, не любящая траву и кокс.

— Знаешь, сегодня тебе лучше уехать, — сказала я тихо.

— Чт?.. — Женька даже не договорил. Он стоял и потрясенно смотрел на меня. Пена для мытья посуды капала с его рук.

— Я позвоню. А сейчас уезжай, — повторила я настойчиво.

Женька выключил воду, бросил губку в раковину и вылетел в коридор. Донесся стук ботинок, затем хлопнула дверь. Я осталась в тишине.

Не выдержав, я разревелась в голос. Ну вот что за дура! Взяла и устроила скандал на ровном месте! Нет бы подумать головой и не отталкивать Женю... Хотя какой смысл?

Какой вообще смысл в наших отношениях, если мы даже детей завести не можем? Проклятые ответы на форуме совсем выбили меня из колеи.

И никому не выговоришься, не поплачешь.

Я выключила свет и легла спать, но сон не шел. Снаружи жужжали машины, их фары чертили на потолке полосы, ветер задул в форточку запах дыма. Шумел дождь. Я лежала и смотрела в темноту. Оказывается, я уже привыкла спать не одна. К Женькиному большому телу и его руке на моей талии. Теперь было холодно и одиноко. Пусто.

Шел второй час ночи. Я все еще лежала без сна, когда в дверь позвонили. Как есть, в одних трусах и с красным от слез лицом, я прошла к двери, посмотрела в глазок и открыла.

Передо мной стоял Женя. Иглы влажных волос прилипли ко лбу, одежда насквозь мокрая, капли дождя на лице. Он молчал, а взгляд у него был потерянным, отчаявшимся.

Наверное, как у меня самой.

Мы даже не говорили. Перешагнув порог, Женя прижал меня к себе и поцеловал. Я запустила пальцы в его волосы, отвечая с тем же пылом. Не отрываясь друг от друга, мы попятнулись к кровати. Я стянула с него футболку, наощупь расстегнула молнию на штанах.

Женя накрыл меня собою, как щитом. Ласкал меня везде. Целовал каждый сантиметр моего тела, и я растворялась от его жара, растеклась по простыням, вся горела от желания. Он заполнил меня и окружил собой, и это ощущение уносило прочь от реальности, как штормовой вал.

— Я тебя люблю, — прошептала я, обвив его влажную шею руками. Женька на миг замер, затем приподнялся на руках. Навис надо мной, глаза в глаза. Свет с улицы серебрился на его лбу и приоткрытых губах.

— И я тебя, — ответил он хрипло. — Люблю уже давно.

Отзывы из интернета реальны. Сохранена авторская пунктуация и орфография

19. (обновление от 26.07)

Галя

Мохито пузырился в бокале. Пузырьки поднимались со дна, скользили мимо долек лайма и листиков мяты и, шипя, выныривали на поверхность. Я помешала в бокале трубочкой, и напиток зашипел сильнее.

Вот так. Обед — а я уже с мохито. Правда, с безалкогольным, но нервы так сдали, что я пообещала себе выпить вечером.

В кафе почти никого не было, только в углу какой-то мужчина ковырял свой бизнес-ланч. Бармен протирал стойку, официантки-киргизки тихо хихикали у окошка раздачи. А я была вся на нервах. Пришлось стиснуть ножку бокала, чтобы пальцы не дрожали.

И вот, дверь кафе распахнулась, на миг впуслав толику уличного шума, и вошел Паша. При виде его у меня внутри все перевернулось, я не знала, куда себя деть. Паша, похоже, тоже: на его лице застыло напряженное выражение, желваки ходили по гладко выбритым щекам. Брови сошлись над яркими глазами. Но костюм сидел на нем прекрасно, и волосы идеально зачесаны назад, лежали мягкими светлыми волнами. Когда Паша сел напротив, рукава чуть задрались, обнажив жилистые запястья. На одном часу — мой подарок.

Зря я их тогда подарила. Говорят, это к расставанию.

А лицо непроницаемое. Типичное скорпионское.

— Привет, — сказала я, как ни в чем не бывало, словно мы с ним только сегодня утром проснулись в нашей постели.

Типичная водолейская манера.

Паша сдержанно кивнул.

— Привет, — ответил тихо и движением руки подозвал официантку. Та мигом оказалась рядом, ловила каждое Пашино слово. Я всегда поражалась его способности заинтересовывать женщин, казалось, они чувляли исходящие от него волны спокойной мужественности и слетались на него, как мухи на го... на мед.

Заказав кофе, мясо и салат, он сплел пальцы на столе перед собой и окинул меня цепким взглядом.

— Как ты?

Я пожала плечами.

— Хорошо. Устроилась на новую работу.

— Куда?

— К Женьке в компанию. К брату двоюродному.

Паша кивнул, все так же, с непроницаемым лицом.

— А ты? — я прервала неловкое молчание. Паша неопределенно повел плечом.

— Нормально. Живу сейчас у мамы.

— Почему квартиру не снимешь?

Его взгляд, казалось, вот-вот прожжет во мне дыру.

— Не хочу пока.

Надеется, что я прощу его и пущу к себе обратно? От этой мысли во мне почему-то поднялась злость. И радость. Блин, я сама не знала, что чувствую.

— Зря, у вас там тесновато. А найдешь квартиру, и маме станет попроще.

Паша сощурился.

— Да? Ты так думаешь?

— Думаю, да, — я отпила мохито и улыбнулась. Замечательный разговор складывался, ничего не скажешь. Между мной и Пашей можно было заряжать планшет.

Принесли Пашины салат и мясо, и он какое-то время занимался исключительно едой, хирургически точно отрезая ровные куски и неспешно их пережевывая. А я рассказывала ему о новом месте, о дуре-Насте, которая теперь обходила меня стороной. О компаниях, с которыми я теперь контактировала. Спросила о Лизе, как у нее дела. Паша рассказал — коротко и без подробностей, в его стиле.

— Галя, я тебя люблю, — вдруг сказал он с все той же непрошибаемой серьезностью. — Все время о тебе думаю.

Я чуть со стула не упала. И что на это ответить?

Ничего, кроме колкостей, на язык не пришло.

— Так любишь, что пропал на неделю, — процедила я.

Желваки на щеках Паши проступили явнее. Взгляд стал ледяным.

— Я же говорил тебе — я не знал, что мне делать. Я не знал... Как объяснить тебе все это.

— И ты пил, — добавила я.

Помедлив, Паша кивнул.

— Да. Потому что Лена... Та девушка, которая умерла, в свое время очень много для меня значила. Если бы я знал, что с ней такое...

— То что? — с болью воскликнула я. — То что бы сделал? Ушел бы к ней?

— Нет! Я бы сделал все возможное, чтобы Лизе было не так одиноко.

Лиза. Его дочь. Ну да, это справедливо. Я представить не могла, как тяжело и одиноко было маленькому ребенку, вдруг лишившегося единственной опоры — матери.

— Сказал бы мне. Объяснил. Я бы поняла.

Паша аккуратно положил вилку и нож на тарелку. Его пальцы подрагивали, и приборы нервно звякнули о фарфор.

— Да, я был дурак, — сказал он напряженно. — Ты это хочешь услышать? Это — моя ошибка. Я всю жизнь буду о ней жалеть. Но я хочу быть с тобой, только с тобой.

Столько слов от обычно молчаливого Паши.

Он взял меня за руку, и я не нашла в себе сил отстраниться.

— Давай начнем с начала, — предложил он.

20 (обновление от 30.07)

Галя

На глаза наворачивались слезы. Мне так его не хватало! Так хотелось простить, все забыть... Но отчего-то не забывалось. Словно сидел какой-то червь и точил мою уверенность. Особенно сильно он начинал точить, когда я оставалась с Пашей наедине.

— Я... Я хочу подумать, — наконец сказала. — Ты дашь мне время?

Судя по Пашиному лицу, не такого ответа он ждал. Но все же кивнул.

— Конечно. Я буду ждать столько, сколько потребуется.

Вот и отлично. Я кивнула и сжала его пальцы. Не хотела их выпускать. Хотела, чтобы Паша обнял меня сильно-сильно. Чтобы поехал со мной домой, крепко поцеловал и завалил на кровать.

— А... Что ты делаешь сегодня вечером? — спросила я.

Паша немного смутился.

— Вечером мне нужно к Лизе. Я обещал.

Я кивнула. Напрашиваться с ним и знакомиться с девочкой мне казалось пока неуместным. Он сам еще едва ее знает, они пока привыкают друг к другу. И тут я — здравствуйте, я ваша тетя. Точнее, мачеха. Нет, это никуда не годится.

— Тогда заезжай ко мне как-нибудь потом, ладно?

— Обязательно.

Мы мило попрощались. Паша явно раздумывал, поцеловать меня или нет, уже можно или еще нельзя, и я помогла ему с решением — попрощалась первой, махнула рукой и ушла. Побоялась, что не сдержусь и расплачусь, если он это сделает.

Вечером дома не сиделось. Я надела не самое лучшее из своих платьев, влезла в туфли на невысоком каблуке, собрала волосы в хвост. Долго думала, куда хочу пойти, и остановила свой выбор на «Магеллане», нашем с Пашей любимом баре в одном из центральных проулков. Заведение было небольшим — лакированная барная стойка и четыре столика, по одному на каждое окно. Алел ламповый приглушенный свет, тусклые пятна на стенах из грубого кирпича, звучала спокойная музыка без слов, которую было почти не слышно из-за шума людских голосов.

Народу было битком, по два на квадратный метр. Нет, «Магеллан» всегда был популярен, но такое я видела впервые. Еле протиснувшись к барной стойке, я поймала взгляд Коли-бармена и крикнула:

— Текилы!

Коля кивнул, шустро налил текилы, прибавил к бокалу блюдце с лимонными дольками и принял у меня триста рублей. Я сделала большой глоток и в который раз подивилась своей открывшейся любви к мелодраматизму.

Почему я сейчас страдала? Ведь я страдала, люди в хорошем расположении духа не глушат текилу в одиночестве. Значит, меня зацепила встреча с Пашей. Но раз так все плохо и тяжело, почему я не пригласила его переезжать обратно? Почему до сих пор держу на расстоянии, словно боюсь признать, что он мне очень дорог? И плевать я хотела на дочь, потерянный телефон и прочее. Где-то Паша поступил, как мужик, где-то — как полный кретин, что уж говорить.

Но чего-то мне не хватало. Может, того, чтобы он прочувствовал в полной мере все отчаяние, с которым я искала его по больницам и моргам. Всю боль, когда поняла, что он мне не доверяет — а как еще назвать то, что он не поделился со мной новостью, а боялся и пропал? Значит, ожидал, что могу на него сорваться.

А я и правда могу. Чего уж греха таить.

Вот в таких мыслях я и сидела, пока парень, прижатый рядом со мной к барной стойке, что-то мне не сказал.

— Что? — не поняла я.

— Почему такая красивая девушка пьет одна? — прокричал он мне на ухо.

Гос-споди, вот только этого не хватало.

Я с раздражением воззрилась на него. В принципе симпатичный, и даже, может быть, в моем вкусе — правильные мужественные черты лица, брюнет, смугловатая кожа. Совсем не похож на Пашку. Вот только у меня по жизни не срасталось именно с теми, кто в моем вкусе. Либо оказывались кобелями, либо дураками, либо и то, и то в одном флаконе.

А тем вечером я вообще не была настроена на знакомство.

— Нет настроения общаться, — ответила я, перекрикивая музыку и гул посетителей. Однако парня эта моя фраза не отпугнула. Он сощурился и улыбнулся еще шире.

— А если я подниму тебе настроение?

А если ты сейчас заберешь свое пиво и свалишь отсюда?

— Не надо, — вымученно улыбнувшись в ответ, я покачала головой.

— А, может, надо?

— Если можно, я бы хотела побыть одна.

Парень хлебнул еще пива. В его глазах плясали пьяные искры, которые некоторые девушки так любили путать с искренней заинтересованностью.

— Ну слушай, это никуда не годится, — заявил он.

— Что? — снова (и уже глупо) переспросила я.

— Отказываться от хорошей компании, особенно когда тебе плохо.

Подвид «настырный», я поняла. Пришла пора решительных мер.

Залпом допив текилу и закусив лимончиком, я подхватила сумочку и вышла из бара. Проулок плыл в мягкой глухой ночи, безлюдный, вычерченный огнями домов и светом фонарей далеко впереди. Там,

за аркой, шумел проспект. Отличное место, чтобы дожидаться такси и уехать восвояси. Зря я вообще сюда поехала.

Я почти дошла до арки, когда меня ухватили на шиворот и вжали спиной в стену. Я попыталась вырваться, но парень, меня державший, был гораздо сильнее.

— Куда собралась? Мы еще не закончили, — выдохнул он мне в лицо. Тот самый, из бара! Только сейчас я заметила его расширенные зрачки. Такие от пива не бывают. Я похолодела. Плохо дело, либо наркоман, либо псих, одно другого лучше.

— Отпусти, или я закричу, — как можно спокойнее сказала я.

Парень ухмыльнулся. Его рука на моем горле сжалась сильнее.

— Да кричи, кто ж не дает?

Второго приглашения мне не требовалось.

— ПО-МО-...

Он ударил меня по лицу, и я осеклась. Во рту стало солоно от крови. Я ощупала зубы языком — вроде все целы. И держал он теперь меня не за горло, еще плюс. Есть шанс, что вырвусь и убегу.

— Слушай, тебе деньги нужны? — хрипло спросила я.

— О, как мы заговорили! Нет, не деньги. Хотя их я все равно заберу,

— Он приблизил лицо. — Ты мне все отдашь. Все.

Я сжалась. Еще никогда я не чувствовала себя настолько беспомощной. Что делать? Что делать? Еще раз закричу, он снова меня ударит, а после такого я точно бежать не смогу. Упаду в обморок, и кто будет меня спасать? Нужно оставаться в сознании. Дело не в деньгах, а в чем же тогда? Кто этот парень — насильник или маньяк?

Он сдавил меня сильнее, и мне стало тяжело дышать. Я попыталась оглядеться в поисках хоть кого-нибудь, кто может помочь. Заметив мой взгляд, парень ударил снова, на этот раз в живот. Я взвизгнула, едва не потеряв сознание. Он заломил мою руку за спину и подтолкнул к темной щели за мусорными баками.

Я услышала звук удара, и хватка моего похитителя ослабла. Кто-то третий возник во тьме, высокая и крепкая фигура. Этот третий отрывисто замахнулся и ударил приставшего ко мне парня в челюсть.

Тот ударил в ответ, но Паша — а это был Паша, я узнала! — даже не шелохнулся. Плавно ушел от кулака, перехватил его и с хрустом вывернул. Затем пнул под колено, не оставив нападавшему и шанса.

Я никогда не видела, чтобы он дрался, и это зрелище меня поразило. Нет, я знала, что Паша служил в ВДВ, но чтобы умел вот так вот...

— Галя, ты в порядке? — Меня похлопали по щекам. — Галя!

— Д-да, да... — Я вяло отмахнулась, поднялась с асфальта и огляделась. Наркомана-маньяка и след простыл. Остался лишь встревоженный Пашка и его рассеченная бровь. Кровь из нее залила весь глаз, отчего казалось, что его выбили.

Оказалось, он тоже решил посидеть в нашем любимом баре, сразу после встречи с дочерью. Заметив меня и того парня, рассказал он, смущаясь, он решил посмотреть, вместе мы или нет. Что я буду делать. Отвлечшись, он не заметил, как мы вышли, а когда выскочил на улицу следом, то на глаза сразу упала кровавая пелена.

— Убил бы урод, но ты застонала. Отвлекся, — коротко пояснил он, сажая меня в машину. Его лицо было как всегда непроницаемым, а потеки крови придавали сходство с каким-то древним человеком. Суровая красота, вытесанная из гранита.

Сперва он потащил меня в больницу, хоть я и не хотела. Там меня осмотрели (ничего серьезного, просто разбита губа), описали побои (при этом поглядывая на Пашу и шушукаясь за дверью) и отпустили нас на все четыре стороны, все еще посматривая на Пашу. Я даже испугалась, как бы его не обвинили в причинении вреда здоровью.

Потом мы написали заявление в милицию, где я увидела знакомые постные лица со знакомым выражением «да где мы его будем искать не тратьте наше время». Затем Паша посадил меня в машину, и мы поехали в сторону моего дома.

А я свернулась калачиком на пассажирском сидении и думала о том, что бы произошло, не пояись Паша вовремя. На один бесконечный миг я подумала, что мне конец. Такой жалкий и бесславный конец. Что останется после меня? Напишут на памятнике: «Здесь лежит Галина, неплохой маркетолог и просто красивая баба». Хотя красивых баб в России много, одной меньше, одной больше...

Я и не заметила, как мы припарковались у нашего (у моего, поправила я себя тихонько) подъезда. Я зашла в квартиру и

обернулась, желая попрощаться, но Паша коротко качнул головой.
— Никуда я сегодня не поеду.

У меня даже не было сил спорить, потому я посторонилась, пустив его в квартиру. Он разулся, прошел в ванную привычно зажурчала вода — Паша мыл руки. Он делал это каждый раз, как возвращался домой, — привычка, доставшаяся по наследству от его семейства, в котором все были медиками. Я вошла следом и осмотрела его бровь. Ничего серьезного, конечно, но обработать стоило. Что я и сделала. Паша стоически перетерпел тампон с водкой, других антисептиков у меня не нашлось.

Приготовив ужин из того, что было в холодильнике, он так же молча накормил меня и уложил спать. Сам исчез где-то в гостиной.

Я провела рукой по прохладным простыням. Он что, решил спать на диване? Нет, это никуда не годилось. Поднявшись, я в одной ночнушке прошлепала в большую комнату. Как я и думала, одетый Паша лежал на диване, положив ноги на подлокотник — целиком он не уместился. Заметив меня, он замер. Ничего не говорил.

— Пойдем спать, — сказала я и мягко потянула его за руку.

21 (обновление от 31.07)

Скачано с сайта knigomania.org

Галя

Мне кажется, что эта ночь была нашей первой брачной. Именно эта, а не ночь после свадьбы, которая случилась двумя неделями позже. После свадьбы мы мгновенно уснули, измотанные празднеством, тостами, выпитым и всеобщим вниманием. Было не до секса, хотелось лишь выпутаться из платья и снять тесные туфли.

Заняться любовью после разлуки было сродни игре на любимом инструменте: сперва настраиваешься, пальцы вспоминают забытые движения, а затем получается дивная мелодия. Я заново училась целовать Пашу, ласкать его крепкое, будто литое из стали тело. Выгибалась от ласковых прикосновений, немного стесняясь животика, который успела наесть за время одиночества. Было немного не по себе и в то же время волшебно, как полет.

Я будто вернулась домой.

Потом Паша заключил меня в кольцо своих рук, и я уснула на его плече, слушая мерное дыхание. Вдох — долгий выдох. Снова вдох. Выдох...

Проснулась я раньше будильника. Тихонько, стараясь не разбудить, вывернулась из Пашиных объятий и босиком, на цыпочках пробежалась на кухню. Сварила кофе на двоих, разлила по чашкам, оставила стынуть, а сама залезла в душ. Тело приятно ныло, прохладная вода охладила кожу, смыла с меня ночные поцелуи. Шампунь попал в глаза, и я зажмурилась, сунулась под струю воды, смывая его с лица.

Дверь душевой сдвинулась, впустив струю холодного воздуха, затем закрылась, и на мокром, выложенном плиткой пяточке стало теснее.

Паша обнял меня сзади, обхватил ладонями груди и чуть сжал соски. Я прижалась к нему всем телом, потерлась попой о возбужденный член, и сама горела от желания. Чуть склонилась, опершись руками на стенку. Паша взял меня за талию и вошел. Несколько сильных, страстных толчков — и мы оба содрогнулись в оргазме.

— Быстро мы... — выдохнула я и повернулась к Паше лицом. Пряди мокрых волос налипли ему на лоб, глаза блестели холодным голубым. На груди и руках белели шрамы. Я обвела пальцем один из них; он был длинным, сантиметров восемь длиной. Двумя пальцами ниже — и не было бы печени. Паша говорил, что получил его во время службы, выпытать из него больше не представлялось возможным. Теперь при взгляде на шрамы вспоминались быстрые точные удары, которыми Паша награждал того парня. У маньяка из клуба просто не было шансов. Теперь Паша казался мне крепко закрытой раковиной, полной секретов.

— И все-таки, как ты их получил? — мой палец вычертил на его груди влажную дорожку.

Он поморщился, качнул головой.

— Ерунда.

— Большая ерунда, — протянула я.

— Это дело прошлое. Не хочу ворошить...

— Мы говорили о доверии, — напомнила я, и Паша сдался.

— Приятель по службе нажрался на ВДНХ и полез к девчонке. Прибежал ее парень, завязалась драка, и этот мой приятель вытащил нож. Я хотел его оттащить, а в итоге сам получил. — Паша тихо улыбнулся. — Все очень банально, видишь?

Я затаила дыхание.

— А остальные?

Он неопределенно повел плечом.

— Пара стычек было, ничего особенного. Не геройские шрамы. Больше по неосторожности.

— А по мне так очень геройские. — Я прижалась щекой к его груди. — Ты меня спас, и не смей отрицать.

Паша едва слышно выдохнул — улыбнулся, поняла я.

— А что со свадьбой, — спросил он уже на кухне, попивая приготовленный мною кофе.

Я в этот момент намазывала масло на горячий тост и едва не выронила нож.

— Действительно, что теперь со свадьбой? — отозвалась эхом.

— Надо нанять человека, чтобы он по-быстрому все организовал. До двадцатого успеет.

Я удивленно посмотрела на Пашу, а тот невозмутимо попивал кофе. Только глаза хитро блестели. весело ему значит, ага.

— Хорошо, — быстро согласилась я. — Только организатора ищешь ты.

— Без проблем, — ответил он. Потянулся ко мне, ухватил за руку и притянул к себе. — Женушка моя. А еще я поливал твои фиалки.

Я тихо рассмеялась, представив Пашу с лейкой, поливающего мою маленькую клумбу под окном его дома в Дубне.

Оказывается, вот оно — тихое семейное счастье.

22 (обновление от 7.08)

Лина

Что мне надеть?!

Мне нечего надеть!

С этой панической мыслью я бегала по магазинам уже два дня. Галка сказала, что на свадьбе все приглашенные мужчины будут в темно-синем, а дамы в голубом, и голубой мне, в принципе, идет, но... Но ни одного более-менее красивого голубого платья в магазинах не было. Все какие-то самовары с бантами, или тюль, украшенный нитью люрекса, или еще что похуже. Платье-бандаж, например.

На свадьбе все это будет неуместным.

А еще мы с Женькой не можем появиться вместе. То есть, приехать вместе мы, конечно, можем, но не как пара. Сидеть поодаль друг от друга и не танцевать. А то нас раскусят. Будет слишком все заметно. Химия между нами будет чувствоваться в радиусе километров двух.

А если мы сядем порознь, к нему будут клеиться.

И я ничего не смогу с этим сделать.

Вот с такими мрачными мыслями я таскалась по душной Москве, исследовала магазины с вечерними платьями и была готова расплакаться от однообразия ассортимента, как раздался звонок.

«Привет, что делаешь?» — Галя, голос веселый и такой заразительно довольный, что все мое недовольство поутихло.

— Стою в... — Я посмотрела на вывеску. — «Мадам Шико», ищу платье. Галя, ничего, если вместо меня на свадьбу придет тюлевое нечто?

Галка рассмеялась. На фоне звонко прокричал детский голос, ему ответил мужской бас.

— Ты где? — спросила я.

«Мы с пашей и Лизой гуляем в Коломенском. Хочешь к нам?»

Предложение было заманчивым, но свадьба намечалась через два дня, а больше выходных до празднования у меня не намечалось. Сегодня или никогда.

— Я бы с радостью, но надо платье найти. Завтра-послезавтра я на работе, плюс вторая смена и родительское собрание. Ничего не успею.

«Приезжай ко мне, — заявила Галя. — Часа через полтора. У меня есть для тебя презент».

Я согласилась. А что еще мне было делать? От магазинов я все равно устала. Если что — пойду в тюле, решила мрачно. А Женя будет потом заталкивать меня в машину и распутывать дома. Вот он посмеется...

Но Галкин сюрприз меня потряс.

Во-первых, она познакомила меня с Лизой. Та оказалась тихой девочкой лет четырех, со светлыми кудряшками, совершенно умильными длинными ресницами и яркими, совсем как у папы, глазами. Пашина дочь, сразу видно. Она обнимала свежескупленного медведя с заплаткой на пузе и блаженно улыбалась. Много ли надо для детского счастья?

Мутантов рожать собрались, уроды!

Я вздрогнула от этого воспоминания. Слова форумчан въелись в мою память и всплывали каждый раз, когда я видела семейные пары с детьми. Каждый раз в голове стучало: а сможем ли мы так?

А выдержим ли, если у нас родится неполноценный малыш?

Стоит ли продолжать и привыкать друг к другу, если будущее под вопросом?

Едва я сняла обувь в Галкиной прихожей, как она потащила меня в спальню. Прикрыла дверь, усадила на кровать и распахнула шкаф. Оттуда она вытащила потрясающее платье небесно-голубого цвета. Из шелка, на тонких лямках, оно струилось до самого пола.

— Ух ты, — выдохнула я.

— Оно твое, — сияя, сказала Галка. — Когда я сказала всем про голубой, я знала, что вот это платье тебе подойдет. Все просто упадут. — Она протянула небесный шелк мне. — Давай, примерь!

Галка встала у двери, чтобы никто не зашел, а я неуклюже выбралась из своих шорт и майки. Платье село, как влитое. Благодаря скользкой подкладке, оно нигде не сборило, плавно обтекало тело, выгодно подчеркивало острые плечи. Вырез сзади открывал спину. И мои глаза вдруг стали яркими, как два драгоценных камня.

— Ух ты, — повторила я, глядя на себя в зеркало. Галка довольно кивнула, скрутила мои волосы в жгут и зацепила их на затылке

заколкой, открыв шею.

— У тебя красивая шея, не прячь ее.

— А твое платье? — вспомнив, я обернулась и ухватила Галку за руки. — Покажи!

И мы, хихикая, как девчонки, принялись распаковывать свадебный наряд.

— Вы там скоро? — донесся зычный Пашин голос из коридора. — Ужин стынет.

— Да, Пашуль, еще немного, — отозвалась Галка, распуская ленты корсета. Я огляделась. Теперь стало заметно, что Паша вернулся. На тумбочке у дальнего края кровати лежали его вещи: книга о менеджменте, клубок спутанных проводов для зарядки, почему-то отвертка. На полу, у ножки кровати, чернел одинокий носок, и я невольно улыбнулась, вспомнив, как Женя утром искал свои носки.

Нашли мы их на кухне, под стулом. Как они туда попали? До сих пор загадка.

Свадебное платье сидело на Гале потрясающе. Подчеркивало тонкую талию и высокую грудь. Кремово-белый оттенял ее бархатную кожу и волосы цвета темного кофе. Юбка атласно поблескивала и лежала аккуратными складками. Никаких бантов и тюля, никаких страз, только дорогая ткань и качественная работа.

— Красота! — я захлопала в ладоши, и Галка просияла.

— Правда, круто? — переспросила, напрашиваясь на дальнейшие комплименты. И я не поскупилась, стала описывать красоту в красках, пока Галя тоже не захлопала в ладоши.

— Даже не верится, Лин, что это происходит! — прошептала она, сев на кровать. — Я думала, что все. Что больше никогда его не увижу.

— А я была уверена, что вы помиритесь, — заявила я. — Он очень тебя любит.

Галка покивала.

— Наверное, если бы мы с ним не помирились, я бы так и осталась одна, Лин. Он — тот, кто мне нужен. Тот, кто меня понимает и любит, я чувствую это. Других таких не будет.

Я ее понимала. То же самое я испытывала по отношению к Женьке.

Он — моя половина.

Я снова провалилась в отчаяние. К горлу подступил горький ком, и я отвернулась к окну. Уставилась на лепнину соседнего дома за окном.

Почему именно Женя?

Почему именно брат?

Это несправедливо, это просто нечестно. Если я его потеряю, то вместе с ним потеряю радость жизни.

А если потеряю потом, из-за ребенка, то просто умру.

— Лин... — Галя тронула мое плечо, и я торопливо проморгалась, пряча слезы. — Ты чего?

— Ничего. Я... Я просто так за тебя рада, — сдавленно проговорила я. Но, натолкнувшись на ее взгляд, разревелась, уткнувшись носом прямо в вырез свадебного платья.

23 (обновление от 22.08)

Лина

Собиралась на свадьбу вся на нервах, как будто это я, а не Галка, выхожу замуж.

Три раза помылась, два раза меняла укладку — красивый пучок, так легко получившийся у Гали, у меня никак не выходил. Пальцы не слушались, какие-то прядки вылезали, все рассыпалось, торчала шпилька... С макияжем тоже была проблема: то стрелка выгнется на веке не там, где надо, и я стою, подтираю ватной палочкой, то тени не так лягут. А с тональным кремом мое лицо вообще стало похоже на маску. Давно я им не пользовалась и только сейчас поняла, что оттенок вообще не для моей кожи.

В итоге, умывалась я тоже раза три. В последний раз забрызгала водой платье и сушила его феном.

Настоящая катастрофа.

Когда Женька за мной заехал, я уже была измотана до предела и никуда ехать не хотела.

«Я поднимусь», — сказал он по домофону и поднялся, несмотря на

мои протесты. Когда я открыла дверь, Женя глупо заулыбался, отчего меня бросило в краску.

Я что-то не так сделала?

Может, глупо выгляжу в этом платье в пол... Или прическа не та?

— Слишком претенциозно, да? — Я смущенно поправила выбившуюся прядь. — Как на выпускной собралась.

Женька придвинулся ко мне. Одной рукой притянул к себе, другой провел по моему влажному от жары бедру в разрезе юбки. Его губы накрыли мои, и вся моя неуверенность куда-то улетучилась. Ему нравилось! Действительно нравилось, как я выгляжу!

— Осторожнее, помнешь, — рассмеялась я, морщась от его колючих поцелуев.

— Помнем — погладим, — промурчал Женька мне на ухо и потащил меня к кровати.

Его любовь наполняла меня жизнью. Его желание наполняло меня уверенностью. Нежные прикосновения пробуждали дрожь, и что-то сладко распускалось в низу живота...

В общем, на свадьбу мы немного опоздали. Моя прическа была не такой аккуратной, макияж чуть смазался, но мне было настолько все равно и так хорошо, что все наоборот отмечали мой цветущий вид.

Мама, стоявшая у входа в ЗАГС, смерила меня и Женьку строгим взглядом.

— Где вас носит? Все уже готовы, Галя с Пашей ждут наверху.

— Ну и начали бы без нас, — с наглым видом заявил Женя, за что мама одарила его особенно холодным взглядом. Будто кубики льда насыпала за шиворот.

— Галя была против. Идите уже наверх.

Мы быстренько поднялись по широкой мраморной лестнице, мимо разодетых невест и растерянных женихов. Галка меня расцеловала, зазвучала торжественная музыка, и все пошли в зал бракосочетаний. Все казалось нереальным, красивая сказка, о которой с детства мечтает каждая девочка. А когда прозвучало «жених целует невесту» и Паша прижался к Галиным губам, я вовсе чуть не расплакалась.

Я тоже так хотела. ЗАГС с пошловатой лепниной на стенах, кучу

приглашенных, которые галдели вокруг, белое платье. Женьку, который будет целовать меня у всех на виду. Назовет своей и оденет кольцо на палец.

Вот только это все не для нас. Не будет у нас ни платья, ни колец, ни голубей, которые с хлопаньем крыльев разлетаются над конфетти и монетками.

Забывшись, я взяла Женьку под руку и прижалась виском к его плечу. Он опустил взгляд и накрыл мою ладонь своей. Так мы и стояли, незаметные в толпе собравшихся, сокрытые спинами в черных пиджаках и блестящих платьях. Тянулись минуты.

В тот день мы больше не касались друг друга.

Банкет заказали в плавучем ресторане на берегу Москва-реки, с видом на парк Горького. Владельцы просто переделали старый прогулочный корабль, повесили яркую вывеску и устраивали на борту всякие мероприятия. В небольшом зале на верхней палубе нас ждали накрытые столы, а в центре, устланный красным ковролином, был танцпол, на который выкатились все приглашенные сразу после бесконечных тостов за здоровье молодых.

Я танцевать не шла. Во-первых, натерла новыми туфлями пятки и теперь тихонько сидела за столом, сняв туфли. А во-вторых, я искала взглядом Женьку, которого усадили в другом конце зала, а после отделили от меня толпой танцующих.

Но Женька нашел меня сам.

— Давай потанцуем, — он протянул руку, но я мотнула головой.

— Не надо, Жень. Не здесь.

— Да ладно тебе, что такого?..

— Нет! — сама того не желая, я повысила голос.

Женькино лицо потемнело, но руку он все же убрал. Одернув штаны, он сел рядом и тоже уставился на танцующих в лучах софитов.

— Тогда просто рядом посидим. Это-то можно?

Я кивнула, хотя даже сидеть бок о бок было дискомфортно. Все время казалось, что на нас смотрят. Что все всё знают и вот-вот станут показывать на нас пальцами.

Извращенцы! Извращенцы!

Музыка накатывала волнами, голосила Верка Сердючка, под которую лихо отплясывала бабуля. Дядя Саша беспомощно крутился вокруг нее, пытаясь изобразить что-то в такт, но танцевать с бабушкой в такт по умолчанию не мог никто. Этот вихрь энергии был неукротим. Мама и тетя Люда стояли с Галкой и что-то обсуждали. Заметив мой взгляд, Галка улыбнулась и махнула рукой: подойди, мол. Я влезла в адовы туфли и поковыляла к ней. Еле удерживалась от желания опереться на Женьку.

— Ну как? — спросила Галя, покрасневшись от духоты в зале. Ответ она, разумеется, знала сама.

— Все прекрасно, — улыбнулась я и в который раз ее обняла. — Ты — красotka! — крикнула ей на ухо.

— Ты тоже, — расхохоталась Галка и показала мне молодого человека в толпе. Тот салютовал нам бокалом. Темные зализанные волосы, темный костюм, гладко выбритое и совершенно не запоминающееся лицо.

— Вон, смотри. Гоша хочет с тобой познакомиться.

— Галя, нет, — угрожающе прошептала я.

— А что? Почему нет? Он клевый парень, пообщайся. Очень веселый...

На Женьку было страшно смотреть. Он тоже салютовал Гоше бокалом и кровожадно улыбнулся.

Интересно, о чем он сейчас думает? Я даже вспотела... Или виной была духота в зале.

— Давай! — подтолкнула меня Галка, беззаботно хохоча.

— Нет, Галь, я не...

— Ой, а вот и Настенька! — перебила нас тетя Люда. Гоша мигом был забыт, и мы все обернулись, как по команде.

У входа в зал и правда стояла Настя, та самая стерва с вечеринки Андрея. Дива в синем платье (ну конечно бандаже!), на высоченных каблуках и с безупречной укладкой, она приковывала взгляды всех, кто оказывался рядом. Заметив нас, она помахала рукой.

Я переглянулась с Галей. Что здесь делала Настя? Галка ее терпеть не может и в жизни бы не пригласила. Но как, откуда?..

— Теть Люд, а Анастасия... — осторожно начала сестра, ловя момент, пока Анастасия пробиравась к нам через толпу.

Тебя Люда вся разулыбалась, косясь при этом на Женю.

— Она позвонила мне, узнала, куда мы с Андрюшей и Женечкой собираемся, и очень захотела вас поздравить. Это же ничего, Галечка?

«Галечка» сперва хотела послать тетю Люду на все четыре стороны, уж я-то знала эти мимолетные выражения ее лица. Я и сама была готова отчитать тетю Люду за самостоятельность.

— Мама, зачем? — Женька тоже был в шоке. — Это же Галина свадьба.

— Ой, ну ничего страшного же, — затараторила тетя Люда. — Одним человеком больше, одним меньше. Настя — твоя подруга! Составит тебе компанию на вечер, ты все равно без пары.

Меня как обухом по голове ударило.

Без пары, да. Именно так.

Почувствовав прикосновение Женьки, я отодвинулась. Вдруг кто заметит?

И вот так всегда. Держать все в тайне, боясь, что нас раскроют. Терпеть бывших пассий.

— Ничего, — наконец сказала Галя, подавив гнев. — Но, к сожалению, сесть Насте будет негде, у нас все места распланированы. И придется без еды, блюда у нас тоже подаются только приглашенным.

Лицо тети Люды изумленно вытянулось, но ответить она не успела.

— Здравствуйте, Людмила Александровна, — сказала Настя и поцеловала тетю Люду в дряблую щеку.

— Настенька, привет! Какая ты красавица! — закудаhtала тетя Люда и покосилась на Женю.

— Спасибо, — Настя в свою очередь тоже посмотрела на Женю и улыбнулась. — Привет, Женя.

Женя кивнул, как ни в чем не бывало.

Мне же хотелось вцепиться ей в лицо ногтями. Эта грудь в

декольте... Эти длинные загорелые и гладкие ноги... И идеальное, холодное в своей красоте лицо.

— Это Галочка...

— С Галиной мы знакомы, — сказала Настя. Галка скупно улыбнулась в ответ.

— А с Элиной знакома уже? — не останавливалась тетя Люда. — Двоюродная сестра Жени.

— Сестра? — Настя смерила меня взглядом, затем окатила таким же Женю. — Ну ты даешь.

На этом она развернулась на каблуках и, не прощаясь, скрылась в глубине зала. Похоже, она была в шоке.

— Что она имела в виду? — забеспокоилась тетя Люда.

Инцестик такой пошёл, прям как в анонсах порнороликов!

Извращенцы!

Земля ушла у меня из-под ног. Я будто стояла голая посреди толпы. Кровь прилила к лицу. Вот она, настоящая реакция на наши с Женей отношения. Вот, что нас ждет.

Чувствуя, что меня вот-вот стошнит, я сорвалась с места и кинулась прочь, расталкивая гостей на своем пути.

— Привет!.. — попытался меня поймать тот самый клевый Гоша, но я вырвала руку. Шагнула на палубу, провалилась в прохладный ночной воздух.

Глубокий вдох. Выдох. Вдох.

Москва-река призывно играла у борта, ловя блики фонарей на набережной. Как черное бездонное чудище, которое ждет свою жертву. Музыка эхом разносилась над водой, гулкий бит, как тамтамы древних племен. «Придите к нам, боги!» — пели они. «Даруйте крепких детей этой паре! Долгих лет жизни!» Звенели бокалы, мутные всплески лизали борт корабля.

Невыносимо, все это было невыносимо.

— Ты чего здесь стоишь?

Услышав Женин голос, я закусила губу.

— Женя, давай расстанемся, — хрипло выдохнула я.

24 (обновление от 23.08)

Лина

— Нет, — отрезал Женя. — Ты не хочешь этого.

— А тебе откуда знать, чего я хочу? — сказала я.

В Жениных темных глазах горела решимость. Кулаки сжались так, что костяшки побелели, и я даже немного отступила, столько гнева было в его позе.

Веселье в зале было в полном разгаре. За узкими оконцами просверкивали блики дискотечных софитов, кто-то громко и заливисто хохотал. Хлопнула бутылка шампанского, снова крики... Мимо прошел официант с подносом в руках, пятно белой униформы на фоне темного корабля. Он одарил нас недоуменным взглядом, но все-таки прошел мимо и бокальчик не предложил.

Думаю, в тот миг даже дурак догадался бы, что здесь идет разборка двух влюбленных. А лезть в такие разборки себе дороже.

Женя сделал глубокий вдох, на миг прикрыл глаза.

— Ну я же вижу, — сказал уже спокойнее. — Лин, что случилось?

— Ничего.

Но он не отступал.

— Тебе что-то наговорили? Настя что-то сказала?

— А она что-то знает, чего не знаю я? — я заинтересованно сощурилась.

Женька покачал головой.

— Нет. Но она... Может выдумать всякое.

Потому что стерва, это понятно. Чтобы сделать мне больно.

Хотя больнее, чем сейчас, мне вряд ли уже станет.

— Нет, дело не в Насте. — Я закусила губу, не зная, что ответить. Что рассказала обо всем на форуме, а там на меня вылили ушат помоев? После такого он сам от меня уйдет. С дурой связываться — себе дороже.

— Тогда почему? Я... — Женя запнулся, словно ему не хватило

воздуха. — Я должен понять.

Глаза в глаза. Вот как мы стояли сейчас.

— Пожалуйста, — тихо сказал он.

Глаза в глаза.

— У нас не может быть детей, — выпалила я.

Женя недоуменно моргнул.

— Как-так? У тебя что-то не так с...

— Все со мной так, — перебила я его. — И с тобой, наверное, тоже. Просто мы с тобой — двоюродные брат и сестра, понимаешь? Восемьдесят процентов генетических отклонений.

Смысл моих слов доходил до Жени примерно с минуту. Затем уголки его губ дрогнули в улыбке, которую он безуспешно пытался спрятать.

— Подожди, я правильно понял? Ты хочешь расстаться из-за гипотетических детей, которые гипотетически могут родиться с отклонениями из-за того, что мы — родственники?

Эта его улыбка начала меня бесить.

— Женя, не смешно!

— А я и не смеюсь, я так...

— Я не пойду на это, просто не смогу, понимаешь? Если что-то пойдет не так, всю жизнь себя винить буду. А значит, детей у нас не будет.

Женька покачал головой.

— Нашла о чем думать.

— А о чем мне думать? Жень, я замуж хочу! Детей, понимаешь? В итоге я хочу именно этого.

Женькины губы изогнулись в невеселой усмешке. Он скрестил руки на груди. Белые манжеты рубашки задрались, обнажив сильные запястья и тонкую полоску кожаного браслета. Мой подарок.

— Это тебе Галкина свадьба навеяла?

— Нет, не свадьба, Женя! Я серьезно с тобой говорю!

— Вот прямо сейчас ты детей хочешь? — он обвел рукой пустую

палубу. — Мы только встречаться начали.

— А ты только настоящим моментом живешь, я смотрю, — зло ответила я. — Бери от жизни все, да?

Женька упрямо мотнул головой.

— Нет, не только настоящим. Лин, я тоже хочу детей. Но не в ближайшее время. Сейчас-то чего этим голову забивать? Мы вместе, все хорошо.

У меня в груди разлилась боль. Вот и наш камень преткновения. Все равно бы вылез, не спрячешь. Он не думает о будущем, зачем ему? Когда придет время, просто переступит через меня, как переступил однажды. А я останусь одна. Снова.

Я сглотнула, и слюна оказалась горькой. Привкус грядущей беды.

— А я думаю о будущем, — сказала. — И не хочу тратить время на то, у чего будущего нет.

Мне показалось, что Женя сейчас меня задушит. Мои слова будто ранили его в самое сердце.

Может, так и было.

— Нет будущего? — переспросил он, не веря, и подался ко мне. — Ты что говоришь вообще?

— Какая у нас может быть семья, скажи? Мы все время прячемся, а я не могу так...

Широким жестом Женька отмахнулся от моих слов.

— Я готов, слышишь? — почти крикнул он. — Давно готов! Я хоть сейчас выйду и всем скажу о том, что между нами! И мне плевать, кто и что подумает. Хочешь, я это сделаю? Прямо сейчас!

И испортит Галке свадьбу. Испортит жизнь себе.

Я молчала.

Надо перебрать факты. Наконец решиться их осознать и принять.

Мы не сможем завести детей. Я не смогу подвергнуть риску здоровье будущего ребенка, а Женя захочет, рано или поздно обязательно захочет стать отцом. И тут придут на помощь Насти, Маши, Лены, которые неустанно крутятся вокруг...

Женька ждал моего ответа. Он и правда был готов рассказать всем.

Броситься в омут с головой. Его глаза поблескивали, совсем как Москва-река за бортом. В них темнели животный страх и боль. От этого мне тоже было больно, невыносимо.

Нам нельзя быть вместе.

— А я — нет, — сказала я, развернулась и заковыляла к туалету, еле передвигая стертые ноги. Проклятые туфли впивались в пятки, сдирая кожу. Сердце ныло, словно наказывало меня за мое решение. Мир вокруг плавился, плыл за пеленой слез.

Так надо, твердила я себе. Дальше будет больнее.

Женя за мной не пошел.

25 (обновление от 24.08)

Галя

Ах, эта свадьба-свадьба!.. Совсем умотала нас с Пашкой, закружила в безумном хороводе, мелькнула хвостом кометы и пропала, оставив глубокое похмелье. На то, чтобы отдохнуть, у нас было дня два, а потом снова на работу. Мне нужно было закончить важный проект, у Паши тоже срывался контракт, поэтому мы дружно решили полететь куда-нибудь не сейчас, а на зимние праздники. Например, на Кубу. Я давно мечтала побывать на Карибском море. Слушать ветер в пальмах, ехать в древнем кабриолете вдоль берега и ходить вдоль прибоя, когда теплая вода лижет пальцы ног. Карибская сказка.

А пока — арбайтен, моя дорогая. Арбайтен.

Одевшись, я с удовольствием оценила новенькое колечко на пальце. Из белого золота, оно прекрасно сочеталось со строгим черным костюмом и белой рубашкой навыпуск, с расстегнутыми верхними пуговицами. Я любила демонстрировать ключицы, это было сексуально — мужская свободная рубашка, открытые ключицы, тонкие запястья под небрежно закатанными рукавами. Шик.

А колечко — так вообще восторг. Лучше только мой новоиспеченный муж, от которого я с трудом могла оторваться.

— Ты идешь? — заглянул в комнату он. Также одетый, как с иголки. Семейство карьеристов, фыркнула я про себя.

— Иди, я минут через пятнадцать выйду, — улыбнулась и смачно чмокнула Пашу в губы. Он поймал меня одной левой и страстно поцеловал, до дрожи в коленях.

— Может, опоздаем? — прошептал в мои губы.

— Нельзя, — я качнула головой. — Ты вечером пораньше приезжай. Я буду ждать.

Поймав меня на слове, Паша испарился, оставив после себя терпкий шлейф парфюма. вечером и правда надо было сделать что-нибудь романтическое. Например, ждать его в ванной, в одной пене. Или в одном галстуке и масле на кровати.

Ничего, решила я, к вечеру придумаю, как его удивить.

Дорога на работу была обычно-понеделничной: пробки, пробки и еще раз пробки. Над Садовым курилась летняя жара, взвесью стояла пыль, и я закрыла окна. Кто-то даже меня подрезал, но у меня было такое непробиваемо хорошее настроение, что ни один козел за рулем не мог его испортить.

Я — замужем! Я и Паша наконец вместе!

Припарковавшись на подземной стоянке Москва-сити, я нырнула в лифт и поднялась на этаж нашего офиса, пристукивая каблучком от нетерпения. Я сверну горы! Легко! Сверну горы и полечу на Кубу, в карибские волны, которые шепчут «баю-бай» и лижут пяточки...

Быстро раскидав бумаги по степени срочности, я взяла пачку договоров на подпись и влетела в Женькин кабинет, миновав востребованную секретаршу.

Лишь грохнув эту самую пачку на стол, я заметила, что что-то с Женей не так.

Выглядел он, мягко говоря, неважно. Лицо отечное, больные, красные от недосыпа глаза. Обветренные губы, сгорбленные плечи. В чистом, идеально выглаженном пиджаке Женя смотрелся еще более потрепанным, будто снял одежду с другого человека.

— Жень, тебя каток переехал?

Женька криво улыбнулся и махнул рукой.

— Да ничего, гулял вчера с братюнями допоздна. — Он мотнул головой и скривился. Видимо, даже мотать головой ему было больно. — Что подписать? Это?

Кивнув, я подвинула ему стопку документов. А сама продолжила строго его изучать. С братюнями он гулял, надо же. Скорее, пил до

потери пульса. Мне казалось, от перегара запотели даже стекла этажом ниже.

— Это тебя свадьба так разгуляла? — попыталась пошутить я, но, взглянув на Женино измученное лицо, посерьезнела. Упомянув свадьбу, я будто ударила его под дых. Да что там у него произошло?

— Да, — коротко ответил он. — Никак не могу остановиться.

Ручка снова заскрипела по бумаге.

Может, он и правда встречается с этой Настей, а я ее так приняла... Хотя не похоже, совсем не похоже. Женя был рад бандажной леди не больше меня или Лины.

Сестра, кстати, тоже вела себя на свадьбе очень странно.

— Как там Лина? — поинтересовался Женя, не отрывая взгляда от бумаг. Будто услышал мои мысли. Раз подпись, два подпись, все ровненькие, одинаковые.

Лина, Лина... Почему-то я знала, что он спросит о ней. Настоящее шестое чувство.

Верный Линин пес.

— На море собирается, пока в школе каникулы.

Женька поднял голову и неотрывно уставился на меня. Будто я фокусник, который только что отпрыгнул яйцо.

— Да?

Я кивнула.

— Ну да. В Сочи. Но точно не знаю, мы с ней последнее время нечасто видимся, — сказала. — У нее, похоже, парень завелся.

Парня я заметила еще до свадьбы. Лины была влюблена по уши и с кем-то тайно встречалась. Тайно — потому что раньше она всегда знакомила меня со своими пассиями. А тут шифровалась, как Штирлиц. Может, боялась, что уведу, кто знает.

Может, потому Женька и расстроился? Узнал о ее бойфренде и опечалился. Привык, что Линка вьется вокруг него, как шмель...

— Парень... — эхом повторил Женька и кивнул. — Ну ладно.

Он взъерошил волосы и уткнулся обратно в компьютер.

Собрав бумаги, я вышла из кабинета. Мне, в отличие от Женьки, было легко и хорошо. Все было легко и просто, и очень понятно — наконец-то.

Не нужно ничего усложнять. От этого одни проблемы.

26 (обновление от 25.08)

Скачано с сайта knigomania.org

Лина

Звонок застал меня за вечерним чаем. В последнее время почти все мои вечера проходили за чаем и зефиром: белым и пышным. За окном опускались туманные августовские сумерки, шелестели проезжающие машины и разом загорались фонари, освещая детскую площадку у моего подъезда. Мне снова показалось, что на ней кто-то стоит, кто-то похожий на Женю, и я даже хотела спуститься — вдруг и правда он? — но зазвонил телефон.

Когда я взяла трубку и вернулась к окну, чаю и зефиру, человека под окном уже не было. Где-то в отдалении пророкотал мотор машины, сверкнули фары.

— Привет, — сказала я, и Галя ответила радостно, и вместе с тем слегка устало.

— Привет. Как дела твои?

— Хорошо. — Я хищно куснула зефир за бочок. — Ем вкусняшку.

— А в Сочи-то собираешься? Или все уже?

Перспектива Сочи постепенно меркла — билеты только дорожали, а денег не прибавлялось. Да мне уже и не особо хотелось.

Хотелось сидеть, завернувшись в теплый плед, потягивать чай с малиновым вареньем, закусывать зефиром. Я подозревала, что через месяцок таких вечерних посиделок мне будет стыдно надевать купальник.

— Наверное, все. Я слишком толста для пляжа, — фыркнула я, и Галка фыркнула в ответ.

— Вот скажешь же...

— Как Паша? Лиза у вас? — спросила я.

— Сегодня нет. Она же не каждый день у нас остается. Пришел тут незнакомый дядька, кто ж ее ему так вот отдаст? — Галка сглотнула. Похоже, она тоже что-то пила. — Ее тетка хочет оформить двойную опеку, или как там это называется. Пока в школу не ходит, может половину времени проводить дома, а половину — у нас. Если захочет, разумеется.

— А тебе как кажется? Ей нравится Паша?

— Даже не знаю, Лин. Вроде бы да, но родственников со стороны матери она все равно любит больше. — Галка хмыкнула. — В общем, зря я ее боялась. Она нас боится куда сильнее.

Я покивала, хотя Галя все равно не могла меня видеть.

— Как на работе? — спросила и тут же пожалела об этом. Сейчас речь наверняка пойдет о Жене, а для меня каждое напоминание о нем — как удар ножа по сердцу. Слишком свежо воспоминание.

— Завал, — вздохнула Галя. — Столько новых дел... Меня все-таки поставили главой отдела.

— Ого! — воскликнула я. — Поздравляю! А откуда завал? Ты же вроде и так все знаешь.

Галка хмыкнула.

— Да Женька уезжает, все на меня оставляет.

Я отложила липкий зефир, чувствуя, как холодеют пальцы.

А ты знала, ты все знала.

— Уезжает? — переспросила на всякий случай. Вдруг ослышалась?

— Ага. В Лондон.

— И... Надолго?

Галя вздохнула.

— Не знаю. Может, хоть там протрезвеет.

Час от часу не легче.

— А что, он пьет сейчас?

— Ну не прямо на работе, — Галя грустно рассмеялась. — Но заметно, что вечерами гуляет, да. Ты не знаешь, что с ним случилось?

Конечно, знаю. С ним случилась я.

— Не-а.

— А может, все-таки? — Галя умела быть настойчивой. — Вы с ним так хорошо дружите, может, он говорил? А то пропадет парень.

Уже нет, уже не дружим.

— А как там твой кавалер? — вдруг промурлыкала Галя.

— Какой кавалер?

— Ну, с которым ты последнее время встречаешься.

Я открыла рот и закрыла, не зная, что и сказать.

— А ты откуда знаешь?

— Я все про тебя знаю, привыкай. И какой он? Расскажи.

— Нормальный. Тоже пьет, — добавила я саркастически.

Галкин голос посерьезнел.

— Лина, если ты не шутишь, то бросай такое сокровище. Никому оно не нужно.

— Да я уже... — вяло ответила я.

— Вот и молодец. Люблю тебя за твое благоразумие, Элина Николавна!

Еще немного поболтав, мы распрощались. Галя вернулась к Паше, а я — к недоеденному зефиру и остывшему чаю. В груди надсадно болело, но с какой-то стороны я была рада. Если Женя уедет, я смогу быстрее его забыть. С глаз долой, из сердца вон.

Хотя когда-то я тоже на это надеялась, но не помогло.

Только я успокоилась, как телефон на столе разразился новой трелью. Неужто Галя забыла что-то сказать? Или мама. Я забыла ей перезвонить днем.

Но это был Женя.

Голос его был серьезным, но слегка пьяным. Уже это меня разозлило. Это и голоса его друзей на заднем плане. Женя был у Андрея.

— Как твои дела? — спросил он после неловкой паузы.

— Отлично, — отрезала я.

Было. Пока мне не сказали, что ты возвращаешься в Лондон.

— Слышала, ты уезжаешь.

На том конце линии помолчали.

— Да. Надо по работе.

— Ясно.

Надолго ли? Навсегда? Зачем? С кем?

Я промолчала, едва сдерживая слезы. Ведь если мой голос задрожит, Женя все поймет. А унижаться перед ним снова... Ни за что.

Я больше не плакса-вакса.

И он тоже не будет унижаться и просить меня вернуться. Он же мужчина, он же гордый. Это я первая ушла.

— Скажи, у тебя кто-то появился? — вдруг спросил Женя. Его голос напряженно звенел.

— Что?! — я едва не поперхнулась. Да как ему такое в голову пришло?!

— Ты так быстро со мной рассталась, заговорила о свадьбе и детях. Это все предлог, да? Скажи правду. Ты просто хотела побыстрее разбежаться?

— Ты — идиот, — холодея от злости, сказала я.

— Это точно, — пьяно согласились на том конце линии.

— Нет у меня никого.

— Лин, я не обижусь, есличо, ты говори...

— Нет у меня никого! — проорала я в трубку и испуганно замерла. Сама от себя не ожидала, просто Женя вывел меня из себя... И с чего он вообще взял? Откуда такие мысли?

— Но почему... — Его голос пропал из-за помех.

— Что? — переспросила я, но услышала только «Женька, давай, нюхни!». Слабый, но очень знакомый голос Лени.

— Порошок? Ты что?.. — захлебнулась я. — Женя, не смей!

— А то что? — Он рассмеялся. — Что ты сделаешь?

— Ты ведешь себя, как свинья, — процедила я.

— Да, — не стал отпираться Женька. — Да, и эта свинья любит тебя, слышишь?! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! — проорал он куда-то в воздух, под потолок квартиры Андрея.

Я повесила трубку, положила телефон на стол и села. Меня трясло. Мне хотелось плакать, кричать, найти Женьку и ударить его посильнее, чтобы прекратил мучить меня... Чтобы успокоил.

Чтомнеделатъчтомнеделатъчтомнеделатъ?..

Повинуясь внутреннему порыву, я включила на телефоне приложение, вызвала такси и запрыгнула в джинсы.

Я с ним поговорю. Прямо сейчас. Лицом к лицу.

27 (обновление от 28.08)

Лина

Сколько я уже не виделась с Женей? Наверное, недели две.

Что я ему скажу?

По дороге к Андрею я стала продумывать слова. Во-первых, я скажу, что пить вредно. Что Женя уже взрослый для такого поведения. И что я настучу тете Люде, хоть я ее и терпеть не могу.

Во-вторых, он должен раз и навсегда понять, что отношения для меня — это серьезно. Я не ищу мальчика на ночь, и уж точно не собираюсь заводить временных интрижек с братом. Пусть он выбирает. Если любит, как говорит, то должен подумать о будущем.

И в-третьих, надо дать ему понять, что пока я не собираюсь с ним мириться. Хочу все обдумать, хочу присмотреться и понять, действительно ли он так серьезен. Видимо, он избалован женским вниманием и привык, что девушки особо не сопротивляются. Идут, куда он попросит, делают то, что он попросит. Не думать о будущем? Хорошо, дорогой. Как скажешь, дорогой.

Моя злость постепенно утихала, уступая место страху. Что если он не выйдет поговорить со мной? Или я позвоню не в ту квартиру... Какой же номер был у Андрея... Вдруг консьерж спросит, а я не помню? Позвонить Жене и спросить? Нет, не хочу.

За окном такси проносились вечерние огни и другие машины, среди которых я автоматически выискивала Женин мерседес. Лишь бы он не сел за руль в таком состоянии. Если честно, это волновало меня даже больше, чем будущая встреча. Что если он натворит дел? И я бы не хотела, чтобы он сейчас изливал душу своим друзьям. Они мне не нравились, они его не поймут. Не поймут нашей ситуации.

Таксист остановился у съезда с Третьего кольца, не доезжая до самих башен. Пришлось топтать до нужного небоскреба на своих двоих, ежась от сильного ветра. Он забирался под мою одежду, отчего казалось, что я иду вообще без нее. Волосы разметались, и, когда я зашла в подъезд, на голове у меня уже было гнездо.

— К Бессонову Андрею, — сказала я консьержу, но он остановил меня рукой в белой перчатке.

— Подождите секундочку, — снял трубку с телефона и принялся набирать номер. Я неловко облокотилась на стойку, попыталась принять непринужденный вид, но, похоже, у меня слабо получилось.

— Да, да... — сказал консьерж в трубку. Наконец ее положив, он улыбнулся и указал мне на лифт. — Проходите, пожалуйста. Этаж шестьдесят один.

«Интересно, почему Андрей живет один?» — думала я уже в лифте. Без девушки и даже собаки. Всегда собирал тусовки у себя в квартире, но даже в компании немного выделялся, словно плыл где-то далеко. Странный. Как я поняла, он был кем-то вроде мафиози. Или сын какого-то бандюгана. Денег у него куры не клевали, ему постоянно названивали на телефон «решать дела», приезжали черные тонированные машины. Я видела однажды, как Андрей сел в одну и, проведя там с минуту, вылез с пластиковым пакетом. С личностью, сказал мне Женя коротко и больше на эту тему не говорил. Это уже было не мое дело.

Андрей уже ждал меня. Стоял, привалившись плечом к дверному косяку, и молчал. Точно странный. Стоило ему улыбнуться, как все принимали его за мальчишку лет двадцати. А сейчас он казался мне старше, чем раньше. Может, ему даже было лет тридцать пять. Карие миндалевидные глаза смотрели серьезно, с тревогой, красиво очерченные, как у греческих статуй, губы не улыбались. Хотя небрежно наброшенная одежда была такой же стильной. И как он умудрялся даже после сна и попойки выглядеть так, будто вышел с

модного показа?

— Он уже уехал, Лин, — сказал вместо приветствия.

— Ясно. — Я кивнула. Ах как неловко. А я примчалась, как... как дура.

— Вы с ним поссорились, да?

— Нет, — я качнула головой. — Мы расстались.

Андрей смерил меня взглядом и хитро сощурил глаза.

— Не-ет, — протянул он. — Просто поссорились. С кем не бывает.

Он посторонился, приглашая меня внутрь. В квартире за его спиной было пусто.

— Может, зайдешь? Вина выпьешь. Или чая. — Он пожал плечом. — Не люблю сидеть один.

— Нет, спасибо, — пробормотала я. — Я лучше поеду.

Зачем-то извинившись, я побрела обратно к лифту.

— Он не употреблял, — крикнул Андрей мне вслед. — Просто текила...

Я опять кивнула. Какая мне разница? Хоть вино, хоть текила, хоть порошок. Он делал, что хотел, и передо мной не должен отчитываться, верно?

Верно?

Выйдя на улицу, я набрала Женин номер, но тут же сбросила звонок. Не буду звонить, не хочу. Точнее, хочу, но боюсь, что снова окажусь в его объятиях. И хорошо, что я не застала его у Андрея. Женья любит меня, я люблю его, но это дорога в никуда.

Я должна быть сильной.

Первые желтые листья низко кружили над площадью у закрытого входа в метро. Один прилип к моей ноге. Я сняла его со штанины и отпустила. Он взвился высоко, пока не исчез в пасмурном небе.

Через минут пять подъехало такси, и я села в машину. Только в теплом салоне поняла, как продрогла.

— Хорошо погуляли? — таксист посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Можно и так сказать, — ответила я, особо не желая с ним болтать. Но таксисту было все равно.

— Погода в Москве в последние годы — просто швах! Ехали мы вчера с женой с дачи, а как зарядит ливень стеной. Тропический! На дороге сразу пробка. И мы стоим, ни туда и ни сюда...

Так он болтал до самого дома, а я хмыкала на разные лады — вроде как обозначала, что слышу его и участвую в разговоре. Хороший он, конечно, дядька, но в тот момент мне хотелось посидеть в тишине. И как назло, опять начало укачивать. Раньше в машинах никогда не укачивало, а сейчас так и подкатывало к горлу...

Добравшись до дома и расплатившись (юга стали еще на пятьсот рублей дальше), я вышла из машины. И только тогда заметила, кто ждет меня у подъезда.

Женя стоял, привалившись спиной к облупленной стене, и смотрел на меня в упор. Без привычной улыбки.

От неприятного предчувствия меня затошнило еще сильнее.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — сказал он, но я мотнула головой. Тошнота накатывала и становилась все сильнее. Хотелось быстрее подняться в квартиру и запереться в туалете.

— Не сейчас, Жень... — выдохнула я, попыталась его обойти, но он ухватил меня за руку и заглянул мне в лицо.

— Лина, пожалуйста, выслушай меня. Я хочу серьезных отношений. Давай жить вместе.

На этом меня и вырвало.

28 (обновление от 29.08)

Господи, какой стыд!

Я чистила зубы в ванной, а лицо все пылало. Прямо при Жене! У подъезда! Какой кошмар! Хорошо, что успела отвернуться...

Я вынула зубную щетку и сдавленно засмеялась, вытирая слезы.

Хороший ответ на вопрос получился. Я думала, такое бывает в самых дурных комедиях, а нет, смотрите-ка! И, главное, почему? Что-то не то съела или так сильно укачало? А, может, на нервах?

Конечно, Женя сразу же повел меня домой. Суетился вокруг и даже

сейчас стоял под дверью в ванной и периодически спрашивал, все ли со мной в порядке.

Какой порядок?! Со мной последнее время вообще творился один беспорядок.

— Лин! — снова донеслось из-за двери.

— Иду! — крикнула я, плюясь зубной пастой. Прополоскала рот, вытерла лицо полотенцем, быстренько убрала грязную майку, которую я утром повесила на ванную, и вышла. Навстречу Женькиным виноватым глазам.

От него так сильно разило спиртным, что меня начало мутить снова. Он повел меня на кухню и усадил на стул.

— Тебе удобно? Хочешь прилечь? — спросил.

Я мотнула головой.

— Ты же не за рулем, надеюсь?

— Конечно, нет. Взял такси.

— Хорошо, — я кивнула. — Это хорошо. А машину где оставил?

— На парковке у Андрея. — Щелкнул вскипевший чайник, и Женька вскочил с места. — Давай чаю налью.

Я заказала черный с тремя кубиками сахара.

— Ничего не слипнется? — пошутил Женя, но умолк, натолкнувшись на мой угрожающий взгляд.

— Я хочу три кубика.

— Хорошо, как скажешь.

Женька был такой смешной и неуклюжий, когда заботился! Едва не ошпарился кипятком, накапал на стол заваркой из пакетика и потом вытирал чайные капли тряпочкой. Я следила за ним, и было так хорошо и уютно... Потом он все-таки перенес меня на диван (на руках, несмотря на мои слабые протесты), укутал в плед и сел рядом.

— Ты что-то вчера съела?

— Наверное, — пробормотала я. — Но не помню, что... Печенку тушеную сегодня на обед... Она какая-то гадкая была, давно в холодильнике стояла.

— И ты решила ее слопать, — с усмешкой сказал Женя. — А если бы она с тобой заговорила?

— Нет, — я подняла указательный палец. — Говорит у меня борщ. Он вчера сказал, что на второй полке ему уже тесно.

Хмыкнув, Женя уставился на выключенный телевизор. Чуть закусил губу. Он так делал каждый раз, когда сильно думал.

— Я действительно серьезно к тебе отношусь, — настойчиво повторил он.

— А раньше относился несерьезно? — фыркнула я.

— Нет, просто у меня ощущение, что ты мне не веришь.

Я тронула пальцем его губы.

— Не надо их кусать. Я... — даже не знала, как сказать. — Мне кажется, это после того случая, понимаешь? После того, как ты уехал в Лондон. И я ничего не могу с собой поделать. Каждый день думаю, что ты уйдешь. Не сейчас, так потом.

Женя помрачнел.

— Ты же помнишь, я должен был...

— И не писать, не звонить тоже должен был? Так вот взял и пропал.

Я отпила чай, наблюдая за Женей краем глаза. Конечно, не надо так загонять его в угол, но я должна знать ответ. Почему?

Он выдохнул. Хотел что-то сказать, но мотнул головой и промолчал. Вид у него был ужасно виноватый, как будто этот вопрос мучил его самого очень долго. Так же долго, как меня. Мне показалось, Женя что-то скрывал.

— Я виноват, — наконец сказал он, обнял меня и заглянул в глаза. — Я очень виноват. Но я хочу быть с тобой. Всегда. Теперь я никуда не уйду. Я клянусь, Лин.

— Это все разговоры...

— Потому я и хочу, чтобы ты переехала ко мне. Увидишь меня в деле.

Звучало угрожающе...

— А потом? — спросила я тоном заправского вымогателя.

— А потом все, что ты захочешь, — ответил Женя и улыбнулся. — Хочешь, я завтра поговорю с мамой насчет нас?

Вот эта перспектива пугала меня больше остальных. Что тетя Люда скажет? Да она с ума сойдет и отравит нам существование года на два. Или три. А то и на всю жизнь... Если мы, конечно, будем всю жизнь вместе.

— Нет, тете Люде пока не говори, не надо, — я мотнула головой, выбралась из пледа и скользнула на Женю.

— Тебе же плохо, — пробормотал он между поцелуями.

Руки Жени скользнули по моей талии, ладони сжали бедра. Его тело подо мной было горячим, таким желанным. Я огладила его большие плечи и грудь, долго поцеловала и... Отстранилась.

Меня снова мутило, на этот раз от запаха выпитой текилы.

— Что? Опять? — Глаза Жени расширились.

— Больше не пей, хорошо?.. — выдавила я, торопливо слезла с Жени и побежала в туалет.

29 (обновление от 30.08)

Галя

Лина пришла ко мне вечером, часов после восьми. Пашки еще не было, Лиза осталась у тетки, и мы могли спокойно поговорить.

Ведь у меня были новости!

— В общем так, — сказала я, как только мы присели. Терпеть не могла, слова распирали меня изнутри! — На этой неделе я заметила, что меня подташнивает и слабость все время. Я подумала-подумала, и купила тест на беременность. Сижу, а использовать боюсь.

Лина замерла с широко раскрытыми глазами.

— И что?

— Ну что... — Я развела руками и улыбнулась. — Пописала, а там положительно! Представляешь?

Сестра побледнела. Хотела что-то сказать, но вместо этого сунула

еще ложку шоколадного мороженого в рот.

Не такой реакции я ждала, если честно...

— Лина?

— Поздравляю! — опомнилась она и криво улыбнулась. — Я так за тебя рада, правда!

— Говори, — сказала я угрожающе. — В чем дело?

— Меня тоже тошнит... Кажется.

— Так кажется или тошнит?

Иногда мне казалось, что старшая сестра здесь я, а не Лина. Такие уж у нас были разные характеры: я, целеустремленная и прямая, как палка, и Лина — нежная, обидчивая и нерешительная. И не скажешь, что старше меня на год. Как начнет краснеть и хлопать ресницами, как парни тут же летят спасать печальную принцессу... Не зная, что покорить ее сердце очень и очень непросто.

А у кого-то, значит, это получилось?... Вот это да!

— Может, тебе тест сделать? — предложила я между печеньем и глотком чая. Лина кивнула.

— Сделаю, конечно. Задержка пока небольшая...

— Небольшая — это какая?

Она пожала плечами.

— Не знаю, я за циклом не особо следила... Недели две, может.

Две недели?! Врет или правда не следила? Ее спокойствие просто потрясало. Казалось, что оно — как фарфоровая маска, вот-вот треснет пополам и слетит, обнажив черное лицо паники. Линка боялась до ужаса, просто вида не показывала.

— Это того парня ребенок, получается? — осторожно спросила я. — С которым ты рассталась.

— Мы помирились, — сообщила Лина, слопав еще мороженого.

— Так он же пьет! — изумилась я.

Сестра дернула плечом.

— Я пошутила.

Ничего себе шуточки. Она явно что-то недоговаривала.

— Скажи, я его знаю? — сощурилась я.

Взгляд Лины прыгнул вверх и вбок.

— Может быть.

— И кто он?

— Галя, давай не сейчас, ладно? Я потом вас познакомлю. — Лина вскочила со стула, открыла холодильник, повернувшись ко мне спиной, и принялась что-то там искать. — А у тебя есть еще мороженое? Мне кажется, я готова съесть целый килограмм...

Через час, когда пришел Паша, она засобиралась домой. Я хотела ее подвезти, но она отказалась.

— Там пробки, я на метро быстрее доеду, — улыбнулась, чмокнула меня в щечку и испарилась.

Здесь точно было что-то не так.

Лина

Когда я впервые увидела Женину квартиру, меня потрясли габариты. Три комнаты. Три. Комнаты. Зачем столько квадратных метров одному человеку, который все время в командировках, я понять не могла.

— А ты говоришь, что я не думаю о будущем, — назидательно сказал он мне и обвел руками гигантский холл. — Все для моей будущей семьи!

Меня снова тихо кольнуло: дети, Лина, дети, как ты с этим справишься? Но я отмахнулась от дурацких мыслей и принялась исследовать новый дом.

Женя любил минимализм. Это я поняла сразу, увидев выкрашенные в светло-серый стены и белую мебель — только самое необходимое. Два кресла, небольшой диван в гостиной. Огромная кровать и две тумбочки в спальне. Письменный стол и встроенные шкафы в третьей комнате. Из окон открывался потрясающий вид на неумолкающий Кутузовский проспект.

— И это все твое, — промурлыкал Женя мне на ухо, обняв меня сзади.

И это все — мое? Я не могла поверить, глядя его руки. Плевать на вид и квартиру, вот это — руки, плечи, идеальное тело и любимый голос — все это мое. И теперь мы живем вместе.

Какая-то сказка.

Когда я переехала, то в первую очередь разобрала шкаф. На это ушел день. Аккуратно сложенные, Женины вещи заняли не больше половины, а во второй половине спокойно уместилась моя одежда.

С утра, не сдержав приступ любопытства, я открыла ящики Жениного письменного стола. В одном лежали зарядки, провода, исписанные ручки, еще какая-то мелочь, громыхнувшая, когда я открыла и закрыла ящик. Во втором лежали документы, а на самом верху — небольшая фотография, немного выцветшая, со следом сгиба посередине и помятыми измочаленными уголками, будто ее носили в кошельке или сумке. Я взяла ее двумя пальцами.

Ее сделала моя мама. Как раз купила новый фотоаппарат, ходила и снимала все, что попадалось ей на глаза. Клумбы, солнце, сочащееся через листву, наш дом. Но больше всего ей нравились люди. Людей она выстраивала в ровную линейчку (разве что не по росту), следила, чтобы свет падал на лица, и никак иначе, приказывала улыбаться (хотя как тут улыбнешься, когда солнце светит прямо в глаз?) и щелкала фотоаппаратом.

Нас с Женькой она поставила на фоне забора. Я куда-то собиралась — новое платье и волосы, аккуратно собранные в хвост, — а Женька откуда-то вернулся — за нами лежал его велосипед. На слове «три» он больно ткнул меня пальцем в бок, и я вытаращила глаза. В следующий миг я отвесила ему подзатыльник, но этого фотография уже не запечатлела. На ней был лишь хитро улыбающийся Женька с загорелым до черноты лицом и я с выпученными, как у лягушки, глазами и приоткрытым ртом.

Я положила фото обратно — осторожно, словно то могло взорваться, — и закрыла ящик. Было горько и сладко одновременно, и почему-то хотелось заплакать. Последнее время я стала слишком часто реветь.

Неужели он хранил эту фотографию все время? Носил с собой? А, может, использовал, как закладку в книгах? Правда, я не видела, чтобы Женя читал книги. Только деловые журналы, которые

слеживались в монолитный слой на полке туалета.

Откатилась дверь ванной, и я торопливо отошла от стола. Женя ввалился в комнату в облаке пара, приятно пахнувший и влажный. Я взъерошила мокрый ежик его волос и взвизгнула, когда Женька сгреб меня в объятия и бросил на диван. Он задрал мне майку и стал целовать в живот, держа мои руки и щекоча колючим подбородком, а я хохотала и извивалась под ним.

— Хватит! Женя, хватит! — выкрикнула, пытаясь его сбросить с себя. — Стой!

Тяжело дыша, Женя выпрямился. Шевельнул бедрами, прижавшись членом к моей промежности. В животе медленно расцвел огонь, внизу тут же повлажнело. Я подалась навстречу и обхватила Женю ногами.

— А ты не опоздаешь? — выдохнула, чувствуя, как сильно его возбуждение. Вместо ответа Женя навис надо мной, опершись на одну руку. Вторую запустил в мои трусики и принялся ласкать, распаяя до безумия. Я хватала воздух раскрытым ртом, а Женька жадно целовал его, проникая языком.

— Возьми... — всхлипнула я, изнемогая от желания. От движения его пальцев внизу уже текло. — Сейчас...

Когда мы были вместе, я сходила с ума. Забывала обо всех предосторожностях, желая лишь одного: чтобы он взял меня. А затем еще раз, и снова, сильнее и жестче.

Он проник в меня на всю длину, и я подалась навстречу. Медленно, мы поднялись на самую вершину и вместе кончили, прижавшись друг к другу.

— Ты куда сегодня? — спросил Женя уже после второго душа, завязывая галстук. Белая рубашка подчеркивала его плечи вразлет, и я невольно залюбовалась.

— Лина.

— А? — Я вспомнила про вопрос. — Надо зайти в школу. Подготовка к первому сентября. Ты собрал вещи?

— А ты видишь чемодан? — ухмыльнулся Женька и звучно меня чмокнул. — Вечером соберу. Поможешь?

Про тошноту он даже не вспоминал — или делал вид, что не помнит.

В любом случае, я была этому рада. Не люблю, когда надо мной прыгают, как над яйцом «фаберже». И я не хотела, чтобы он держал в голове тот эпизод у подъезда. Меня все еще передергивало, когда я об этом думала.

Когда он ушел, я тоже стала собираться. Медленно накатила апатия, накрыло ужасное, всепоглощающее чувство беспомощности. Страх грыз меня изнутри, трепыхался серым клубком где-то в животе. Напоминал о себе, когда я оставалась одна.

Конечно, я собиралась в школу. Но перед школой надо было зайти в клинику и сдать анализ.

После Галки я все-таки купила тест. Проблема была в том, что он показал: слабую, едва заметную вторую полоску. Еще один я решила не покупать и сдать кровь на ХГЧ. Чтобы узнать все раз и навсегда.

А если я беременна?

Нет. Я мотнула головой и твердо обещала не забивать голову до получения результатов. Зачем разводить панику раньше времени? Если результат будет положительный, тут уже подумаю, что делать.

И уже тогда скажу обо всем Жене.

30 (обновление от 31.08)

Провожать Женю было тяжело. Конечно, я знала, что он вернется через месяц, и вообще у меня было полно других поводов для беспокойства. Но все равно что-то противно скребло на душе. Кошки, наверное.

Вечером мы долго собирали его чемодан. Я все пыталась сунуть ему разные лекарства, совсем как заботливая мамочка, а Женька каждый раз их непреклонно отвергал, убеждая меня, что в Лондоне тоже есть аптеки. Почему-то лондонским аптекам я не доверяла и в итоге все-таки сунула пару пластин парацетамола во внутренний карман.

Потом мы долго занимались любовью, пытаюсь насытиться и надышаться друг другом напоследок. Лежали, обнявшись, и Женя шептал мне на ухо всякие глупости, от которых щемило сердце. Что он разовьет свою фирму и построит нам дом. Что мы переедем туда, и будет у нас трое прекрасных детей, а в гости к нам будут приезжать Андрей и укутившийся в хлам Леня. А я буду ходить в дачном платье в цветочек, полоть огурцы в саду и потом открою свою агрофирму.

Прелестные ужасные глупости.

Женя оставил мне свой лондонский номер и ключи от квартиры и строго-настрого запретил возвращаться в Бирюлево. «Теперь твой дом — здесь», — сказал. Я не стала возражать, хотя было немного страшно. Единственный мой опыт совместного проживания закончился плохо — я окончательно поняла, что человек не мой, и благополучно развелась. Но с Женей все было по-другому. Каждый день я открывала его маленькие секреты: что он любит на завтрак, что включает, пока собирается на работу, каким шампунем пользуется. Все эти мелочи (и даже ежедневные носки под стулом на кухне) меня не раздражали, а только забавляли. Дело времени, это понятно, но я надеялась, что Женя не надоест мне никогда.

Надо было раньше съезжаться и не ломать комедию. Совместный быт нисколько не испортил нам отношения. Мы уже давно были одной семьей, чего ругаться и притираться?

И не успела я привыкнуть к своему счастью, как Женя уезжал.

Я настояла на том, чтобы проводить его до Шереметьево. И вот — мы стоим под электронным табло, Женька держит руку на своем огромном, как гроб, чемодане. Второй он притягивает меня к себе и долго, до мурашек целует. Люди шумят, оповещение снова орет из динамиков — не разобрать ни звука из Женькиных слов.

— Вернусь через месяц, — я прочла по его губам. — Месяц, слышишь? Ты меня подождешь?

Я кивнула.

Разумеется, подожду. Я ждала его десять лет, и уж какой-то месяц точно потерплю.

Вот только результаты моих анализов не давали мне покоя.

В первую неделю уроков у меня было мало, и из школы я возвращалась уже после обеда. Дорога к метро шла по мосту через железную дорогу. Москву заволок осенний туман. Влага оседала прямо на лице и одежде, и все погрузилось в вязкую тишину, будто спало.

Я набрала номер лаборатории, где я сдавала анализ.

Вдох. Выдох. Держись, Элина Николавна. Ты — взрослая тетка. Пора

принимать ответственность за свои действия.

— Здравствуйте, — я храбро чеканила шаг, будто быстрая походка придавала мне уверенности. — Два дня назад я сдавала у вас анализ ХГЧ. Подскажите, пожалуйста, результаты.

— Ваша фамилия.

Я назвала и прикусила губу, ожидая ответа.

— Девушка, у вас сто, — наконец ответили мне.

— Что — сто? — не поняла я.

— Сто нанोगрамм на миллилитр, — нетерпеливо пояснила девушка на проводе. — Вы беременны, поздравляю.

Земля ушла у меня из-под ног. Все закружилось, и я сама не поняла, как оказалась на асфальте.

— Девушка, с вами все в порядке?

Меня ухватили за локоть и поставили на ноги. На меня озабоченно смотрела женщина лет пятидесяти.

— С вами все в порядке?

— Да, да, все хорошо, спасибо, — вяло сказала я. Уверив женщину, что я просто постою на мосту, и подышу воздухом, и падать не собираюсь, я поблагодарила ее за помощь и оперлась на чугунные перила ограждения, влажные от тумана.

Вот я и очутилась в страшнейшем из своих кошмаров.

Что же делать? Что теперь делать?

Подо мной неспешно полз локомотив, выдувая облака пара. Красной сплюснутой мордой он раздвигал молочный кисель тумана, а тот облизывал его бока. Чуть отъехав, локомотив протяжно загудел, и этот крик отозвался эхом далеко в тумане, где виднелись другие трубы, и крыши построек, и края вагонов. Все таинственно молчало и тонуло во влажной белизне.

Подумав, я вытерла сопливый нос и набрала номер сестры.

— Галка, ты где?

— В районе Варшавки. В офис возвращаюсь.

Недалеко. Отлично.

— Выручай! Сейчас!

— Слушай, Лин...

— Это вопрос жизни и смерти! Жизни и смерти, клянусь! Если не забереешь меня сейчас, я... — Я глянула на составы под мостом. — Я под поезд кинусь, слышишь?

— Совсем дура, что ли? — возмутилась Галка. — Сейчас приеду. Ты где?

Девочки, не забывайте кликать кнопочку “Мне нравится”, если вам действительно нравится книга!

Всем песика! :)

31 (обновление от 1.09)

Скачано с сайта knigomania.org

В Галкиной машине было тепло. Ноги и руки медленно согревались после уличной прохлады. Я и не думала, что успела так замерзнуть.

Мотор мерно гудел, машина едва заметно покачивалась, пока Галка перестраивалась от обочины в крайний левый ряд. Она была сегодня в шелковом платье цвета свежей крови, расклешенном на локтях и собранном узким поясом на талии. Алый удивительно подходил Галкиной коже и пышным волосам. Сама Галка сосредоточенно хмурилась и кусала покрашенные губы, выбирая момент, когда нажать на газ и вклиниться в полосу.

— Что случилось? — бросила она.

Ну давай же, давай, не трусь. Соберись, ты же сама это натворила? Теперь расхлебывай.

Я сильно, до боли, сжала губы. Короткий болезненный вдох. Сердце стучит, как опаздывающий поезд. В груди холодно, как там, снаружи, на улицах города.

— Я ищу, где сделать аборт.

— Або... — Галка резко вдарила по тормозам, и едущая за нами зеленая тойота едва не влетела нам в зад. Сестра повернулась ко мне, будто не веря в то, что я сейчас произнесла.

— Аборт, да, — спокойно повторила я. — Скажи, как он проходил? Тебе какие-нибудь анализы сказали сдавать?

Галка делала аборт только один раз, на первом курсе института. Она залетела от какого-то совсем неподходящего парня, очень боялась, но в итоге пошла на этот шаг. Мы сделали это тайно от родителей, только я и она. Я все еще помнила ее бледное лицо и трясущиеся руки. Следы крови на подоле юбки.

Наверное, с моей стороны было жестоко напоминать об этом.

Галя нахмурилась и покачала головой.

— Я до сих пор о нем жалею, Лина. И никому не посоветую. Скажи, что случилось.

— Я беременна, вот что случилось.

— Это я уже поняла. Расскажи мне об том парне, отце ребенка.

Я шмыгнула носом, чувствуя, как подступают слезы. Да зачем ей это знать? Ей нужно только помочь мне выбрать клинику, и рассказать про анализы, и забрать оттуда, если я буду слишком слаба. Никаких вопросов, пожалуйста...

— Лина!

Да за что мне все это?!

— Отец ребенка — это Женя.

Несколько мгновений Галка молчала, нахмурившись.

— Какой Женя? Устеев, что ли?

Я нетерпеливо мотнула головой.

— Нет, Галя, нет. Наш Женя, Соколов.

Галя умолкла снова. Я почти слышала, как в ее голове со скрипом выстраивается цепочка логических умозаключений.

— Так, — наконец сказала она. — А теперь с начала и по порядку.

И я начала рассказывать, взхлеб вываливая на сестру все, что накопилось за эти годы. И почти физически с каждым сказанным словом мне становилось легче. Я будто очищала нарыв, вымывала весь гной. Как же, оказывается, было тяжело от невозможности хоть с кем-то поделиться. Тяжело и одиноко.

Выслушав мою историю, Галка покачала головой.

— Да-а, мать, ну ты даешь. — Она улыбнулась. — Правильно вас бабушка все время звала женихом и невестой.

Вспомнив об этом, я вспыхнула.

— Она шутила.

— Ой ли? — Галка покосилась на меня. — Я тоже думала, что между вами что-то есть. Но несерьезное, типа ерундой страдаете. А у самого Жени ты спросила, чего он хочет?

— Не надо ему говорить, Галь. — В груди все сжалось, когда я представила его реакцию...

— То есть, не знает. А если он против аборта? Это же ваш общий ребенок, вы оба имеете право решать.

— Ребенок не будет нормальным, Галь! — почти крикнула я.

Галка вскинула идеально подкрашенные брови.

— Дала бы тебе по голове за такое, но беременных бить нельзя. Это кто тебе сказал?

— Я сама читала. Дети от браков между родственниками рождаются с отклонениями.

— Да? А помнишь Свету из моего класса? У нее родители двоюродные, и ничего. Отличница была.

Я насупилась, скрестив руки на груди.

— Есть процент, что ребенок будет с отклонениями.

— У всех пар есть такой процент.

— Но у двоюродных он выше!

— То есть, ты готова убить нерожденного ребенка только потому, что есть какой-то там процент возникновения генетических отклонений?

В Галином исполнении это звучало жестоко.

— А что ты предлагаешь?

Оценив мое состояние краем глаза, Галя смягчила тон.

— Слушай, но есть же генетический анализ. Можно его сделать.

— Это который по слюне определяет вероятность здорового ребенка?

Тебе не кажется, что для него уже поздновато?

— Нет, я не про то. Есть несколько анализов, когда делают прокол или там еще какую-то ткань забирают на пробу и смотрят конкретного ребенка. Сделаешь, а там уже будешь думать.

Это походило на выход.

— Только пока не говори Женьке, ладно.

Галка нехотя кивнула.

— Хорошо. Если обещаешь не делать глупостей.

— Обещаю.

Теперь, с поддержкой Галки, уже было не так страшно.

Вытащив телефон из сумочки, я набрала номер Жени. Не для того, чтобы спросить об аборте, просто хотела услышать его голос. Но абонент был недоступен. Меня всю затрясло, к глазам подступили слезы.

А если он меня бросит? Испугается. Господи, он так далеко, я даже обнять его не могу...

— Тихо, Линк, тихо... — Галка накрыла мою руку теплой ладонью.

— Все будет хорошо, слышишь? Разберемся мы со всем, и Женька никуда не денется. Будет брыкаться — бабулю подключим. Ты что, нашу бабулю не знаешь?

Я прыснула и утерла слезы.

— Думаешь, она поможет?

— А чего бы ей не помочь? Я и сама скажу ему пару ласковых. Пусть только попробует смыться. И не смей, слышишь, не смей даже думать об аборте! Сделаем тест у генетиков, если ты так боишься, но даже не думай убивать ребенка! Подумай, что скажет Женя, если об этом узнает? Мне кажется, он рад не будет.

Она была права.

— Галка, ты у меня самая лучшая, — просопела я, шмыгнув носом.

— Ой ладно, перестань. И между прочим, на свадьбе вы круто смотрелись вместе. Теперь я поняла, чего у вас были такие лица... — Она улыбнулась и покачала головой. — И как я сразу не догадалась? Все совала тебе бедного Гошу. Он, кстати, влюбился в тебя по уши,

до сих пор звонит и спрашивает.

— Передай ему, что он опоздал. Я уже с багажом. Хотя если дамы с историей ему интересны, то я готова.

Галка смерила меня взглядом.

— Ты подожди, Женя не согласится тебя отдавать. Теперь буду думать, что подарить вам на свадьбу, Соколова Элина Николаевна.

Было приятно, что Галка восприняла новость вот так: спокойно и оптимистично. Мне бы ее настрой... У меня самой в голове крутились разные сценарии, и далеко не все из них заканчивались свадьбой.

Галя помолчала. Свернула на перекрестке и встроилась в крайнюю правую полосу, где было меньше машин. Небо затянули тучи, и лобовое стекло усеяли черточки капель. Резинки дворников проползли со скрипом, размазывая грязь с боков.

— Но со свекровью тебе, конечно, не повезло, — сказала Галя, и мы расхохотались. — Слушай, если она будет козлить, скажи мне. Мы с мамой быстро разберемся.

— И маме тоже пока не говори! — торопливо вставила я.

— А когда ты собралась ей сказать? Когда ребенок в сад пойдет?

Галка ударила по рулю, и я подпрыгнула от резкого гудка. Машина впереди сдвинулась, уступая нам полосу на поворот. Наш «рено» газанул, и мы снова помчались по выделенной полосе, собирая штрафы.

Затем опять резко затормозили.

— Галк... — пискнула я, вцепившись в подлокотник.

— Что?

— Меня тошнит.

32 (обновление от 4.09)

Галя

Прием проходил в галерее в центре Москвы. Пришлось навернуть по прилегающим улицам круга четыре прежде, чем я нашла место для парковки. Втиснув свой немытый «рено» между «геликом» и новой

«ауди», я переобулась (тапочки прочь, привет туфли на двенадцатисантиметровом каблуке) и выбралась из машины, стараясь не испачкать подол юбки. Взглядом победителя окинула белые ступени и стеклянные двери галереи, за которыми уже скидывали пальто молоденькие и не очень дамы. Они оценивали друг дружку и рыскали взглядами в поисках главной звезды выставки — Герхарда Гейне, восходящей звезды дизайна, которого в этом году желала получить каждая фирма.

Очень много пиарщиц на один квадратный метр. Но ничего, я и не таких конкуренток укладывала на лопатки.

Оставив пальто в гардеробе, я прошла на второй этаж и заняла место у странного арт-объекта, похожего на белого червя с зубами. Вдоль стен тянулись два стола, уставленные канапе, корзиночками с икрой и бокалами с вином. Гости стояли небольшими компаниями, Герхарда среди них не было. Либо он еще не приехал, либо его уже утащила поговорить какая-нибудь ушлая пиарщица.

— Привет, — сказали мне.

Я обернулась и встретила взглядом со стройным блондином в идеально сидящем темно-синем «бриони» и рубашке, расстегнутой у горла на пару пуговиц. Взгляд его карих глаз был теплым, располагающим.

Андрей, вот как его звали. Друг Женьки и соучредитель фирмы, где я сейчас работаю.

Могла ли я ответить ему «привет», или же следовало держаться более официально?

Я решила выбрать нечто среднее.

— Добрый вечер! — сказала с улыбкой. — И вы решили посмотреть на Герхарда?

Андрей поморщился.

— Давай на «ты», окей? Я же не старый дед. Как дела?

— Хорошо, — я быстро перешла в рабочий режим. — Подписали три контракта, с одним точно выйдет хорошая реклама, так как бренд продвинутый. Их аудитория насчитывает более...

— Да я не про работу, — перебил меня Андрей, закатив глаза. — Ты же сестра Лины? Как у нее дела? А то они с Женькой давно не

заезжали.

Оп-па. Значит, он знает?

Я пообещала надрать Лине уши сразу же, как ее увижу. Надо же, друзья Женьки знают, а мне она сказать не могла, пока не залетела?! Ну она у меня получит...

— Все хорошо. У нее сейчас работа началась, и все такое...

— Да, она же в школе работает, — кивнул Андрей. Заметив, что я с пустыми руками, он принес мне бокал вина и тарелочку с закусками, и поставил все это на белого червя, сделав из него столик. Подумав, я пригубила вина и сунула в рот канапешку. Ладно, немного вина беременным можно. Красное же, хорошее. И я не собиралась на него налегать... В отличие от икорных корзиночек, которых я попросила еще, с запасом.

Андрей тоже их уминал.

— Я сегодня без обеда, — сказал он, словно извиняясь.

Так мы ели, попутно обсуждая наряды гостей и то, куда запропастился Герхард. Андрей обещал меня с ним познакомить, Герхард оказался его хорошим другом. И почему я в этом не сомневалась? Андрей интриговал меня все больше.

— Как ты думаешь, у Жени с Линой все серьезно? — спросила я после дамы в алом боа, насмешившей нас так, что мы едва не подавились закуской.

Андрей задумался.

— Я думаю, что это надолго, — наконец сказал он. — Хотел бы надеяться.

Он тихо рассмеялся, и я тоже невольно улыбнулась. Этому парню было невозможно не симпатизировать.

И тут, стоило мне расслабиться, а Андрею уйти за добавкой, как я увидела его.

Михаил Юрьевич, бывший клиент, из-за которого меня уволили с предыдущего места работы! Поганый извращенец! Что он здесь делал?! Хотя ладно, я видела, что он делал. Жрал, пил и щупал за задницу тощую модель на две головы выше него.

Я вся похолодела, не знаю уж, от гнева или страха. С одной стороны

хотелось спрятаться, с другой — подойти и выцарапать мерзавцу глаза.

— Он тебе не нравится, да?

Я даже не заметила, как Андрей вернулся. С трудом придя в себя, я кивнула.

— Он слишком распускает руки.

— Даже так? — Бровь Андрея изогнулась. Поставив бокалы на спину червя, он двинулся своей плавной кошачьей походкой прямо к Михаил Юрьевичу.

Стоп, что? Что он задумал?

Я поспешила за ним.

— Андрей, не надо, — прошипела ему на ухо.

— Не волнуйся, мы просто поговорим, — ответил мне Андрей. Его улыбка оставалась безмятежной, но во взгляде теперь блеснула сталь.

— Здравствуй, Михал Юрьч, — сказал он, приблизившись к олигарху. — Как дела?

Казалось, тот сейчас подавится оливкой. Впервые я видела на его лице... страх? Да быть того не могло! С чего бы такому серьезному дядьке бояться Андрея?

Но он боялся. С опозданием, Михаил Юрьевич расплылся в подобострастной улыбке, ухватил руку Андрея и крепко ее пожал.

— Здра-авствуй, Андрей! Как я рад тебя видеть. — Он шлепнул модель по попке. — Иди погуляй.

Модель окинула нас безразличным взглядом и удалилась, медленно переставляя тощие ноги.

Меня Михаил Юрьевич предпочитал не замечать. Я не была против.

Но Андрей так не думал.

— А это Галя, — он указал на меня. — Помните Галю?

— А как же. Помню, — закивал Михаил Юрьевич. — Как дела, Галюш?

Я промолчала, даже не пытаясь быть приветливой. Пошел он, этот говнюк.

Говнюк сделал вид, будто все в порядке.

— Что же, теперь Галина у тебя работает? — спросил он у Андрея.

— Да, и прекрасно справляется. Лучший начальник отдела.

Что и говорить, мне было приятно, что Андрей отметил мои деловые качества, а не красоту. Обычно мужчины замечали лишь сиськи и не воспринимали женщин-менеджеров всерьез.

Я снова оглядела «бриони» и маникюр на его пальцах. Может, Андрей гей?

Он тем временем расточал улыбки.

— Слышал, у вас была проверка. Налоговая, все дела.

— Да, как обычно. — Михаил Юрьевич махнул пухлой рукой. — Все решили уже.

Андрей покивал, отпил вина из бокала.

— А я слышал, там нашли что-то, — бросил как бы невзначай.

— Как нашли? — побелел Михаил Юрьевич.

— Ну вот я сейчас позвоню, — Андрей достал телефон и покрутил его в руке. — И найдут.

Такого поворота не ожидали ни я, ни олигарх.

— Зачем? Андрюшенька, но у нас же договоренность.

— А затем, что...

Андрей склонился к уху Михаила Юрьевича и что-то прошептал. Тот поменялся в лице — покраснел, затем побледнел и, наконец, позеленел. Андрей выпрямился и улыбнулся.

— Понятно?

Михаил кивнул.

— Не надо было так, — прошептала я, когда мы отошли. Неужели он это из-за того, что я ему сказала?

— Я сделал это не из-за тебя. — Андрей опустил на меня взгляд. Миг — и тот снова потеплел, будто весь лед истаял. — Ну, не совсем из-за тебя.

Он предложил мне локоть, и я после недолгого колебания взялась за

его руку.

— Пойдем, натаскаем еще икры, — предложил он и повел меня к столам. — А то все разберут.

33 (обновление от 5.09)

Лина

«Каждая будущая мама испытывает тревогу за здоровье своего малыша. Можно ли на ранних сроках беременности узнать, все ли у него в порядке? Современная медицина отвечает на этот вопрос положительно. В распоряжении акушеров-гинекологов и генетиков множество диагностических методов, позволяющих с большой вероятностью судить о наличии пороков развития, когда ребенок находится в утробе матери...»

И бла-бла-бла, и ла-ла-ла. Сколько страниц и сайтов я пролистала в поисках анализов. И все варианты казались либо опасными, либо бесполезными. Самым популярным и безопасным казался амниоцентез — когда иглой делают прокол в животе и забирают немного околоплодной жидкости. Но мне даже представить такое было трудно, сразу становилось дурно. Как вообще хоть кто-то мог на это идти?

Боже, какой-то кошмар.

В любом случае, у меня на моем сроке ничего брать не могли, нужно было ждать пятнадцатой недели. К тому времени уже вернется Женя, у меня подрастет живот, и сказать о беременности все равно придется. Но зато он сможет поехать и меня поддержать...

Если конечно, не сбежит от перспективы стать отцом.

С анализом тоже оставались вопросы. Что если игла заденет малыша? Что если они занесут какую-нибудь инфекцию во время процедуры? Или что-то повредят, и произойдет выкидыш?

Знаю, еще пару недель назад я рвалась делать аборт, но теперь во мне все сжималось от одной мысли о потере ребенка. Я не могла остановиться и представляла себе, каким он будет, когда родится... А может, это будет девочка? Пухлая, розовощекая девочка с карими, как у Жени, глазами и маленькими пальчиками, которыми она будет

хватать меня за волосы. Третью комнату Жениной квартиры мы могли освободить, перекрасить стены в какой-нибудь нежно-желтый, купить кроватку — белую, я видела такую в торговом центре на третьем этаже...

Я не могла остановиться.

И чем дальше заходила в своих фантазиях, тем страшнее становилось при мысли, что все это могло лопнуть мыльным пузырем в мгновение ока. Анализ мог показать отклонения. Или оказаться неверным — не выдержав, я опять полезла на форум, где увидела про 70% ошибочных результатов. Зачем, зачем я это сделала?

— Ну дура же, — мрачно констатировала Галка, когда я в слезах и соплях позвонила ей вечером. — Ты сначала сходи ко врачу, она тебе все популярно объяснит. А то начиталась она форумов...

— Врачи тоже, знаешь... — Я шумно высморкалась в салфетку. — Один говорит одно, другой — другое.

— Но это не повод вообще к ним не ходить, а слушать каких-то ноунеймов на форуме. Все будет хорошо.

— Угу, — я пробежалась пальцами по листочкам с сочинениями семиклассников, стопкой лежащим на столе. — Как у тебя на работе?

— Хорошо. Вчера, кстати, встретила Андрея, Жениного друга.

— О? — осторожно удивилась я.

— Да, — голос Гали стал ехидным. — И он спрашивал, как у тебя дела.

Я сморщила нос. Ох, как неудобно получилось...

— Галь, Женька меня тогда сам привел в компанию... Я не знала, что так получится. Я вообще не хотела никому...

Галка рассмеялась.

— Да ладно тебе, я не обижаюсь. Просто оттаскаю за уши, когда увижу, и будем квиты. Он, между прочим, очень за вас рад и рассчитывает, что вы проживете долго и счастливо. Скажи, — Галка понизила голос, — он голубой?

— Что? Нет!

Я знала, что у Андрея периодически появлялись пассии, но он быстро

с ними расставался. «Не совпали характерами», — так говорил Андрей со своей милой улыбкой. «Все эти телочки ему на одну ночь», — так говорил Женя, и мне казалось, что это ближе к правде. Андрей гулял, как мартовский кот, и уж точно не мог быть геем.

— А что за интерес? — Я откусила бутерброд. Сегодня мой малыш хотел докторской колбасы. — Тебе надоел Паша, и ты решила уйти к Андрею?

— Конечно, одного блондина на другого, — Галка фыркнула. — Нет, просто он такой...

— Странный, — закончила я за нее. — Есть такое. Но у Жени вообще все друзья странные. Взять хотя бы Настю...

— Мисс Бандажное платье, — съязвила Галка.

— Да-да. Вот это странно: каждый день выглядеть так, будто в клуб собралась. Или забыла после него переодеться.

— Лина, пойми, она просто ищет спонсора. Такого милого дядечку с пузиком, чтобы тискал и за все платил.

— Да она, вроде, и так обеспеченная. У нее родители — шишки в министерстве.

— Ну тогда у нее просто недоебит или тотальное отсутствие вкуса. Другие диагнозы я ей, к сожалению, поставить не могу.

— Галка, я тебя люблю, — проурчала я в трубку, и Галка снова звонко рассмеялась.

— Лучше скажи это Жене.

Поболтав с Галей, я с тоской посмотрела на листы с сочинениями. Надо было их проверить, но пока не хотелось даже приступать. Хотелось включить романтическую комедию, налить чаю, нарезать еще бутербродов с колбасой и смотреть, пока за окном шуршит дождь. А еще можно было закутаться в Женину толстовку и вдыхать его терпкий запах.

В общем, именно это я и сделала. Сочинения могли пару часиков подождать.

Комедия оказалась довольно-таки интересной, и я даже стала переживать за героя, который никак не мог сойтись со своей любимой. Все время попадал в нелепые ситуации и с трудом из них

выбирался только для того, чтобы угодить во что-нибудь снова. В общем, совсем как я с Женей. Щеки горели каждый раз, как вспоминала себя на даче. Как я прижалась к нему у костра, а он с перепугу вскочил помогать папе жарить уже готовый шашлык. Как Женя мне признался потом, он боялся, что у него при всех встанет. Женя тоже горел, когда мы сидели рядом.

Наверное, он почувствовал, что я о нем думаю. Зазвонил телефон, и на заставке высветилось его фото: растрепанные волосы, сощуренные глаза и колющий взгляд.

Я быстренько поставила фильм на паузу и взяла трубку.

— Как ты? — ласково спросил Женя, и я вся растаяла.

— Хорошо. Твоя мама пока не приходила, все спокойно.

Да, первые дни я шарахалась от каждого хлопка лифта на этаже. Все казалось, что сейчас откроется дверь квартиры, зайдет тетя Люда и спросит, что я делаю в Жениной квартире. У меня даже было заготовлено оправдание на этот случай: мол, пришлось съехать из квартиры, которую я снимала, а новую не нашла пока. Вот Женя и дал мне ключи, чтобы я пожила, пока он в отъезде.

— Да не бойся ты ее, — засмеялся Женька. — Съест она тебя, что ли?

— Не съест, но покусает точно.

Мы помолчали в трубку.

— Как погода в Лондоне? — спросила я, не желая слушать тишину.

— Я скучаю по тебе, — хрипло ответил мне Женька, и мое сердце сделало кульбит. Так хотелось сказать ему про беременность...

Но такие вещи нельзя сообщать по телефону.

— Приезжай поскорее, — сказала я вместо этого. — Мне тоже очень тебя не хватает.

— Приеду уже на следующей неделе, — сообщил мне Женька. — Переговоры закончились раньше, доделаю дела и встречай меня в аэропорту.

— Обязательно встречу, — пролепетала я и погладила живот.

— Едет твой папка, — тихо сказала малышу, когда повесила трубку.

— Скоро будет с нами.

И мне вдруг стало так хорошо и спокойно, как не было никогда в жизни. Ощущение покоя разлилось внутри, заполнило мои легкие, очистило голову от ненужных и темных мыслей.

Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо. Женька едет домой.

34 (обновление от 6.09)

Лина

— Приехали.

Таксист щелкнул «окончание поездки» на телефоне, и тот показал сумму поездки.

— С вас тысяча двести.

Я отстегнула нужную сумму, попрощалась и выбралась из машины. Надо мной навис терминал, яркий и светлый на фоне ночного неба. Здание аэропорта завораживало меня каждый раз, как я его видела. Хотелось сесть и улететь куда подальше, туда, где тепло и шуршит море. Сама-то я нечасто куда-то летала: на наши юга ездила поездом, а за границей была всего пару раз, в Турции.

Над козырьком терминала пролетел ярко-зеленый самолет. Набрав высоту, он скрылся за облаком, а мне захотелось взлететь следом и коснуться его рукой. Интересно, куда он направлялся? Если бы я только могла, то путешествовала бы все время. Вместе с Женей и ребенком, посетили бы Азию, и Африку, исколесили все страны Европы... Мечты-мечты.

Пока я даже не знала, как с ними управляться — с ребенком и Женей, — а не то что путешествовать. Поменьше фантазий, Элина Николавна. И побольше здравого смысла. Может, и ребенка никакого не будет.

Женькин самолет уже приземлился, и я заняла позицию у выхода прибывших. Очень боялась, что не замечу его — люди выходили стайками, останавливались прямо передо мной, заслоняя весь обзор...

Но я все-таки заметила его сразу. Высокий и крепкий, Женька выделялся на общем фоне так, что на него таращились все девицы в зоне ожидания. Одет он был по-дорожному: клетчатая фланелевая

рубашка, джинсы, мокасины, на плече рюкзак. Ну и знакомый чемодан-гроб, в который можно было спрятаться целиком.

— Привет, — сказал он, бросил все сумки, обнял меня и жадно поцеловал, так, что у меня даже ноги ослабели. Как же я по нему соскучилась! Я чмокнула его в колючий подбородок, затем в обе щеки. Зажмурилась и рассмеялась, когда он сделал то же, пропустив мои волосы через пальцы. От его прикосновений по всему моему телу побежали мурашки.

— Пойдем в машину, — сказал он, закинул рюкзак на плечо и пошел к стоянке.

Свой «мерс» Женя припарковал на платной стоянке аэропорта. За три недели наверняка набежала приличная сумма, но, видимо, комфорт Женя ценил дороже. Согрев машину и усадив меня на теплое пассажирское сиденье, он уселся рядом и пристегнулся.

— Сейчас к Андрею заскочим, и домой, — сказал, сдавая назад, чтобы выехать из общего ряда.

Я вздрогнула. К Андрею? Как к Андрею? Мои шансы сообщить Жене важную новость, испарялись с каждой минутой.

— Прямо сейчас?

Видимо, он услышал разочарование в моем голосе. Притормозив, он повернулся ко мне.

— Мне только бумаги завезти, Линок. Надо запустить проект уже завтра с утра, а Андрюхе нужны оригиналы документов для оформления. Мы быстро, ладно?

Вздыхнув, я согласилась. Мужчины, что поделать? Работа прежде всего.

Но сидеть спокойно мне не удавалось. Я теребила сумочку, лежащую на коленях, смотрела в окно, кусая губы, прислушивалась к ощущениям в животе. Живот хотел есть и в итоге громко заурчал, отчего я покраснела.

— Что-то не так? — Женя внимательно посмотрел на меня. — Ты чего ерзаешь?

Я снова принялась теребить сумку. Внутри все дрожало, как натянутая струна. Как же хотелось есть... К концу беременности я грозила стать похожей на колобка.

— Мне надо кое-что тебе сказать, — не выдержала я. — Очень важное.

— Ты меня заинтриговала. — Женя задумался. — Тогда давай где-нибудь поедим, и ты мне все расскажешь. А потом уже к Андрею. Идет?

Не так я представляла себе наш разговор, но никогда ничего не бывает идеально, верно? В незнакомой обстановке мне, может, даже будет проще.

Женя остановился у ресторана на Белорусской, недалеко от Галкиной квартиры. Я даже подумала, что это хорошо. Если что — если вдруг Женька отреагирует не так, как мне представлялось, — то я сразу пойду к Галке и переночую у нее. Худший вариант развития событий, конечно, но готовый план действий на случай худшего варианта почему-то успокаивал.

Мы заняли стол у окна. Женя сел на стул, я же устроилась на диванчике, отгородившись салфетками и миской салата, и принялась хрустеть, поглядывая на Женьку искоса.

Он задумчиво оперся щекой на кулак.

— Нет, с тобой точно что-то не так, — проговорил. — Давай, рассказывай.

— Сейчас, — кивнула я и заказала чаю, мяса и маленький кусок яблочного пирога. Ладно, не маленький, но мне очень хотелось его попробовать. Доев салат и надкусив для храбрости пирог, я наконец выложила все, как есть. Вывалила, как на духу.

— Ты скоро станешь папой.

Женя положил вилку, не успев донести ее до рта. Посмотрел на меня так, будто у меня вдруг выросли рога.

— И как скоро? — поинтересовался он.

Я пожала плечами.

— Где-то через семь с половиной месяцев. Плюс-минус.

Судя по Жениному взгляду, рога с моей головы упорно не исчезали. Затем он škодливо ухмыльнулся и накрыл мою ладонь своей.

— Ты рад? — спросила я, уже ничего не понимая.

— Шутишь? — Женя даже удивился. — Я в восторге!

Он пересел ко мне на диванчик и поцеловал так, что у меня внутри снова все вскипело.

— Но только надо будет сделать анализ... — заторопилась я, оторвавшись от его губ. — Сходить к генетику, чтобы он сказал, можно ли делать амниоцентез... Это такая штука... Такой анализ, когда берут иглу...

— Сделаем, — невозмутимо прервал меня Женя. — Если тебе так будет спокойнее — сделаем все, что надо.

Я обняла его крепко-крепко и зарылась лицом в теплую фланель рубашки. Женька уперся подбородком мне в затылок, приобнял одной рукой. Так мы и сидели, греясь друг о дружку. Негромко играла музыка, пахло мясом и яблочным пирогом, и мне вдруг остро захотелось к бабушке на дачу. Чтобы мы собрались у костра, как тогда, всей семьей. Чтобы Женя был рядом, держал меня за руку, и не нужно было прятаться. А наши дети играли в саду...

— Все будет хорошо, Жень? — пробубнила я во влажную от дыхания ткань.

Женя вздохнул: грудь приподнялась, и опустилась, сердце застучало чуть быстрее.

— Все будет даже лучше, — ответил он. — Обещаю.

35 (обновление от 7.09, часть 1)

По дороге к Андрею мы молчали. Как бы Женя ни старался показать, что все хорошо, я видела — моя новость его потрясла. Он сосредоточенно следил за дорогой, а по щекам ходили желваки.

Он просто пытается понять, старательно утешала я себя. Ничего страшного.

Но все-таки было тревожно видеть, что он тоже боится. Хочет меня поддержать (и как же я любила его за это), вида не показывает, а страх все равно лезет наружу. Он был виден в Женькиных сжатых губах, в руках, сжимающих руль.

Я сглотнула горький ком и отвернулась к окну. Как же все это не вовремя.

У Андрея как всегда сидели гости. Сегодня он был одет как-то даже

по-деловому: в белой рубашке и брюках. Правда, рубашка была расстегнута на пару верхних пуговиц и свободно болталась поверх штанов, но все же. В гостиной я успела заметить худенькую симпатичную блондинку в окружении трех амбалов в черных костюмах. Андрей сделал едва заметный знак, и амбалы увели ее куда-то в дальние комнаты.

— А это кто? — спросила я, опираясь одной рукой на стену, а другой стаскивая туфлю.

— Моя родственница из Калуги, — мило улыбнулся Андрей и придвинул стул. — Да ты присаживайся, так же неудобно.

Я присела, все еще косясь на коридор, в котором исчезла блондинка. Никакая она не родственница, в этом я была уверена. Во-первых, вряд ли у Андрея есть в Калуге родственники. Во-вторых, родственников не уводят под ручки секьюрити, как какого-то политика или звезду.

Может, и правда, это была какая-то звезда, с которой Андрей спал? А мы нагрязнули, как снег на голову.

— Мы невовремя? — спросил Женя, словно услышав мои мысли.

— Нет, все хорошо.

Андрей пригласил нас в гостиную. Там на диванчиках уже расположились Настя (приросла она к тому дивану, что ли?), еще какой-то тощий парень, представившийся Шустрым (очень подозрительный, в девяностых такие водили черные бумера и носили малиновые пиджаки), и неизменный Леня, который спал, закинув ноги на подлокотник кресла. Его нос был испачкан чем-то белым.

— Чего-нибудь будете? — Андрей прошел в зону кухни и чпокнул пробкой, откупорив бутылку вина. — Лина? Твое любимое, красное.

— Нет, спасибо, я не... Мне нельзя, — смутившись, брякнула я. И тут же почувствовала на себе цепкий взгляд Насти.

— А что такое? — спросила она, подавшись ко мне с неестественной, будто приклеенной улыбочкой. Черт, она меня пугала. Мегера крашенная.

— Антибиотики, — я пожала плечами. — Нельзя пить, когда таблетки принимаешь.

Кивнув, Настя откинулась обратно на пухлую спинку дивана, все еще

продолжая изучать меня взглядом. Я же ей не нравилась? Какое ей дело, что я не пью?

Я даже разозлилась сама на себя. Вот так и надо было ей ответить, а не мямлить что-то под нос.

Приобняв за талию, Женя повел меня на кухню к Андрею. Тот раскинулся на стуле, вытянув и скрестив длинные ноги. В пальцах он уже держал бокал вина.

— Я привез документы, — Женя вручил ему пухлую полупрозрачную папку.

С Андрея тут же слетела вся расслабленность. Он отставил бокал, раскрыл папку и принялся перебирать бумаги, внимательно вчитываясь в каждую. Мгновенный переход из режима отдыха в деловой, я даже позавидовала.

Пока они с Женей обсуждали дела, я отошла к окну. Периодически я ловила на себе взгляды Насти и молилась, чтобы та не вздумала ко мне подойти. Не хотелось ее допросов и фальшивого внимания. Я-то знала, чего, а точнее, кого ей надо. Я для нее лишь преграда на пути к Жене, на котором она, казалось, была помешана. Могла же получить любого мужика! Но нет...

Хотя, в этом я ее понимала.

Я тоже была на нем помешана.

— Жень, все в порядке? — тихо спросила я позже, когда мы приехали домой.

Мы лежали на кровати, разморенные бурным сексом и теплым душем. Я прижалась щекой к его груди и задумчиво перебирала иглы его влажных волос. Женька гладил меня по спине — медленно вел кончиками пальцев от лопаток вдоль позвоночника, так, что по телу сбегали мурашки. О чем-то бурчал телевизор, какая-то программа про новинки техники. Женька любил смотреть этот канал.

— В смысле? — хмыкнул он, посмотрев на меня.

— В смысле насчет беременности. — Я вздохнула. — Надо родителям сказать.

— Надо — значит, скажем.

Его взгляд снова вернулся к экрану.

Это меня возмутило.

— Ты себя ведешь, как будто тебя это совсем не трогает.

Несправедливое обвинение, конечно же, я знала, что это не так. Что он волнуется и тоже боится. Но мне хотелось хоть какой-то поддержки с его стороны.

Ну поговори со мной, не надо делать вид, будто волнующие меня вещи — это фигня!

И мои мечты сбылись. Женька выключил телевизор и обратил на меня все свое внимание.

Точнее, зацеловал и зацекотал так, что стало больно дышать.

— Что за разговорчики, Лин? — рыкнул он, кусая меня за попу.

— Женя, прекрати! — прохохотала я.

И что за дурацкая манера — любой серьезный разговор сводить на смех или секс? Вот же... такой же несносный, как и в детстве, честное слово!

Женька навис надо мной, и я нежно погладила его по щеке.

— Ты что думаешь, я железный? — спросил он. — Ясно, родители рады не будут. Но это наш выбор, Линок. Наша жизнь, да? А не их.

Я кивнула, а на глаза даже слезы навернулись. Вот же... Забеременев, я действительно стала плаксой-ваксой, любое сентиментальное шоу по ТВ или дождик за окном — и вот, пожалуйста, я реву. Но плакать при Женьке я никак не собиралась, и потому чмокнула его в нос и выскользнула из его объятий.

— Я попить, — сказала. Вылезла из-под одеяла и поежилась — в квартире было прохладно. Осень пришла, а отопление еще не включили, самое пакостное время. Так что я накинула Женину белую рубашку и на цыпочках побежала по коридору на кухню. Быстрее-быстрее, пока не успела замерзнуть.

У двери я остановилась. Показалось, что в замке кто-то ковыряется. Царапает ключом замочную скважину и никак не может в нее попасть.

— Жень, — негромко позвала я, но он молчал. Наверное, не услышал, а крикнуть громче я боялась. И вся оцепенела, не могла сдвинуться с места.

— Жень, тут кто-то замок открывает, — снова подала голос.

И тут дверь открылась, впустив холодный воздух из подъезда.

Передо мной стояла тетя Люда собственной персоной.

36 (обновление от 7.09, часть 2)

Я сделала шаг от двери, запахивая Женину рубашку. Мне хотелось сжаться... просто исчезнуть. Как будто снова стала шестнадцатилетней, и нас застукали во время секса.

Тетя Люда наоборот шагнула вперед, тесня меня вглубь прихожей. Прикрыть входную дверь она даже не думала. Смерив меня взглядом с головы до голых ног, она презрительно скривила губы.

— Мне позвонила Настенька, но я даже не ду-у-умала, что ее слова — правда, — сказала на весь подъезд, манерно вытягивая слово «думала».

Из спальни выскочил взъерошенный Женька в одних трениках. Быстрым взглядом окинув меня и тетю Люду, он встал между нами, загородив меня собой.

— Что-то не так? — спросил у тети Люды.

Она распахнула свои водянистые глаза, хотя, казалось бы, куда уж больше — они и так все время были навывкате.

— Женя, я ду-у-умала, ты переболел! Ты же мне обещал!

Обещал? Переболел? Я нахмурилась, не понимая. Нужно спросить у Жени после.

— Мама, это мой выбор. Я люблю ее, — отрезал Женя. — И собираюсь на ней жениться.

Меня, конечно, об этом еще не спрашивали... Но против я не была однозначно!

— Что ты такое говоришь?! — тетя Люда всплеснула руками.

— То, что должен был сказать уже давно.

Такого ответа тетя Люда явно не ожидала и осела на кушетку, придавив ее своим грузным телом. Одну руку положила на лоб и прикрыла глаза.

Станиславский дважды перевернулся в гробу.

— Мне плохо, — простонала она еле слышно. — Плохо...

На миг Женя задержался — он прекрасно видел, что это трюк, причем дурно исполненный. Но все-таки пошел на кухню за водой. Все время, пока его не было, тетя Люда сверлила меня ненавидящим взглядом из-под полуопущенных ресниц.

— У него карьера, Лина, — сказала она тихо. — Мой мальчик должен строить карьеру, а не нянчить лялек.

Я хотела ответить, что она лезет не в свое дело, но вернулся Женя и протянул стакан воды. Тетя Люда едва его пригубила.

— Вызвать скорую? — спросил Женя. В его голосе не было тепла.

— Нет, — вяло отмахнулась тетя Люда. — Пройдет... Просто я слишком за тебя переживаю... Как ты мог? Как вы могли?.. Лина, в кого ты превратилась! И Женя, ты же обещал...

— Я отвезу тебя домой, — твердо оборвал ее причитания Женя. — Лин, я скоро вернусь.

Он взял тетю Люду под руку и помог ей встать. Охая-ахая, она выкатилась на лестничную площадку. Женя надел протянутые мной свитер и куртку, босой влез в кеды и вышел следом.

Напоследок он обернулся. Глаза у него были черные, злющие.

— А Настеньке влетит, — прорычал и захлопнул дверь.

Все время, пока его не было, я не находила себе места. Галка трубку не брала, в «ватсапе» тоже не отвечала. Я же металась по квартире, заламывая руки. Поймав себя на этом, начала убираться. Надо было хоть как-то занять себя, чтобы не сойти с ума.

И чего тетю Люду понесло сюда на ночь глядя? Значит, Настя догадалась и от обиды настучала ей. Вот же... стерлядь, кошмар какой-то. Одна радость — Женя теперь с ней точно говорить не будет. Может, даже уволит. Ни я, ни Галка этим опечалены не будем.

Что значило “переболел”? Значит, она уже знала о наших с Женей отношениях? Или о той влюбленности, которая была давно. А, значит, специально пыталась нас разлучить...

Но раз уже тетя Люда знает, надо рассказать маме. А этого я очень боялась. Я не могла ее понять, предугадать, как она отреагирует. Ведь когда я ее познакомила с бывшим мужем, он ей очень не понравился.

Потом она сказала мне, что я достойна большего.

Я не думала, что мама считала Женю чем-то большим. И двоюродный брат... И я уже беременна.

Вот это шапито.

Через час дверь щелкнула, и вошел Женя. Я осторожно вышла в коридор и следила за ним, как за опасным зверем — как он закрывает дверь, устало стаскивает кеды.

Что он сейчас скажет?

Он повернулся ко мне и как-то странно, долго посмотрел. Я замерла, сцепив вспотевшие от волнения пальцы. Меня даже начало подташнивать...

Что он задумал?

— Я хотел сделать это позже, в другой обстановке, но... — сказал Женя, что-то ища в карманах куртки. Затем вытащил коробочку, обитую синим бархатом, открыл ее и встал на одно колено.

— Лина. Элина Николавна, ты выйдешь за меня замуж?

37 (обновление от 12.09)

Конечно, я сказала «да».

Я не могла понять, в какой сказке нахожусь, где очутилась. Любовь всей моей жизни сделал мне предложение. Он выбрал меня! Не маму, не Настю и не какую-нибудь модель с длинными ногами, а меня. Я видела это в его глазах. Я слышала это в его дыхании — что он мой. До самого конца.

Он уснул, а я все смотрела в жидкую городскую тьму, поглаживая живот.

Что если придется делать аборт? Какой ужас...

И все узнают... Хотя все и так уже знают, или скоро узнают, чего уж. Теперь я была готова отстаивать свое счастье, несмотря ни на что. Теперь я знала, что мне есть где укрыться, что мы с Женей — одно целое, одна команда, если можно так сказать.

Мы все переживем. Все сумеем.

Я наконец поверила, стала уверенной в собственном счастье.

С этими мыслями я уснула. Мне снились облака — мягкие, как пуховое одеяло, и белые, как только выпавший снег. Я бежала по ним, прыгала, отталкиваясь босыми ногами. Бух — разлетались ватные хлопья. Бух — приземлялась я и, не удержав равновесие, падала в податливую мягкость, раскинув руки.

А потом появился Женя, и мы полетели над Москвой, совсем как на картине Шагала. Одной рукой он держал меня за талию, вторую по-супермэнски вытянул перед собой. А под нами тянулись мокрые проспекты, и пустые спящие улицы, и кривые переулки. Квартиры, в которых еще не спали влюбленные, томные скверы с опавшей листвой и тихая Москва-река.

На следующее утро по дороге в школу я позвонила маме. Сказала, что зайду вечером в гости. Хорошо, папы не было, — он уехал в командировку.

Страшно было, конечно. Но я уже взрослый человек (в который раз повторила я себе), и моя жизнь — это моя жизнь, мои решения — только мои (тоже повторила, трясущимися пальцами набирая код на домофоне).

Поднявшись на восьмой этаж, я вышла и позвонила в железную родительскую дверь. Мама открыла, и меня окатил с детства знакомый жирный запах готовящихся блинов. Разувшись в тесном коридоре, я прошла на небольшую кухню и села на табурет. Это было мое место, сколько я себя помню. Сколько раз я приходила вот так и садилась, а мама ставила передо мной чай...

Смогу ли я прийти вот так вот снова, после нашего разговора? Я не знала.

— Как дела, Ленок? — Мама налила чай и поставила его на стол. В моей кружке, желтой, с треснутой ручкой.

— Хорошо.

— Ты что-то какая-то бледная. Совсем школьники замучали?

Она ловко подцепила блинчик со сковороды, бросила его на стопку уже готовых и вылила на сковороду еще половник теста. Сковорода зашипела, масло зашкворчало.

— Нет, школьники хорошо себя ведут. — Я сделала глубокий вдох.

— Мама, мне надо кое-что тебе сказать.

— Ммм? — Мама мельком глянула на меня через плечо.

— Ты лучше поставь сковороду, ладно?

Она нехотя послушалась и повернулась ко мне лицом.

— Что случилось?

А это было сложно. Куда сложнее, чем я представляла.

— Я встречаюсь с Женей. С нашим Женей. Мы уже месяц живем вместе.

— Ох, Лина-Лина... — Мама отложила прихватку, выключила конфорку и села напротив меня. На ее лице не было ни злости, ни шока. Она была так спокойна, будто уже давно обо всем знала.

— Только не отговаривай, ладно? У нас все серьезно, мы решили пожениться. Я... — Я сжала салфетку, набираясь сил для последнего удара. — Я беременна, мама.

— Понятно, — ровным тоном ответила мама. А меня понесло.

— И я очень боюсь, что он родится какой-то... с отклонениями, знаешь.

— Ага, — кивнула мама, почти не мигая.

— И хочу сделать анализ, амниоцентез. Мы же с Женькой двоюродные, вдруг что-то не так...

— Не надо делать никакой анализ, — мягко прервала меня мама.

Тут уже настала моя очередь глупо молчать и смотреть.

— В смысле? — наконец спросила я.

— С биологической точки зрения вы с Женей даже не родственники. Хороший ребеночек будет, я уверена.

Даже не... Что?!

— Как? — Я не могла поверить. — У нас же семейные фото везде!

Лежат в фотоальбомах — мы с Женей, два карапуза, валяемся на диване в одних пеленках. Он беззубо улыбается, а я задумчиво смотрю в камеру.

Мама печально кивнула.

— Люда очень долго не могла забеременеть, они с Андреем часто из-

за этого скандалили, знаешь... Ну и в итоге он завел себе на стороне одну, молоденькую совсем. Люда потом узнала об этом, разводиться хотела, потом простила. А девочка родила, но собиралась отказаться от ребенка, вот они с ней и договорились. Они прямо из роддома Женьку забрали.

— Так почему молчали?

— Люда очень не хотела, чтобы кто-либо знал. Ты же знаешь, ее очень беспокоит мнение окружающих. — Мама вздохнула и развела руками. — Такая вот Санта-Барбара, Лина. Иногда жизнь оказывается похлеще сериалов.

Тетя Люда очень боялась, что все узнают правду. Что муж ей рога наставил и что родить не смогла... Еще бы, я бы тоже боялась.

— Понятно, — мрачно сказала я и насупилась. Теперь ясно, почему она так не хотела, чтобы Женька оставался у бабушки на даче, почему увезла его в Лондон. И почему была так недовольна сейчас, когда узнала, что мы вместе. «Я думала, что ты переболел», ага. Все теперь понятно.

Им перед соседями неудобно, а у нас с Женькой жизни искалечены.

Неужели тетя Люда настолько эгоистична? Думает только о себе, о своих планах на Женю, боится, что кто-то отберет ее прелесть. Это жестоко. Совсем не по-матерински.

— А Женька... — я развела руками. — Он в курсе?

Мама качнула головой.

— Они вроде собирались ему сказать на шестнадцатилетие, но, видимо, так и не решились. Если бы настоящая мать объявилась, может, и сказали бы, а так... Там уже Люда отправила его в Лондон учиться, и вроде как тему закрыли. — Мама задумчиво откусила блинчик. — Бабушка знает. Бабушка у нас все знает.

Бедный Женя. У меня сердце разрывалось, когда я думала о его реакции, когда он узнает. Он же почувствует себя преданным самыми близкими людьми... И не сказать ему я тоже не могу — правда рано или поздно откроется, и предательницей уже окажусь я.

Он должен знать.

Мне вдруг стало так грустно и больно, что я разрыдалась. Спрятала лицо в ладонях и согнулась над столом, а слезы сочились сквозь

пальцы, капали в мою чашку чая.

— Мама... Мамочка, ну как же так?..

— Что? — всплеснула руками мама, неловко перебралась за мою часть стола и обняла меня. — Неужели ты не рада?

— Как же я вас всех ненавижу, мама... — сказала я, рыдая и смеясь одновременно. — Столько лет, столько лет...

Я не понимала, чего хочу больше: на всех обидеться или просто их убить. Секрет, тоже мне!

Если бы я знала... Если бы я знала! Столько лет я мучилась и стыдилась своего чувства!

— Как же так?

Мама гладила меня по голове. Медленно и легко, будто перышки приглаживала.

— Ничего, Линочка. Теперь все будет хорошо. Я очень за тебя рада. За вас обоих, и что это именно Женечка. Он — хороший мальчик.

Всхлипнув, я кивнула.

Он — самый лучший мальчик, которого могла подарить мне судьба.

Эпилог

Женя

Сегодня Лину опять тошнило. Она говорит, что все в порядке, но я вижу, как ей тяжело. Раньше не думал, что токсикоз — это такая жесть. Бедные тетки, как они это терпят?

Не знаю, как ей помочь. Похоже, единственное, что я могу сделать сейчас — это не мешаться под ногами и бегать за мороженым. Клубничным мороженым. Только клубника, только хардкор.

Есть одна вещь, одна тема, которая до сих пор лежит между нами. Лина не спрашивает, а я не знаю, как начать разговор. Как это сделать? Что сказать? «Я предал тебя, но не просто так»? «Я хотел тебя защитить»? Глупо, это же глупо и неправдоподобно.

Правда гораздо неприглядней.

Тогда, в шестнадцать, я боялся. За себя, за нее, за наше будущее. Боялся, что они все испортят. Они — все, кто нас окружал. Что они отравят Линке жизнь своими разговорами, осуждением, взглядами.

А она у нее одна.

Я не мог так поступить. Да и хотела ли она связать жизнь с кузеном? Даже сейчас, когда оказалось, что мы родственники только на бумаге, все равно смотрят косо. Не будешь же ходить и всем доказывать, что не олень. Больше хочется молча дать в табло, чтобы меньше лезли не в свое дело.

К тому же, мама узнала о наших с Линой поцелуях. Она капала корвалол, ела успокоительное, жаловалась на сердце, периодически падала в обмороки и говорила нам с отцом, что умрет от горя. А я не мог причинить боль той, которая меня вырастила. Мой долг, как сына, ее защищать, а не доводить до истерик.

Поэтому я решил подождать. Решил, что молчание все исправит. Что все забудется, исчезнет, растворится, как туман над рекой.

Тогда, перед объездом в Лондон, я решил, что так будет лучше. А уж если принял какое-то решение, то его придерживаюсь. Несу ответственность. С другой стороны, сейчас понимаю, что это была трусость. Закрывать глаза и представлять, что проблемы нет. Что Лины нет. Что это, как не побег?

Если бы я знал, что на самом деле мы — не родня. Если бы я только знал... Я не сержусь на маму, нет, я обижен на нее за другое. Что она воспринимает меня, как вещь. Ее личную вещь.

Когда я увидел Лину на бабушкиной свадьбе... Не знаю, что со мной произошло. Внутри все перевернулось. Хотелось в тот же миг сгрести ее в охапку и целовать, сжимая в объятиях. Хотелось утащить ее в лес, как сделал бы какой-нибудь дикарь, и не отдавать никому.

Никогда.

Она моя — вот что я ясно понял в тот момент. Только моя, и мнение других людей уже не имело значения. Даже если эти люди меня воспитали. Единственное, чего я боялся — что не согласится сама Лина. Что не будет готова пойти до конца.

Поэтому, когда она ушла от меня на Галкиной свадьбе, я чуть с ума не сошел. Все казалось блеклым, плоским. Бессмысленным. Бухай-не бухай, выхода видно не было. Тогда, на палубе, я должен был ее

утешить, успокоить, но понял это только потом, когда уже было поздно. А я, как дурак, разозлился и чуть все не сломал. Опять. Я же тоже хотел детей. Хотел приходить домой, и чтобы Лина ждала меня, и всю эту избитую ерунду, слыша о которой я раньше фыркал. Лина заполнила меня изнутри, я не мог не думать о ней.

Я видел только ее.

Я слышал только ее.

Иногда я подъезжал к ее дому и боялся подняться. Боялся показаться навязчивым, помешанным, хотя именно таким я себя и чувствовал.

Потому что она была моей. Она и есть моя, навсегда. Как половина тела, которую не отнять.

Наша свадьба была скромной. Мы подали заявление сразу после того, как я сделал предложение, и через полтора месяца уже расписались. Мать с отцом не пришли, многие мои друзья тоже отказались явиться. Некоторые даже удалили меня из друзей в соцсетях и не отвечали на звонки. Это не имело значения. Нам было достаточно тети с дядей, Гали с ее мужем, бабули с дядей Сашей и пары моих корешей. Леня даже не нюхал, по-моему, я впервые за пару лет видел его трезвым и в сознании. Андрей подарил нам путешествие на Мадагаскар и фирменную улыбку. «Летите, котики, давно пора», — так он сказал. Я и правда давно хотел туда слетать, но времени не хватало. Теперь пришлось, даты уже были проставлены в билетах. Мы посидели в пустом ресторане, заказывая еду из меню, обожрались от пуза, выпили шампанского и поехали на дачу.

Снег в саду лежал по колено, искрился на солнце и пылью падал с веток. Мы с дядей Сашей и Лениным папой расчистили дорожки и пятачок у беседки. Тетя Света и бабушка натопили дом, потом мы разожгли мангал и сделали шашлыки. Одевшись потеплее, сели на лавочки, с пластиковыми тарелками в руках. Лина пахла ванилью — почему-то именно этот запах я всегда чувствую от нее. С самых четырнадцати лет. Она пахнет, как свежая булочка, и внешне слегка на нее похожа: румяные щеки, пухлые розовые губы, округлая грудь.

Когда я прикладываю ухо к ее животу, мне кажется, я слышу стук второго сердца. Не могу поверить, что это все мое.

Ярко, по-зимнему светило солнце. Мы сидели на скамейке, накрывшись большим старым пуховиком. Лина рассказывала том, как ее провожали в школе. Как встретилась с коллегами в кафе, а они,

все эти тетушки-учительницы, задарили ее пеленками, и сосками, и костюмчиками для новорожденного. Пакеты не влезали в багажник, я еле их утрамбовал. И зачем одной козявке столько тряпок? Непонятно.

Я думал об этом, обнимая Лину, грея ее своим телом. Слушал зимнюю лесную тишину.

А потом мы уехали в Лондон.

Вот и закончилась их история... Точнее, история Лины и Жени только началась, вместе они ушли в закат))

Спасибо вам, что были с ними все это время!

Приглашаю вас на мой новый роман “Кошка для босса”, ссылку вы можете найти в аннотации к “Нам нельзя”. В новом романе речь пойдет об Андрее, его тайнах и пристрастиях. Надеюсь, будет интересно :))

Всем котика!